

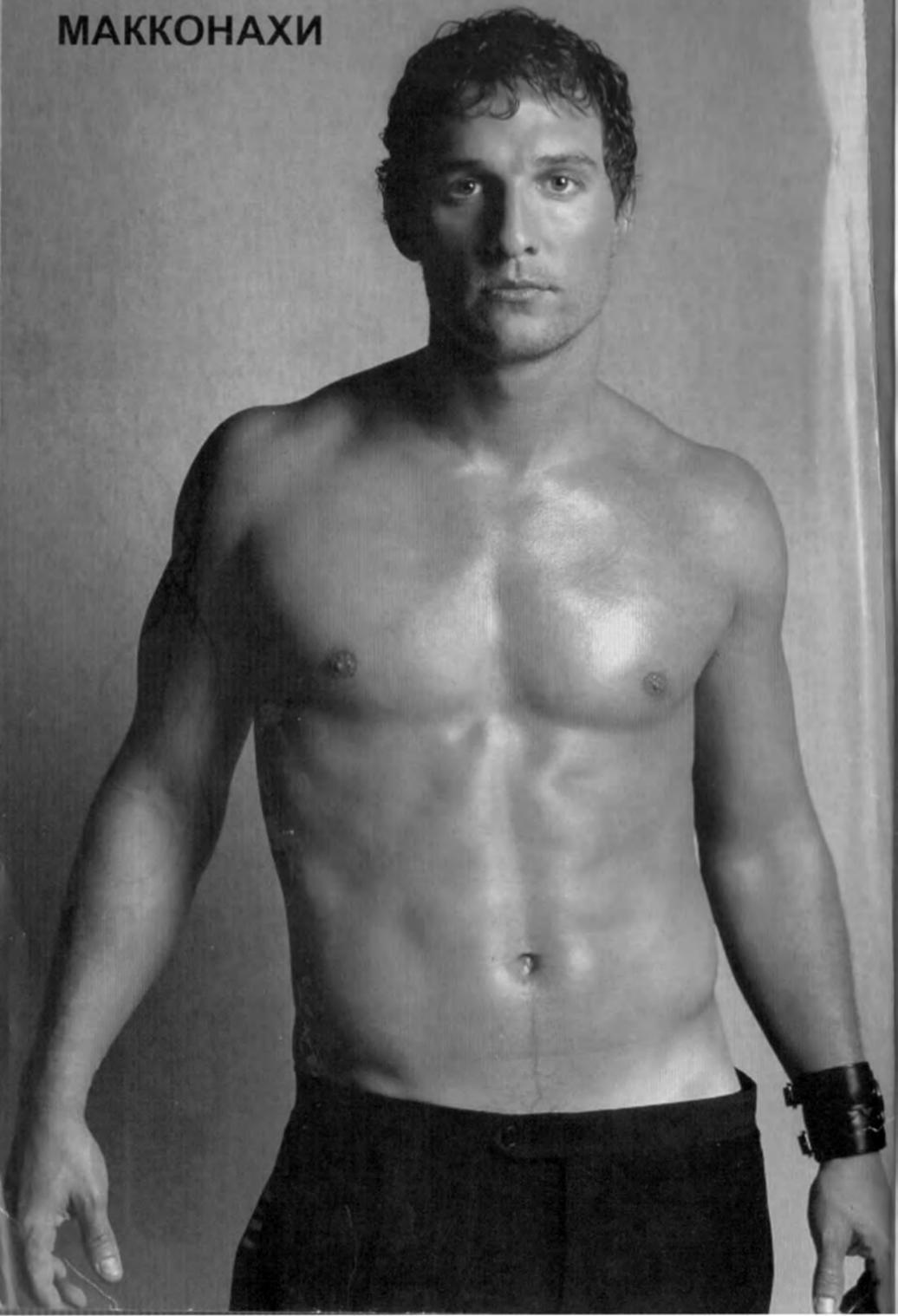
Жизнь

и

5/2009

МЫ

**МЭТТЮ
МАККОНАХИ**

5/2009

СОДЕРЖАНИЕ

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Елена Матвеева. Асфодель – цветок смерти. Повесть. Окончание7

Проба пера. Стихотворение из конверта66

Погода на завтра. Игорь Васильев. Весеннее обострение68

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Алексей Будкин. В поисках идеала72

Письма в «МЫ»2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Сергей Чайкин. Техасец МакКонахи – самая горячая звезда81

■ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ник. Кедров. Зигзаги судьбы группы «Total»116

Компакт-известия121

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора113

■ КИНООБЗОР

На наших экранах97

72

81

97

116

СЕРИЯ «СВЕТЛОТЫ»
1
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫ»
2009

Мы

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал

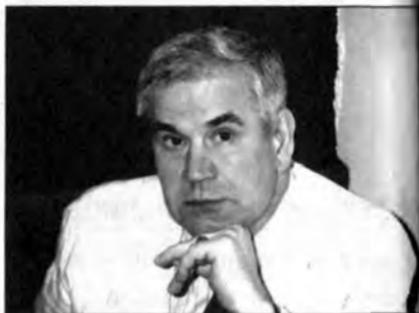
✉ Адрес для п
Абон. ящик № 1, Москва
☎ Контактные т
(499) 150-11-97, (49
E-mail: magazine-w

Подписано в печать
Формат 60x90/16. Бум
Печать офсе
Тираж 4600 экз. За
© «Мы», 20

ООО «Принт Эк
Денисовский
Москва, 10

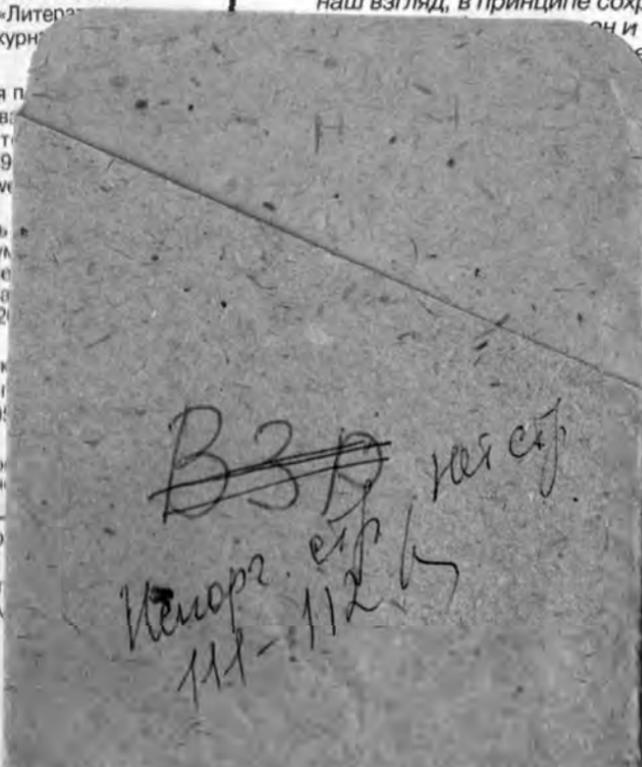
За материалы, опублико
«Проба пера», гонорар н

Выпуск издания о
при финансовой
Федерального агент
и массовым ком

Дорогие наши подписчи
и читател

Мировой кризис, к сожалению,
обошел стороной и Россию,
наверняка многие уже успе
испытать, что это означает лично д
них. Средства массовой информаци
– не исключение: некоторые издани
приказали долго жить, други
сдваивают номера... Мы же решил
поступить по-другому – про
несколько уменьшить объем номеро
за счет романов, повесте
рассказов, оставив всё остально
как и было прежде. Это позволит, н
наш взгляд, в принципе сохранит

ШМИ
НИЯМИ
ников,
датор

ПИСЬМА В «МЫ»

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ НЕ ПОМЕХА

Хочу поведать вам свою жизненную историю. В ней, на зарю, нет ничего особенного, но для меня очень важно именно сейчас принять правильное решение. И если сможете, дайте мне совет, как мне не ошибиться в данной ситуации.

Сейчас мне девятнадцать лет, я служу в армии. За два года до армии я чисто случайно познакомился с девушкой, так я думал начала. Но, как оказалось, этой девушке уже тридцать два года. Она очень красивая, не замужем, детей нет. Сначала просто встретились. После недолгих встреч решили сойтись и жить вместе. Мы оба достаточно обеспеченные люди. Врачи поставили ей диагноз — бесплодие. Но четыре месяца назад она, к огромному своему и моему счастью, родила мне сына. Если честно, я ее очень сильно люблю и боюсь ее потерять.

Сейчас ей исполнилось тридцать пять лет, а мне девятнадцать. У нас разница в возрасте — шестнадцать лет. Ни у нее, ни у меня родители не против наших отношений. Даже хотят, чтобы она родила еще одного ребенка. Я тоже не против. Но опасюсь того, что может случиться в дальнейшем: боюсь, что пока я в армии, она может бросить меня. Не знаю, как мне поступить дальше. Очень хотелось бы, чтобы по

этому поводу высказались те, у кого есть жизненный опыт в подобной ситуации. Особенно хотелось бы услышать тех, кто старше меня.

Сергей
Алтайский край

От редакции. Сколько раз мы писали уже о разновозрастных браках. Однако, по всей вероятности, многие молодые люди читают журнал лишь от случая к случаю, и публикации на эту тему могли пройти для них незамеченными. Что ж, к сожалению, придется повторяться. К сожалению — вовсе не потому, что нам не хочется возвращаться к тому, о чём мы уже писали. Есть немало других интересных проблем, которые тоже волнуют молодежь. А мы в силу этого вынуждены обходить их стороной и толочься на одном месте. Ну, тут уж ничего не поделаешь, поскольку примерно через три-четыре года контингент читателей значительно меняется, а у тех, кто впервые взял журнал в руки, возникают, как правило, почти те же самые вопросы, что и у их предшественников. И это вполне естественно.

Сначала — немного истории. По случайному и забавному совпадению, французский король Генрих Второй, женатый на Екатерине Медичи, девушке без каких-либо признаков красоты, много лет, вплоть до своей трагической смерти на рыцарском турни-

ре, был любовником прекрасной дамы старше его на шестнадцать лет. Так что, Сережа, у тебя есть кое-что общее с особами королевских кровей. Это, конечно, шутка, к тому же дела давно минувших дней.

Теперь вернемся в день сегодняшний. Мало кто знает, что в НХЛ (канадской национальной хоккейной лиге) существует кодекс секс-поведения игрока, запрещающий ему вступать в сношения с женщинами, которые старше его более чем на пять лет. Этот вроде абсурдный пункт появился в кодексе после того, как российский хоккеист Алексей Яшин по уши влюбился в актрису Кэрол Альт (она снималась в кинофильмах, сериалах «Крестная мать», «Невеста насилия» и других, а в 1978 году приняла участие в конкурсе «Самая прекрасная женщина мира»), которая старше его на тринадцать лет. Во время работы Яшина в Америке эта парочка жила в гражданском браке. Если на первых порах Яшин еще изображал крутого мужика, то с годами он полностью попал под контроль своей дамы и, что печальнее всего, сильно сдал. Его друзья уверены – всему виной сексуальная вампирша Кэрол, вытягивающая из него все соки. И отмечают – американская дива с каждым годом, проведенным вместе с россиянином, становится всё моложе и краше. Пару лет назад, к примеру, Кэрол снялась обнаженной для журнала «Плейбой». И это в почти пятьдесят лет!

Мужчины, впрочем, тоже не хотят ударить в грязь лицом. К примеру, Людмила, последняя жена мануального терапевта Владимира Никулина (а всего у него было пятнадцать жен) моложе своего супруга на сорок лет.

Недавно она подарила ему сына, которому сейчас три месяца. Старшему сыну Владимира Ивановича – пятьдесят. Так что когда говорят о любви, нет необходимости оглядываться на возраст. Потому что влюбляются не в возраст, а в человека.

Ну а теперь, Сергей, о твоих опасениях насчет дальнейших отношений. Насколько будет счастливым и долговечным ваш брак – это гадание на кофейной гуще. Жизнь полна неожиданностей, но, в принципе, всё зависит только от вас самих. Случиться может всякое, однако если вы, несмотря ни на что, захотите сохранить семью, то так оно и будет. В противном случае...

Вот, например, голливудская звезда Брюс Уиллис долгое время пребывал в счастливом браке с другой голливудской звездой – Деми Мур, которая подарила ему двух дочерей. А затем она воспылала страстью к молоденькому актеру Эштану Катчеру и покинула своего прежнего супруга. Наши известные киноактеры Вдовиченков, Галкин, Нилов женились по пять раз, а Леонид Броневой прожил со своей супругой тридцать восемь лет, ни разу, по его утверждению, ей не изменив. Поэт Роберт Рождественский каждый день признавался своей супруге в любви... Так что никаких закономерностей, когда речь идет о семейной жизни, нет. Каждому предстоит пережить свое.

Если исходить из житейской логики, то у твоей возлюбленной, Сережа, нет никаких резонансов расставаться с тобой, если она испытывает к тебе серьезное чувство. Найти кого-то помоложе она, конечно, может, только куда уж еще моложе – ты и так на самом деле еще просто взрослый ребенок. Бросить тебя? Ты знаешь, жен-

НЕ ТЕРЯЙТЕ СВОЕ ДОСТОИНСТВО

Я прочитала опубликованное в «МЫ» письмо одной девочки, которая подралась с парнем, защищая свою честь. И очень обрадовалась. Значит, есть у нас еще настоящие девчонки, которые себя уважают!

Конечно, много находится таких, кто везде говорит, что девчонкам уметь драться нехорошо, это, мол, жестоко, и вешают всякую лапшу на уши. Такие разговоры ведут лишь от лживости. У нас везде, всегда выставляют девушек беспомощными, беззащитными. Во всех фильмах мужчины сами себя изображают героями и защитниками. Но в жизни, девушки, никто вас не защитит, если вы сами себя не защитите. Когда на тебя лезет всякая сволочь, то с ней церемониться нечего: человеческих слов такие всё равно не понимают.

Любая девчонка должна уметь себя защитить, и своих подружек тоже. А чтобы отстоять свою честь – и жизни не жалко! Потому что жизнь должна быть свободной и счастливой, а иначе – зачем она?

Насильников же, я считаю, надо просто расстреливать. Иначе нельзя. Но наше общество управляется мужчинами, живет по мужским законам – по волчьим и по шакальим. Поэтому у нас принято делать вид, что всё в порядке, девчонкам, мол, положено быть добрыми, а мальчишкам – смелыми, а при этом мы забываем, что доброта без смелости мало чего стоит и что только добрые могут быть по-настоящему смелыми.

Желание девчонок защититься – самое что ни на есть

щины, уже познавшие жизнь и кое-что испытавшие, стараются беречь то, что у них есть, а не бросаются этим безоглядно. Резонно, ведь это хотя бы просто похозяйски. Кроме того, когда мы все оказались в объятиях кризиса, многие мужчины с оглядкой и осторожностью подходят к вопросам брака. Думаем, что твое отношение к матери твоего ребенка не может не вызывать у нее, кроме всех прочих чувств, уважения к тебе. К тому же ты сделал бессмысленным ее медицинский диагноз – бесплодие. Ясно, что менять то, что есть, на неизвестно что не придет никому в голову.

Конечно, у нее могут возникнуть опасения: парень молодой, которому требуется общение, в том числе и с девушками, веселые компании. Тут всякое может случиться... останусь я в одиночестве с ребенком на руках... Может быть, на всякий случай найти какое-то верное плечо, на которое можно опереться? Такие размышления у твоей избранницы вполне возможны. Но ведь и раньше она его найти не смогла. Если ты не хочешь ее потерять, то должен прежде всего сделать так, чтобы она твердо поверила, что на тебя можно надеяться, что не подведешь, что ты именно тот человек, который ей нужен. Наверное, сделать это не так уж и сложно, поскольку и твои, и ее родители хотят, чтобы вы были вместе, и безусловно постараются вам в этом помочь. Они ваши союзники, а это много значит. И самое главное – ты искренне любишь эту женщину. А надеяться на чьи-то советы, Сережа, – дело малоперспективное. Каждый проходит в жизни свой собственный путь, у каждого – своя жизненная колея. В том числе и у тебя. Постарайся не сбиться с нее.

естественное. Ведь потом, может быть, встретится им достойный парень, за которого они выйдут замуж, но главное – это то, чтобы он тебя уважал и чтобы ты тоже могла его уважать. Многие говорят: так, мол, никогда не выйдешь замуж. А, по моему, лучше остаться старой девой, чем шестерить перед всяким дерьмом.

Пусть вокруг полно всякой порнографии, но я считаю, что в наше время чувство собственного достоинства просто необходимо девушке. Может быть, больше всего другого!

Лариса К.
г. Нижний Новгород

От редакции. Конечно, каждый человек должен уметь себя защитить. И девочки, и мальчики. Наверное, поэтому многие посещают всевозможные секции, где осваивают приемы различных единоборств. Но всё же все эти секции существуют вовсе не для того, чтобы научить подростков драться на улице. Спортивный поединок предполагает не только выяснение отношений типа «кто более сильный, более ловкий», но и уважительное отношение спортсменов друг к другу. Запрещенные приемы строго караются – вплоть до дисквалификации, а нечестная победа приводит лишь к тому, что победителя будут не уважать и сами спортсмены, и болельщики, а тренеру будет стыдно за своего воспитанника. Но после победы спортсмены дружески приветствуют друг друга, и никто ни на кого никогда не хранит зла.

И потом при встрече с хулиганами умение защищаться может помочь лишь в разумных преде-

лах. Ну, разве способен даже самый опытный боец противостоять в одиночку группе хулиганов и вооруженных бандитов? Весьма сомнительно – такое только в глупых кинобоевиках бывает. А уж тем более девушке, даже и самой смелой, практически невозможно.

При всём при том улица – не спортивная арена, и разборки там устраивает всякое хулиганье. Так что собственное достоинство девушке можно отстаивать не только в драке. Для этого есть и другие возможности. Быть изнасилованной на улице – да, такое случается, но всё же как исключение. Теряют это самое достоинство чаще всего на вечеринке в какой-нибудь подвыпившей компании. Собрались друзья-товарищи, приняли сверх дозы алкоголя, а потом наиболее темпераментные молодцы всякими правдами и неправдами добиваются от девушки удовлетворения своих желаний. Защититься ей в подобной ситуации практически невозможно. Только если она себя уважает, она не должна оказаться в этой самой ситуации.

Бывает, приходится возвращаться домой поздним вечером. Так ведь и здесь можно предвидеть разные варианты, чтобы не стать жертвой хулиганья (к примеру, сейчас можно просто купить средства индивидуальной защиты вроде всяких газовых и прочих баллончиков, специально для этого и придуманных). А главное – следует всегда думать о том, как избежать любой конфликтной ситуации. Драка ведь тоже не свидетельство девичьего достоинства, а скорее результат безрассудного поведения. Так что хорошо быть не только добрым и смелым, но и умным. Поскольку сила мудрости сильнее силы кулака.

Елена МАТВЕЕВА

АСФОДЕЛЬ – ЦВЕТОК СМЕРТИ

Повесть

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Окончание. Начало в № 4

ЕЛИЗАВЕТА ПИШЕТ МАРИИ ВО ФЛОРЕНЦИУ

(Окончание главы)

Письмо шестое

“21 мая, четверг

Благодарю тебя, милая моя Маша, за письмо твое. Вчера, дождав-шись, когда дом успокоится, бесконечно перечитывала твои листки, так и пробыла с тобою за полночь. Какая ты добрая и как же интересно мне знать, какова эта солнечная Италия с ее развалинами, древними истука-нами, картинами, певцами и музыкантами? Каков пленительный город Флоренция? Каковы там обычаи и нравы? Как ты живешь, как твой ма-ленький Пьетро - Петенька и на кого похож, на тебя или отца-итальянца? Будешь ли учить его по-русски? А еще душу мою точит сомнение: не скуч-но ли тебе, любезная подруга, читать мои длинные письма о скудной впе-чатлениями жизни и прошедших днях, от которых и тени не осталось? Нужно ли мне продолжать?

Позавчера я прервалась, когда свеча догорела и фитиль утонул в лу-жице воска. Только что с трудом выпросила новую свечку, получив выго-вор: "Ешь ты их, эти свечи, что ли?" Как надоела мне Катерина с ее за-ботами, скупостью, мелочностью и всей чепухой, которая составляет смысл ее жизни. Сегодня я уйду от нее, от тетушки-тараторки, храпящей дворни, пропахшего старостью дома, где гуляют сквозняки и тараканы, так далеко, что никто меня не дозвется и не достигнет. Я уйду в такое место и время, которого и на земле-то нет, на Васильевский остров, в наш дом. Если ты возразишь, что Васильевский остров стоит себе, как стоял, и дом стоит, и Белая Горка существует, я отвечу: таких, как рань-ше, - их нет и не потому, что ковры и картины проданы, что зеркала и ди-ванов нет, а только по одной причине - людей тех нет, коих я любила, а значит, и дома нет, и имения. Только во мне они существуют, и я одна в силах оживить их. Больше всего мечтаю я оставить память нежности и печали об этих днях и людях. Но долговременной она не будет. Не удив-ляйся диковинным мыслям моим. В уединении человек научается думать и чувствовать иначе, чем в обычной жизни.

Итак, веду тебя туда, где жили в добре и дружбе, не подозревая о зло-нравной судьбе, две девицы, в уютные их светелки, в гостиную с наво-щенным полом и высокими английскими часами, отбивающими время хриплым простуженным басом. И тут же за ними вступали французские, затайливые: над циферблатом золотая клетка, а в ней канарейка. Каж-

дый час канарейка подпрыгивала на жердочке, трепетала крылышками и пискляво пела. Потом наступала тишина, прерываемая лишь постукиванием о пол коготков вбежавшей белой собачки Дульки или шелестом перевернутой страницы. Варя читала, поднимая временами небесные очи от книги и устремляя взор в окно, где была улица, дома и старые липы за забором. Лиза вышивала шелком по шелку гирлянды цветов и тоже, оторвавшись от пялец, взглядывала иногда в окно. Однажды они одновременно подняли головы и увидели проходящего мимо гвардейского офицера. И он их увидел, но смотрел только на Варю, и, казалось, глаз не мог отвести.

Когда офицер удалился, я заметила, что Варины щеки пылают, как маков цвет, однако до поры до времени не знала, что случилось в тот миг. А случилось вот что: маленький шаловливый божок любви с луком поразил своими стрелами и офицера и нашу Варю.

На другой день, как и давеча, уселась мы у окна, она - читать, я - вышивать, только чувствую, не читается моей сестричке, то и дело поглядывает в окно. Английские часы пробили один раз, тут же и канареечка золотыми крылышками замахала и разок пиликнула. И два часа пополудни пробили часы, и два раза канарейка спела. Тут он и появился. Варя голову опустила, но искоса поглядывает, а он так засмотрелся, что споткнулся под самым нашим окном, чуть было не растянулся во весь рост. Не выдержав, мы рассмеялись и так хохотали, что опомнились, когда его уж не было.

Сошлись на том, что он, бесспорно, хорош собой. В чертах мужественность, выправка военная, благородная и гордая. Но кто он такой? Случайно ли возле наших окон дважды показался? Порешили, что не случайно, а на следующий день, не сговариваясь, снова устроились у гостиного окна. И час отметили английские, а потом французские часы, и два, и три... Не пришел офицер. Значит, появление его - случайность. А может, на службе был занят? Или обиделся на наш смех? Как она, голубка моя, жалела, что не смогла вчера удержаться от глупого веселья! Как запечалилась отсутствию офицера!

На следующий день офицера опять не было, а она уж сама не своя. Я сказала: "Помолись Богу, и грёза от тебя отстанет". Она ответила: "Я молилась". Варя старалась думать об иных предметах, но усилия были напрасны. Мы уже стали сомневаться, а есть ли тот офицер на белом свете или помстилось нам притягательное видение.

И еще день настал. Мы привычно обосновались у окошка, уже не надеясь увидеть героя, как он и явился. Варя смотрела на него, словно на призрак, даже не скрываясь. А он взглянул на нее учтиво и приложил руку к шляпе. И Варя поклонилась, чуть заметно кивнула и покраснелась, как алая заря.

В тот вечер надобно было ехать к хорошему другу нашего дядюшки, дипломату Бахметеву. Этот дом мы любили и часто посещали, здесь бывали многие образованные люди и устраивались всевозможные затеи, праздники и домашние спектакли. У Бахметева в тот раз собралось большое общество. Должны были представлять "Евгению" Бомарше, а главная роль - Варина. Помнишь ли, Маша, эту пьесу, на которую так ополчился Сумароков, считая, что она ни то, ни се, ни трагедия, ни комедия? Она назвал ее слезливой трагедией. А нам она нравилась.

Варя и раньше была занята в домашних спектаклях, и говорили, что

есть у нее большое природное дарование и так она играет, так оттеняет всякую мысль поэта, что лучше нельзя. Я помогала Варе поправить прическу перед спектаклем, когда же присоединилась к зрителям, то с изумлением обнаружила меж них нашего знакомого, офицера. Теперь я молила Бога, чтоб Варя не увидела его, потому что боялась, смешается она и испортит роль. И вот действие началось. Произнося монолог, Варя вдруг запнулась и замерла - увидела ЕГО! - но уже в следующий миг воспрянула, и в игре ее появилась такая выразительная гармония, которая холодным не оставила никого. Исполдишка я поглядывала на офицера, и подметила, как напряженно, ни на мгновение не отрываясь, следит он за действием.

После спектакля я спросила Мишу: "Кто этот офицер, который стоит у колонны?" "Мой товарищ по полку, Бородин. Он уж про вас с Варей интересовался", - ответил Миша.

Варя долго не решалась выйти, в такое смятение пришла, но чему быть, того не миновать. Чуть появилась она в зале, Миша уж шел представить ей Андрея Васильевича.

Чистосердечие и искренность Вари, эти прелестные качества, не могли не очаровать Андрея с первых же минут знакомства. Красота без притворства, обаяние живости и веселости без кокетства сразили его наповал. Случилось всё, как бывает в романах и мечтах, но в жизни редко получается: две души узнают друг друга и здороваются, будто старые друзья. Сердце находит путь к сердцу.

Вскоре Миша привел Андрея, чтобы познакомить с дядюшкой, а потом он стал посещать нас, и мы проводили время в приятных беседах, из которых изгнано было всякое принуждение. Встречались мы и у Бахметева, где Андрей сделался постоянным гостем, помощником в забавах и даже взялся писать комическую оперу с главной ролью, конечно же, для Вари. Так счастливо сложилось, что врожденные склонности и влечения у Вари с Андреем были схожи во всём, а главное, сошлись они и во взглядах на жизнь, которую стоит посвятить не свету, а семье. Дядюшка благоволил Андрею и одобрял его суждения, однако тут же навел справки о его семье и состоянии. И тоже остался доволен.

Счастливые время: исполненные любви взоры, магнетические прикосновения рук и невысказанные слова признания. Когда Андрей был занят на службе, то присылал письмецо и, бывало, со стихами. Вот что мне запомнилось:

*Мне и воздух грудь стесняет, вид утех стесняет дух.
И приятных песен слух тяготит, не утешает.
Мне несносен целый свет - Вареньки со мною нет!*

*Если б век я был с тобою, ничего б я не просил,
Я бы всем везде твердил: Счастье мое со мною!
Всех вас, всех счастливей я: Варенька со мной моя!*

Когда признания наконец были сделаны и радостные слезы пролиты, дяденька, смущаясь выказать умиление и напустив на себя строгий вид, вынес икону и благословил молодых. А через неделю в нашем же доме и обручение состоялось, в той самой гостиной, окно которой послужило первой встрече этих баловней судьбы.

К ночи - это потом уж я вспомнила - на огонек к нам заглянула Варина нянька Федора, вздорливая женщина, раньше времени поседевшая, постаревшая и немного, как говорили, ополоумевшая. Варя ласково заговорила с ней и шуточно спросила, влюблялась ли та в молодые годы. Но Федора не отвечала, только руками махала и хихикала, а Варя опять спросила: "Ты поздравить меня пришла, Федорушка?" Тогда Федора возьми да выскажись: "Без милого не жить, а при милом не быть". И ушла. Варя расплакалась и долго еще вздыхала, как ни старалась я ее утешить.

Любовь не сделала Варю эгоистичной и более того - казалось, полюбила она не одного Андрея, а весь мир. Она светилась, как солнце. Даже здоровье ее поправилось, сделалась она чрезвычайно оживлена, красивее прежнего, лилейные ее щечки окрашивал нежный румянец. С Андреем она обсуждала планы переустройства парка в Белой Горке, а со мной - воспитание детей. Об этом вопросе мы раньше никогда не задумывались, а теперь читали Монтеня, Фенелона, Лабрюйера и замахивались прекословить Руссо - кумиру нашей нежной юности, а соглашались на том, что ко всем детям нельзя применять одних методов, а следует отыскивать способы, которые подходят к духовному складу каждого. Одним словом, размышления наши в преддверии Вариной свадьбы устремлялись по новым нехоженным дорогам.

Я говорю себе: не надо гневить Бога, что не дал мне любви. Она была у моей сестры, и я пережила ее вместе с ней, потому что жила ее чувствованиями, смеялась ее радостям и плакала ее печалю. Мы не собирались расставаться с Варей и после ее свадьбы, а ее будущих детей я уже тогда любила, как своих, и только ждала времени, чтобы подарить им себя. Часто, не в силах заснуть, в ночной рубашке и чепце бежала я в Варину комнатку, усаживалась в ее перинах, и до свету вели мы беседы. Размечаемся, бывало, как прекрасно будем жить, как и ко мне кто-нибудь посватается, как и у меня дети будут и сколько их родится, да сколько из них мальчиков, а сколько девочек... И не знали мы, что беда уж на пороге.

Разрешите мне, Маша, закончить на этом сегодняшнее письмо, потому что нет сил вспоминать о том, что было дальше. Завтра вернусь к своим писаниям, а сегодня еще побуду с голубкой моей, ожидая у окна гостиной статного офицера, слушая тонкий голосок золотой канарейки из французских часов и уносясь мечтами в рай земной, о котором мы мечтали, но который не наступил и не наступит никогда".

Письмо седьмое

"23 мая 1772 года

Любезная Маша, как хорошо мне с тобой говорить! Можешь ли ты представить настоящую одинокость, страшное уединение души, в каком я живу, сладкое уединение? Я живу несуществующим, и случается, грежу днем, когда остаюсь одна, но с пером в руках я делаюсь почти всемогуща. Прав Гераклит Эфесский: в одну и ту же реку нельзя вступить дважды, на входящего во второй раз текут уже новые воды. Но я, нарушая все законы природы, возвращаю утраченное, всё повторяется, возникает из ничего, и не перечь мне, будто это всё - не настоящее.

Я слышу мелодичный голос моей сестры, вижу сиянье ее глаз, ощущаю чарующий запах асфоделей, тех самых цветов, семена которых она привезла из Италии. Асфодели хорошо прижились у нас, хотя их белые султаны были не столь пышны и взлетали не так высоко, как на родине. Варя выращивала эти цветы в память матери, любившей их, и изображенной на портрете с асфоделем в руках.

Варя вообще любила цветы, приносила их охапками и расставляла в вазы, кринки, тусса. Она не считала красавицу розу или далию благороднее дикого василька, зонтика укропа или пламенеющего цветка чертополоха. Ложась спать, я обнаруживала над постелью своей пучок донника или ветку березы, перевязанную атласной лентой.

Была у нас старуха-крестьянка, которую почитали ведьмой и боялись. Толковали, что она наводит порчу и разговаривает у мельницы со щукой, у которой от старости выпали все зубы. Варя не верила ни в колдовство, ни в беззубую щуку и не страшилась этой женщины, учившей ее распознавать травы и их свойства.

Ныне самый модный цветок - примула, которую по-латински зовут аурикула. Для этих цветов строят оранжереи, их выписывают из-за границы и платят преогромные деньги. Более других славятся английские аурикулы, у которых стебель, листья и цветки покрыты нежным мучнистым налетом. Они очень капризны, не выносят ни прикосновения, ни дуновения ветерка, их растят под колпаком. Говорят, что лучшая коллекция аурикул у берлинского садовода Буше, и ею ездит любоваться прусский король. Он называет эти цветы "придворным штатом короля Людовика XVI". Аурикулы и в самом деле похожи на напудренных вельмож в роскошных одеждах. У нашей императрицы есть специальная комната, уставленная вещицами из саксонского фарфора, на которых изображены аурикулы. Не так давно она почтила своим посещением придворного, обладающего коллекцией аурикул. Вот ее доподлинные слова: "Лучше этого угощения мне ничего не надо". Пришлось хозяину просить позволения поднести ей цветы, и теперь они украшают зимний сад дворца. Варе тоже нравились аурикулы, но она удивлялась моде на них и говорила: "Как можно предпочесть один цветок бесчисленному разнообразию сада земного?"

О саде земном я и думала, когда мы готовили Варе приданое. Золотом расшила я белое платье: жонкили, фиалки, кувшинки, сирень, маки, вереск, незабудки сплелись в пышный хоровод. Королем этого цветочного бала был, конечно же, асфодель. Я очень гордилась своей работой. Но вместо свадьбы Варе предстояла вечная разлука.

Андрей и Миша получили приказ идти со своим полком против турок. Было много слез, Варя просила Мишу беречь жениха пуще глаза, и тот обещал, да только кто кого может на войне уберечь. Прощаясь, Варя вручила Андрею свой портрет и 143 псалом Давида. "Прости с высоты руку Твою, избавь меня и спаси меня от вод многих, от руки сынов иногленных..."

Баталия при реке Кагул, которую уподобляли делам древних римлян, окончилась для отечества славою, а для Вари - горем. Андрей погиб. Он умер на руках у Миши.

Как горевала она, бедная! Обрядилась в черное и много дней была безучастна ко всему на свете. Она не принимала наше нежное участие, не отвлекалась на вести из Москвы, пораженной моровой язвой. Она даже о Мише не спрашивала. В том же печально для нас памятном сраже-

нии ему пулею прострелили левое плечо, рана загноилась, уже собралось было руку отнять, но Господь милостив. Спасло Мишу природное его здоровье и какой-то военный эскулап. Когда он вернулся, получив отпуск для лечения, то первым делом явился к нам. Они с Варей заперлись в ее комнате, долго говорили наедине, и только потом мы получили возможность услышать из его уст о жарком Кагульском сражении, где силы неприятеля превышали наши в пять раз и потери их были неизмеримо больше. Только что нам до их потери! В войнах гибнут сотни, тысячи, и жизнь продолжается, а гибель единственного человека превращает весь мир в безжизненную пустыню. Разумеется, я нигде не высказываю такие антипатриотические мысли, кроме этого листка бумаги. Да, я ненавижу войны, и, вероятно, сочла бы это исключительно женским свойством, если бы Вольтер не назвал войну самым большим преступлением. К сожалению, у меня нет книги, чтобы привести его точные слова, но суть их в том, что тысячи безумцев, носящих на головах шляпы, убивают или дают себя убить тысячам других безумцев в чалмах, и всё это - верх бессмыслицы.

Варя в тот день так и не вышла из своей комнаты. Миша передал мне, что сам не решился он ей вручить. Это был портрет, который она давала Андрею в поход. На задней стороне рамки оказалась гравировка, которую, конечно же, заказал он сам: Варины инициалы и надпись: "In corpore pulchra anima" - "В прекрасном теле душа прекрасна". И псалом Давида пред битвой с Голиафом, переписанный ее рукою. "Человек подобен дувонению; дни его - как уклоняющаяся тень..." Я обещала отдать всё это, как только станет возможно.

Слышала я, в Царском селе поставили пятисаженный обелиск из синего с белыми прожилками мрамора в честь Кагульской виктории и ее героя, графа Румянцева, получившего за нее фельдмаршала и прозвище Задунайского. Андрей же лежит в диких молдавских степях, в братской могиле, и надолго ли сохранится она? Какое неприятное, страшное это слово - Кагул. Словно грянувший раскат грома, оставивший по себе тихий, неотвязный, никогда не исчезающий гул. Словно глухой звук упавшей с плахи головы.

Долго тянулась для нас безотрадная зима, а весной мы выехали в Белую Горку очень рано. Только тогда очнулась наша Варя от невосполнимой потери, словно ото сна, хотя прежней уже не стала. И разговоров, как раньше (не о мужьях и детях, разумеется, а о книгах, театре, художествах), в помине не было. Однажды сказала: "Не стоит бояться смерти, потому что пока мы существуем, ее нет, а когда она есть, нас уже нет более". Я спросила: "Что за странный софизм?" "Это твой любимый Руссо", - был ответ. Я не посмела полюбопытствовать, что значит "твой" и отрелась ли она от всего, что было дорого нам обоим?

Свод небесный был лазурен, молодая зелень радостно сверкала, и всякая божья тварь праздновала возрождение природы. Тихие деревенские радости всегда умиротворяюще действуют на расстроенные нервы. Головные боли, на которые жаловалась Варя, стали проходить, а сама она, в черном, бледная, с пепельными кудрями и небесной голубизны глазами стала как-то особенно красива, глаз не отвести. И мы с дядюшкой сочли, что Варя медленно поправляется от своей великой печали.

Миша навещал нас довольно часто. Однажды он пошел гулять с Варей, а когда они вернулись, я обратила внимание, что оба расстроены.

Варя ушла к себе, а Миша быстро собрался, даже обедать не стал. Я побежала за ним и догнала возле экипажа. Поначалу он на расспросы не отзывался, а потом сообщил, что предложил Варе руку свою и жизнь. Не теперь, конечно, полагал он женитьбу, а со временем, когда зарубцуются раны сердца. Он сказал, что готов ждать, сколько потребуется. Она же ему ответила, что не бывать этому, потому что удел ее другой. Уже этой зимой она будет жить в монастыре.

Потрясение, испытанное мною, было велико. Проплавав всю ночь, на утро я сама спросила о монастыре, и Варя напомнила мне про игуменью из Москвы, мать Антонию, к которой Прасковья Сергеевна возила нас в детстве. Варя уже списалась с ней, и та согласилась ее принять. Оказалось, и дяденька про монастырь осведомлен.

Так тяжело мне было, что последней я всё важное узнаю, а еще тяжелее, как представляла Варю в иноческой мантии, покрываю куколом. Думала об этом, и белугой хотелось выть.

Варя с дядюшкой занялись делами по хозяйству, наследству и помощью крестьянам. В тот год ожидали великого недорода от небывалой засухи. Озимые хлеба пропали, и яровые высохли. Июль выдался поистине африканский. По вечерам цветы словно из обморока возвращались и одуряюще пахли. Гелиотроп, резеда, туберозы, душистый горошек...

Всё, Машенька, не могу больше писать, слезы глаза застыли. А ты про всё остальное знаешь.

Прощай, любезная моя, Бог с тобою!"

Письмо восьмое

"8 июня 1772. Покровское

Друг мой, я много думала над твоими словами о том, что мне надо бы описать всю мою жизнь и послать в журнал. По всей вероятности, к этому есть большие препятствия. Я насчитала их три.

1. Жизнь моя столь скудна событиями и впечатлениями, что вряд ли описание ее представит для кого-то интерес, доставит удовольствие, а тем паче пользу.

2. Вынуждена признаться, что складно и правильно я пишу только по-французски. В русском делаю много ошибок и изъясняюсь без всякой живости, которая так необходима в любом рассказе.

3. В письмах к тебе я вернулась к прожитому и пережитому, снова была счастлива и плакала. Но повторить это снова выше моих сил. Одна мысль об этом сердце стесняет.

Так что с литературными помыслами покончено. Я очень рада, что мои письма хоть немного развлекли тебя и напомнили о родине, и для меня они, поверь, стали лекарством. Высказав в них свою печаль и еще раз оплавав любимых и любивших меня людей, я стала набираться сил, чтобы жить дальше. Наши с тобою разговоры на бумаге и весна - вот мои доктора. С каждым днем я чувствую себя лучше и свободнее, не спрашиваясь, ухожу гулять в поле или лес и почти глуха к упрекам Катерины. Внутри меня крепнет уверенность, что здесь мне недолго оставаться. Пока не знаю, куда ляжет мой путь, и не размышляю об этом. Когда придет срок, всё образуется.

Зацвела сирень".

"2 ноября 1772 года. С.Петербург

Не удивляйся, Маша, но пишу тебе из Петербурга. Столь необычный поворот совершила моя жизнь, что не знаю, как к сему и отнестись. Сижу у окна гостиной, но не той, где каждый час пела золотая французская канарейка на часах. Той гостиной нет, и канарейки нет. Дом наш продан, а нынешний, тоже на Васильевском острове, взят в наем. Может статься, так оно и лучше - начинать новую жизнь на новом месте, где ничто не знакомо и воспоминания не бередят душу.

Теперь расскажу, как всё случилось. Было воскресенье, и сидела я за шитьем, когда кто-то приехал и возникла в доме страшная суматоха. Любопытства я не проявила, но вскоре ко мне в комнату собственной персоной пожаловала тетушка с известием о приезде Михаила. Вот уж не ждала и не думала, но обрадовалась родному лицу в чужом опостылевшем доме чрезвычайно.

Миша очень изменился за то время, что я его не видела: похудел, черты лица стали резче и жестче. Он привез всем в подарок дорогие турецкие шали, чем очень расположил к себе и тетку, и Катерину. Поначалу шел общий разговор, из которого ничего не следовало, и я в ум не могла взять, зачем Миша приехал, но потом он предложил мне погулять с ним, показать окрестности. Тут я уже догадалась, что цель какая-то в его приезде есть и не окрестности его заботят.

Прошествовали мы до речки, разговаривая о пустом, а вслед за тем Миша и совсем замолчал. Ждала я, ждала, не желая помочь ему, но потом не выдержала и попросила сказать прямо, что задумал. И тогда пал он предо мною на колени и, заливаясь слезами, просил быть его женой. Он сообщил, что сильно проигрался в карты, пьянственное существование довело его до умопомешательства, и одна я его спасение, а без меня - он погиб. Миша умолял быть проводником во весь его век, а не то он пропадал. Он уверял, что желание его отстать от карт и пьянства искренне, раскаянье в своем заблуждении - чистосердечно, и заслуживает он доверенности. Он убеждал меня, что будет счастлив, имея такую супругу, как я, хотя, конечно, и не достоин подобного счастья. Он говорил, что мечтает о новой жизни, где был бы окружен семейством, и премного был бы благодарен судьбе, глядя на верную жену и играющих детей. Он угрожал, что, если не получит согласия, то умрет у моих ног, и наконец спросил, нет ли в нём для меня чего-либо противного или отвратительного?

Ничего такого я в нём, по правде сказать, не видела. Мы же выросли вместе, как брат и сестра, он же родственник мне, хоть и не по крови.

Миша вдруг вспомнил Варю и предположил, что она возрадуется на небесах нашему согласию. И как раз в тот момент я услышала звон колокола к вечерне, и подумала о том, что это знак свыше. Я должна его спасти, это мой долг. Я должна принести себя в жертву. Не могу я бросить его в горести, немощи и бесчестии. Я заплакала и ничего ему не сказала, а просто погладила по голове. Он же, сжав мои руки, вскричал: "Благословляю тебя, ангел утешения! Тысячу раз благословляю! Твои слезы, слезы жалости, смоят черные пятна моей жизни! Твое сострадание возрождает меня, я спасен от адской бездны! Верь в мое сердце, отныне оно будет биться только ради тебя!"

По дороге в дом Миша сыпал всякими учтивостями и заверял, что исправится, а не успели мы, заплаканные, предстать пред теткой, как первым он упал ей в ноги и воскликнул: "Благословите нас, тетенька!" Наверное, только тут я и осознала по-настоящему, что произошло. Ноги мои подогнулись сами собою, и я, близкая к бесчувствию, опустилась рядом с Мишей.

Поднялась великая суета. Тетке принесли икону, и она, торжественная и гордая случившимся, перекрестила нас и возгласила: "Благословляю вас, дети мои!"

Послали за священником и начали собирать на стол, а поскольку всё случилось ко всеобщей неожиданности, а ужин приготовили по обыкновению убогий, выставили лучшие запасы лакомств: маринованные сливы, варенье из роз, киевские засахаренные фрукты и медовые соты. Катерина с тоской смотрела на это разорение, а потом, как всегда, угрюмо сказала: "Теперь, конечно, ты будешь иметь хороший достаток". Может, она и завидовала моей судьбе, но гораздо более радовалась, что уйду с ее глаз и наследство ее останется непоколебимо. Тетка же раздувалась от важности своей роли родительницы, какую ей не приходилось играть, и Катерина ей вряд ли когда уготовит. К счастью, по своему здоровью и неспособности пуститься в дальний путь, она не рассчитывала быть на свадьбе, но полагала, что мы задержимся у нее. Этого не случилось. Следующим утром собрались мы в дорогу.

Со всеми я ласково попрощалась, раздарив всё, что имела. И для няни моей припасла гостинец. Среди провожавших ее не было, я нашла ее в кухне, на лежанке за печкой. Ее одну мне было жалко оставить. Увидала меня нянюшка, завывала, запричитала: "Не ходи за него! Коршун горлице не пара!" Насилу успокоила ее, потчуй сладостями и ласковыми словами. Она забылась, разговорилась как всегда, о пустяках.

— Что будет с тобой, добрая старушка, как я уеду? — подумала я. А она словно мысли мои прочла, ответила покорно: "Бог премудр, благ и всемогущ! Чему быть, того не миновать".

Вот и всё происшествие, случившееся со мною. Что надлежит до моего сердца, то бьется оно ровно и смиренно. Воображаю будущее и почти не печалюсь, повторяя слова дряхлой моей старушки: "Бог премудр, благ и всемогущ!" Он не оставит нас. Не оставляй и ты, письма твои драгоценны для меня".

Письмо десятое

"18 сентября 1774. С.Петербург.

Не писала целую вечность, любезная моя Маша, потому что пребываю в таком угнетении духа, что и представить нельзя. Твои же письма были мне дороги и утешительны, благодарю тебя за них сердечно.

Последнее письмо, кажется, отослала тебе еще до свадьбы, когда жили мы тихо, можно сказать, потаенно, нигде не бывали и к нам никто не ходил, кроме Мишиного товарища по кадетскому корпусу, Леонтьева. Я писала тебе про него, когда-то он сватался ко мне. Порадовало, что встретились мы без натянутости и говорили дружески. За несколько дней до свадьбы случилось крайне досадное происшествие. Миша с обеда пил бордоское вино и отговаривался тем, что зубы болят, а вечером пришел

ко мне и стал обнимать. Я чувствовала трепет его и волнение крови и хотела уйти, но он не пускал. Ласки его были грубы, тоскливый вечерний мрак страшен, в полном отчаянии я сказала ему: "Если так ты меня чтишь в невестах, что будет, как стану женой?!" - и всеми силами души взмолилась ангелу-хранителю. Михаил опамятовался, а я осталась в грусти великой. Но делать было нечего, а потому, напомнив себе о долге - а в правилах моих выполнять свои обещания, - я укрепилась духом.

Ничего к свадьбе не приготовили, не запасли и распоряжения не сделали. Не было в доме доброго хозяина, чтобы заботу проявить. Я занялась платьем и расшила его и вуаль на манер Вариного свадебного, что пригодилось ей для савана.

В последние дни Миша всё-таки забеспокоился отсутствием хозяйки и распорядительницы, и мы поехали к графине Дарье Васильевне Головиной, крестной матери моей благодетельницы, Прасковьи Сергеевны. Я не льстила себя надеждой на благополучный результат, но нам оказали самый ласковый прием и обещание помощи.

Сомнения и страхи одолевали меня. Накануне венчания я услышала колокола ко всенощной и, хотя ничего унылого не было в этом звоне, содрогнулась и подумала о Варе. Этот звон показался мне плачем по безвременной смерти ее и по мне, оставленной сиротой. Я припомнила звон в Покровке, когда Миша упрашивал меня стать женой и спасительницей. Тот колокол толкнул меня принять решение, эти - оплакивали.

И вот настал день вступить мне в ту нерасторжимую вечную связь, даруемую венцом, которой я всегда хотела, а ныне боялась. Перед тем как идти в церковь, Миша выпил наливки, как я ни упрашивала не делать этого. Сказал, что для храбрости, "подкуражить себя". Дарья Васильевна благословила нас образом, а сама осталась дома, чтобы сделать необходимые приготовления. В прежние времена мы и двумя словами с нею не обмолвились, но теперь, кажется, она сразу полюбила меня. От нее единственной услышала я слова ободрения, а также похвалы своему свадебному убору, потому что Миша нечувствителен к красоте вещей и рукоделья.

Венчались в церкви Благовещенья Пресвятой Богородицы, рядом с домом. Она не похожа на петербургские церкви, напоминающие своими шпилями иноземные, а скорее сходствует с московскими, старорусскими. И всё у нас происходило непохоже на то, что обычно должно присутствовать при таком случае, без родни и строгого соблюдения традиций. Даже в церковь мы явились вместе, и не в карете, а пешком. Уговор был справиться всё без затей, но эта простота меня огорчила. Праздничность присутствовала лишь при таинственном и священном обряде, который привел меня в такое волнение и замешательство, что пред алтарем я почти себя не помнила и, несмотря на жару в церкви, дрожала как от лихорадки или мороза.

Домой пришли уже в сумерках и встречали нас с музыкантами, о чём я и не догадывалась. Дарья Васильевна вышла с образом, Антипыч - с хлебом и солью. Шаферы, особенно Платон Леонтьев, старались, как могли, развеселить наше более чем скромное общество. Стол был накрыт знатный, только я почти ничего не ела и прикладывала все силы, чтоб казаться беззаботной и радостной и тем оправдать доброту Дарьи Васильевны и наших друзей. И мне почти это удалось, но вдруг у входной двери прозвучал колоколец и сени наполнились гвалтом. В предчувствии

нехорошего я обмерла. Мой муж и Леонтьев ушли выпроваживать незваных гостей, подгулявшую компанию Мишиных товарищей. Мне было совестно перед Дарьей Васильевной, а притворную веселость свою я уже не сумела поддерживать.

Кровать нам была убрана в Мишином покое, я пришла туда первой, и Нанетта помогла мне раздеться, а когда удалилась, пала я ниц пред иконой и стала горячо молиться. Тут он и пришел.

Что пережила я, милая Маша, описать не берусь. Разве об этом мечтает девушка, воображая любовь и стремясь к браку? Как грубо, безобразно и гадко то, что называют ласками, упоением и восторгом! Я была в таком ужасе, что к утру со мной сделалась нервная лихорадка.

Рассказать обо всем этом мне некому, кроме тебя, далекая моя подруга. Я старалась, как могла, держала в уме здравые мысли, что все женщины чрез это проходят, вспоминала присказку: "Стерпится - слюбится". А этого не случилось. Я хотела быть страстно любимой чистым открытым сердцем, но этому не суждено сбыться. Да и что есть любовь? Не сказки ли то из модных романов? На что я надеялась, давая Михаилу согласие быть женой? На покойную счастливую жизнь? На подвиг самопожертвования? Какая страшная ошибка!

Уже вскоре после свадьбы Михаил стал упрекать меня в холодности, находить во взоре моем неприязнь, а в поведении леность, упрекал, что в доме я не хозяйка, а только книжки читаю, цветочки вышиваю и ни на что не пригодна. А еще я узнала Мишину постыдную тайну. Он сказал, что вышел в отставку, чтоб жениться и заняться имениями, но это неправда. Он принужден был отказаться от военной карьеры, проиграв большие казенные деньги, взятые у чиновника из провиантского ведомства, а от суда его спас Леонтьев, у брата которого большие связи. Хорошо, что дяденька наш, почтенный Иван Матвеевич, не дождал до сего позора. Но, кажется мне, бесславие это Мишу не сильно тяготит. Он живет рассеянно, много спит и ждет, что Леонтьев устроит ему место в Берг-коллегии. Появились и те самые товарищи, которые вовлекают Михаила в картежные игры и уводят в такие места, о каких я даже и не знаю.

Миша всегда был вспыльчив и непостоянен, желал показывать власть и достоинство, имел склонность к разнообразию, удовольствиям и мотовству, но я надеялась смягчить и исправить эти известные качества. Вряд ли под силу мне этот труд. Расположение его духа меняется, словно у избалованной девицы. То подчеркнутое пренебрежение демонстрирует, то дураком прикидывается, то высокомерие изображает. Когда вино мутит в нём ум, любит изъясняться о морали и осуждать развратность нынешних нравов. Утром же, проспавшись, частенько рыдает в моих коленях, умоляет о прощении и клянется стать другим. Часто он бывает ласковым и перед сном, когда я запираюсь в своей комнате, а это случается почти всегда.

Чтобы ты до конца поняла мои чувствования, скажу тебе, Маша, что он принимает своих "товарищей", выпивох и картежников, в нашем доме, а слыша с моей стороны несогласие, запирает меня в комнате. "Черт тебя возьми!" - не самое сильное выражение в его устах. Ну, а когда однажды он вытащил шпагу и заявил, что найдет способ меня образумить, со мною сделался припадок. Так что теперь он вводит меня в разум только словами, кои ранят тяжелее шпаги.

Я никому об этой срамоте не говорю, но слуги меня не чтят и, кажется

мне, что все и всё о нашей постыдной жизни знают, что молва ходит по городу. Мне это тяжело, хотя я никого не вижу и нигде не бываю. Я затворница, а тюремщик мой - Гименей.

Не стала бы я так подробно и тебе писать про эти мерзости, но должна была объяснить, как душевное беспокоество нагнало на меня черную ипохондрию, и пришла я к сознанию, что отдала бы свою жизнь без сожаления и борьбы первому встречному, который захотел бы ее отнять. Однако, не бывая в таких местах, где разбойники и душегубцы озорничают, стала я помышлять о последнем лекарстве от страдания, самоубийстве, забыв, что идти против Создателя - страшный грех. Не ведала я только, что придумать, чтобы исполнить свой богопротивный замысел. И нож, и веревка одинаково пугали меня, а яд не могла найти.

Спасение пришло внезапно, оно было во мне самой, однажды оно толкнулось изнутри, и я поняла, что под сердцем ношу ребенка. Как плакала я и молилась перед образом Спасителя, как просила прощения и благодарила. И поручила я себя благому промыслу, а с тех пор робкий лучик надежды освещает мое существование.

Пиши мне, милая Маша. С нетерпением ожидаю почты".

Письмо одиннадцатое

"14 сентября 1775

Дорогая Маша! Вот и стала я матерью, у меня дочка, которую мы с Мишей по рассуждению решили не называть именами наших дорогих, но несчастливых близких. Назвали по святцам: Александра. Каждое утро, проснувшись, я смотрю на нее, как на чудо. Какая же она хорошенькая, как ангельчик, и как безмерно я люблю ее! Жду не дождусь, когда она подрастет настолько, чтобы мы могли разговаривать, а пока говорю одна, рассказывая ей про всё, что знаю. Какое утешение иметь дитя!

Рождение ребенка немного скрепило нашу связь с мужем, но и теперь она слаба. Нет в отношениях душевности или сердечности. Не льщусь я надеждой на его исправление. Поддерживает и помогает мне Дарья Васильевна, с которой я не могу достичь полной искренности из-за стыда, но она и так о моём домашнем догадывается. Вчера я была у нее на обеде и видела многих старых знакомых. У меня переменялось всё, а у них - ничего. По-прежнему дамы и девицы предаются пустой болтовне, хвастают, злословят, предвкушают прелести предстоящих ассамблей, осматривают с головы до ног твой туалет и спрашивают о цене материи, ругают русских мастеров и хвалят французских. Были там и другие люди, образованные, со здравым умом и верными высказываниями. Но у меня с ними беседы не случилось, потому что не такая я птица, чтобы сама в разговор вступать. Уже и то меня обрадовало, что не испугалась я чужих взглядов и сохранила достоинство. Вероятно, не надо мне сидеть в своей норе и жить одним унижением. Если голову высоко держишь, люди думают, что положение твое не так уж плохо. Я получила несколько приглашений, но вряд ли смогу ими воспользоваться, потому что ответить мне нечем. Мне бы очень хотелось бывать у Бахметевых и дружить с его милыми дочерьми, но к себе, в наш бедный, убогий дом, я не могу их пригласить.

Гораздо больше нравится мне посещать Дарью Васильевну в ее не-

приемные дни. Она знает это и зовет меня. Дарье Васильевне перевалило за шестой десяток, у нее шестеро внуков, хорошее здоровье, целы все зубы, но для чтения и письма она использует очки с увеличительными стеклами. Она очень добра, мудра, не сплетница и занимательная рассказчица: знает все анекдоты прошлого времени и дарит меня памятью о днях минувших. Она напрямую не дает понять, что догадывается о моём домашнем положении, но с большим тактом нет-нет, да и ободрит укрепляющими словами Святого писания или повествованием про какого-нибудь человека, который терпеливо сносил удары судьбы, не жаловался и к тому же другим помогал.

На днях один неприятный офицер по фамилии Деев, бывший у мужа, увидел в гостиной портрет Прасковьи Сергеевны и спросил, знаю ли я, что за цветок у нее в руках. Как же мне не знать. Оказалось, не знаю! Он утверждал, что асфодель у древних был символом смерти. Я никогда ничего подобного не слышала и проверить это поручила Платону Леонтьеву. Он подтвердил и принес доказательство. Посмотри в конце "Одиссеи", где женихи Пенелопы, убиенные Одисеем за буйство в его доме и расхищение имущества, разгуливают по сумрачным асфоделевым лугам! И у Вергилия, и у Гесиода асфодель - цветок смерти! На меня это известие произвело тяжелое впечатление. Платон нашел про асфодель у Плиния, хотел принести книгу, но я отказалась.

Платон частенько заходит к нам вечерами, развеивает мою грусть, приносит русские и иностранные журналы, которыми сам интересуется. Его дружба и приязнь драгоценны для меня, и с ним не приходится стыдиться: он знает про наше житье и сострадает мне. А еще я угадываю трепетанье его сердца, хотя он так тщательно сие скрывает, что даже досадно. Удивительна природа человека: его благоразумие меня раздражает, я даже презираю его осторожность, но поведи он себя смело, я смертельно напугалась бы. Кажется, он мне не совсем безразличен. Может, потому и не безразличен, что любит меня... Нет, я всё-таки его не люблю, ошибиться тут нельзя. Тогда почему я думаю о нём?

Жду от тебя письма и тревожусь. Слышала рассказ, как где-то в Италии разбили почту, зарезали почтальона и отняли деньги. Ты знаешь про этот случай?"

Письмо двенадцатое

"15 января 1777. Петербург

Машенька! Письмо о приезде в Россию твоей сестры, княгини Софьи, произвело на меня исключительное впечатление, я испугалась: как встречу с ней, не покажусь ли глупой и пошлой, плохо одетой гусыней. Насколько я разволновалась, настолько быстро и успокоилась, увидев ее. Простота изящной природы, сочетание красоты и приветливости - пленительно, а рассказы ее настолько любопытны, что я забыла про всё на свете. Так было, пока она рассказывала об итальянских курортах, происхождении английского сплина, Версале, о различии в модной одежде англичанок и француженок, о парижских кофейнях и о тысяче любопытнейших вещей. Но потом речь зашла о пребывании Прасковьи Сергеевны у твоей покойной матушки во Флоренции. Софья видела у тебя засушенный цветок с Вариной могилы, асфодель, тот, что я прислала тебе в

письме. Она удивилась, как всё повторяется: Прасковья Сергеевна, беспримерная красавица, лежала в гробу, усыпанном асфоделями, и Варвара лежала в окружении этих печальных цветов, на этот раз умершая по-настоящему. Я не поняла, что значит - "на этот раз" и "по-настоящему"? Вот тогда Софья и поведала мне стародавнюю историю, которая ввергла меня в состояние предельного отчаянья.

Знаешь ли ты про сон Вари, приключившийся во Флоренции, который мог стать вечным? Слыхала ли об этом? Я - никогда. В то время тебе и Варе было по шесть лет, Мише - восемь, а Софье - четырнадцать. Софья была - девушка, вы - дети. Ты могла забыть, от тебя, возможно, даже скрыли случай, способный пагубно повлиять на детское воображение. Софья же сохранила о тех днях доподлинную память.

Случилось следующее: Варя, потрясенная смертью матери, отказалась покинуть комнату, где та лежала в гробу. Увести ее не удалось, всю ночь она просидела там, а утром ее нашли распростертой на полу, пытались привести в себя, но не смогли. Она не дышала, тело сделалось холодным, и врач признал ее умершей. Уже распорядились положить ее в гроб, чтобы похоронить вместе с Прасковьей Сергеевной, но твоя матушка, не веря очевидному, позвала знаменитого в городе лекаря. Он велел раздеть Варю, слушал ухом сердце и прощупал ей подмышки, а потом какие-то примочки наложил и менял через каждый час, утверждая, что девочка воскреснет. Так и случилось. В бесчувствии она находилась более тридцати часов. Лекарь полагал, что это состояние было вызвано сильным переживанием утраты и душной комнатой, напоенной ароматом увядающих асфоделей, которыми, словно покрывалом, был убран гроб.

Сие необычное происшествие вызвало у меня удивление потому, что случилось оно с Варей, а я об этом не ведала. В том, что это правда, я даже не усомнилась, похожая история случилась в Петербурге с одной госпожой, которая таким же образом впала в обморок, а воскресил ее к жизни знаменитый лекарь Ерофеич, прославленный после того, как вылечил графа Орлова от застарелой лихорадки. Ерофеич налеплял на тело мнимо умершей какие-то особые пластыри, после чего та ожила.

И другие истории о подобном бесчувствии, длившемся не один день, мне доводилось слышать. Люди не дышали, бледнели и холодели, видом своим являя смерть, их клали в гроб, а при отпевании или на кладбище они восставали, подобно Лазарю. И еще страшный рассказ известен о погребении заживо. На другой день после похорон родичи пришли на кладбище и услышали глухие, стесненные стоны из-под земли. Они устрашились и разбежались, а оправившись от испуга, вернулись и, разрыв могилу, нашли своего покойника живым и здоровым, только потрясенным от пережитого ужаса и измученным от безуспешных попыток выбраться.

Домой я явилась (а встречались мы с Софьей в доме Корсаковых, где она остановилась) взбудораженная и спросила у мужа, помнит ли он, как Варю чуть не похоронили вместе с матерью. Мне показалось, что поначалу он просто оstoneбел, зато потом грубо ответил, что не помнит, и стал кричать: "Какая шафирка наговорила тебе подобный вздор?" "Эта шафирка - княгиня Софья Николаевна, сударь мой!" - отвечала я сухо. Тут он и совсем разошелся, утратив всякую сдержанность, а я убежала и заперлась у себя.

Долго я не спала в ту ночь. Достала овальный портрет Вари, подаренный ею жениху и возвращенный после его гибели, и долго глядела на не-

го. И Варя ласково смотрела на меня, держа в руках загадочный цветок смерти, но ничего уж поведать не могла.

Вряд ли Варя запомняла о странной, приключившейся с ней, сонной болезни, несмотря даже на малый возраст. Почему тогда не рассказала мне? А почему тетушка Татьяна Матвеевна, бывшая при этом, не предупредила, что Варя подвержена опасной болезни? Может, дядюшка и знал о ней, но не считал нужным посвящать в это лишних людей? Но разве наш доктор, Фёдор Афанасьевич, лишний? И почему Варя любила эти невеселые цветы, асфодели, чуть не стоившие ей жизни?! Вот тут в голове моей, словно ослепительная вспышка молнии, возникла мысль, от которой стала я сама не своя.

День за днем ходила я словно в чад и тумане, и всплывали предо мною картины былого. Варя лежит в постели, как живая, даже легкий румянец играет на щеках. Лежит, усыпанная асфоделями, спящая красавица! Геркулес, воющий на могиле, которого Миша пытается отогнать палкой и убивает. У собак слух острее, чем у людей. Варя пыталась освободиться из подземной тюрьмы, звала нас, но только пес откликнулся на ее призыв. Мы похоронили ее заживо! И снова: лежит она такая, какой я увидела ее, прибежав в комнату на крик Анюты, безмятежная, будто спит, а вокруг вороха сильно пахнущих трав и духота, от которой мне становилось плохо, и я распахиваю окно. Почему же в такую душную ночь было закрыто окно? Обычно она его не затворяла, только кисейный полог спускала над кроватью. А откуда горы цветов?

И вторая догадка сверкает в моем измученном мозгу! Варя принесла цветы ночью, когда я ушла к себе, и сама закрыла окно, чтобы утром не проснуться! Варя не могла вынести терзания своего израненного сердца. Она надеялась, что, завалив комнату асфоделями, лилиями, розами, табаком, гелиотропом, ночной фиалкой-звездчаткой, резедой, донником, богородицкой травой, мятой и дурманом, уснет навсегда в их сладостном, смертельном благовании. Она не хотела встретить утро 21 июля, годовщину смерти Андрея!

Только навсегда ли она уснула в ту ночь? Не уснула ли она, чтоб проснуться в черной тесноте могилы и звать о помощи? Какие страшные мысли! Неужели она совершила тот ужасный грех, от которого меня отвело провидение?

Помню, что Варя задавалась вопросом: где настоящая наша отчизна, и что же там, если здесь так прекрасно? Она спрашивала: "Зачем человек приходит в этот мир: немного радуется, страдает, снова страдает и снова, и уходит, не оставив следа?" Теперь она знает ответы на эти вопросы!

Немилостивый муж мой кричал, что обед несъедобный, я не слежу за слугами, в доме кавардак, насмехался надо мной и княгиней Софьей, а я словно и не слышала его. Моя сестра ушла к звездам вместе с благоуханием самых безвредных и прекрасных Божьих созданий - цветов. Она умерла самой прекрасной смертью. Только умерла ли?

Не помню, сколько длилось это умопомрачение, пока я не осознала, что Варя не могла окончить жизнь самостоятельно. Она не пошла бы против Бога, будучи в совершенном умственном здравии, в чём я не сомневаюсь. Она собиралась в монастырь, а не на смертный одр! Она хотела закончить дела, оделить нас с Мишей богатством, позаботиться о крестьянах и дать волю дворовым людям, перечисленным ею в духовной. Она

даже разговоры о самоубийстве не одобряла. Могла ли она обречь себя на вечные муки?

Не отметила я также, когда яд подозрений закрался в мою душу, но однажды это случилось и ужаснуло меня до помутнения рассудка. Снова и снова припоминала я ночь, когда Громовержец буйствовал в небесах.

В ослепительном свете молнии черная фигура в запахнутом плаще. Своими глазами видела я под окном человека или дьявола! Он смотрел в наши окна. Белое пятно лица, черт не различить... Это был Михаил! Больше некому!

Страшное прозрение. Он усыпил и заживо похоронил Варю, чтобы уничтожить духовные завещания. Он заперся в Вариной комнате, чтобы отыскать там бумаги. Как быстро он вошел в права наследства и продал Белую Горку, родное гнездо! Теперь-то я знаю, что у него были огромные карточные долги, ему нужны были деньги. Он делал попытку посвататься к Варе, но тщетно. И тогда...

Он один целую ночь сидел подле Вари, чтоб никто не услышал внезапного ее стона или вздоха. Он водрузил на могиле целую скалу, даже крестьяне говорили: "Чтоб покойница не встала из гроба". А какой гнев вызвал у него воюющий на могиле Геркулес!

Один Михаил знал, как заснула она в душной комнате с асфоделями во Флоренции. Всё сходится.

Мой муж - чудовище!

Чудовищные мысли! Этого не может быть. Не в силах совладать с адским круговоротом мыслей, я искала Михаилу оправдания, но каждое из них родило новое подозрение. Мы же сами проводили его до тракта. Но он мог вернуться! Чтоб собрать гору цветов, нужно было опустошить все оранжереи, цветники, за донником спуститься к лугу, за дурманом пойти в лес... Чтобы перенести всё это в дом, надо было не раз подняться по лестнице и, уходя, закрыть окно... Цветники и оранжереи были нетронуты, мне ли не знать! Шаги на лестнице я бы услышала! Хотя могла и не услышать за громами! А вот раму мог захлопнуть порыв ветра! Но откуда взялись цветы?

И тут я вспомнила, как однажды Михаил привез ко дню рождения Вари подарок - целый воз саженцев для оранжереи и сада. Приехав в Белую Горку накануне, он не хотел раньше времени обнаружить сюрприз и спрятав его в лесной лощине, погрузив корни растений в бочаг. Он знал, что Варя будет в восторге от подарка и, не утерпев, показал его мне. От усадьбы до той лощинки недалеко, мы шли туда пешком. А бочаг этот не пересыхает и в жару, наверное, питаюсь водами родника, вокруг же заросли дурмана. В этом месте можно скрыть самого слона.

Я представила дело следующим образом: Михаил по пути в Белую Горку схоронил цветы в лощине, а распрощавшись с нами, свернул туда и, дождавшись ночи, вернулся обратно с цветами. С помощью кучера он перенес цветы к дому, а потом поднял их в комнату, бесшумно поднимаясь раз за разом по плещу. Потом он плотно прикрыл окно и поспешил в Петербург, где его утром и застал наш посыльный. Всё правильно, кучер был сообщником. Кто он? Я еще тогда заметила, что он не из наших, незнаком мне.

Это возможно. И это невероятно. Чудовище - я, если заподозрила такое за мужем, отцом моей дочери. Он любил Варю с детства. Он хотел оплакать ее в одиночестве. А собака, воющая на свежей могиле, разве не

электризовала она и мои расстроенные нервы, разве и я не хотела прогнать ее?

Михаил человек тяжелый, но не является же он средоточием самых страшных грехов?! Он грубый, деспотичный, но душа его не окончательно закоснела в пороке, забывая закон христианства, он сильно раскаивается потом. Душевные терзания знакомы ему, а в большой скорби и печали прибегает он к единственному верному убежищу, Отцу небесному. Во хмелю он отвратителен, но, протрезвев, ласкает дочку, как любой нежный отец. Иногда мне кажется, что и меня он любит, только любовь его какая-то странная.

Таким ходом метались мои мысли, пока совсем не запутались. Я сделала осторожную попытку порасспрашивать о тех тяжелых днях Антипыча, но успеха не имела. Кто был кучер и где он ныне, я тоже не добилась. Антипыч, столь оскорбляемый своим хозяином, предан ему, словно собака. Если он и знает что, то скорее умрет, чем выдаст его. Только я думаю, что он ничего не знает. Я уверена в Антипыче больше, чем в своем муже.

В разгар моих мучений зашел нас навестить Леонтьев и был поражен моим измученным видом. Его сочувственные слова возбудили во мне желание довериться ему, разделить непосильную ношу. Не зная, как начать разговор, я спросила, знает ли он про сонную болезнь. Он ответил: "А как же! Вспомните Адальберта Турского, игумена из Аахена, которого заживо погребли, а на восьмой день он восстал к жизни". Тут Платон пустился в рассуждения об Адальберте, пришел Михаил, и момент был упущен.

Я одна со своим ужасом. Я запуталась, мне кажется, я мешаюсь в уме. Не знаю, что думать и делать, как жить, почти не выхожу из своей комнаты, испытывая полное истощение сил, страх и уныние. Говорю себе: Бог милостив, он меня не оставит - и сама не верю этим словам, грешница. В несчастье человек редко бывает мудр.

Да сохрани тебя, Машенька, небо от всяких скорбей, и да пребудет в сердце твоём покой, что для меня не достижимо. Напиши мне обязательно, что думаешь о моей исповеди. Сама ничего решить не могу, словно морок на меня нашел, и никак не рассеивается".

Письмо тринадцатое

"4 февраля 1777. С.Петербург

Любезная моя, Маша! Написала тебе о страшных своих мучениях откровенно, как писала всегда. Никому, кроме тебя, я ничего подобного не рассказываю, и надеюсь, что ты сохранишь мою тайну верно и крепко, а письма мои, бросающие черную тень на мужа, сожжешь. Прошу тебя покорно и уповаю на это.

Подозрения мои, может статься, не имели никакого основания, были глупы и смешны, но избавиться от них долго не могла, поскольку не умела растолковать необъяснимого. И до сих пор предо мною одни вопросы, а ответов нет. С пристрастием допросила Нанетту, не помнит ли про грозу в Белой Горке, цветы, не заметила ли диковинного, не говорили ли слуги о необычном. Ничего нового. Тогда я поняла, что у меня только один выход - поговорить с Михаилом. Но открыться ему я трусила, и случая не было. Он постоянно находился в раздраженном состоянии, не терпел малейшего противоречия, да и редко я его видела, ходил он по тем

домам, где играют в карты, пьют вино и коротко знакомятся с актрисами и прочими блестящими обольстительницами. Это правда, милая Маша, и ничего тут не поделаешь. Получив заметное отвращение к своему мужу и запираясь на ночь в своей комнате, сама я толкнула его на эту дорожку. Не вышло из меня Эгерии.

Заговорил Михаил сам, наверно, всё-таки взбудоражило его сообщение о флорентийском воспоминании Софьи. И начал он с того, о чём я вообразить не могла: сказал, что хочет поставить мавзолей на могиле Вари и мраморный памятник дяде. Что означает сей замысел? Я давно говорила, что следует заменить деревянный крест Ивана Матвеевича на что-нибудь долговременное, но всегда получала отказ. Он уже нашел архитектора. Я просила показать мне чертеж усыпальницы и украсить ее изображением асфоделя. Архитектор, француз, человек немолодой и скромный, с благосклонностью принял мой рисунок цветка. А еще я пожелала пустить вокруг цветка латинскую надпись: "Уснуть, чтобы проснуться". И это было принято. Михаил с надписью согласился, но, мне показалось, посмотрел на меня странно и настороженно. Впрочем, в надписи этой нет ничего особенного. Никто не узнает, сколько раз Варя засыпала и просыпалась, но теперь-то она бодрствует в райских пределах.

Конечно, подозрения мои были большой глупостью. Но временами... Неужели никогда не обрету я уверенность в невинности мужа? Когда будет закончена усыпальница, мы поедем в Белую Горку. При мысли, что я снова увижу дом, сад и всё, всё, мне становился сладко и страшно.

Умная и чуткая Дарья Васильевна сказала мне сегодня, погрозив пальцем: "Мудрствование - от лукавого". Я даже вздрогнула, потому что в это время в голове моей крутились всё те же пустые и вздорные мысли. Знать она, всеконечно, ни о чём подобном не может, но зачем пальцем грозить? Или задумчивый вид мой навел ее на какое-то заключение? И что в самом деле мудрствовать? Надо всё забыть и обрести душевный мир. Но как забыть?"

Письмо четырнадцатое

"25 июля 1777 года. С.Петербург.

Милый друг мой, Маша! С неизъяснимым удовольствием прочла о твоём и семьи твоей путешествии по Европе. Мое летнее времяпрепровождение было не столь увлекательно, зато покойно. Рассчитывала я провести лето в маленьком, но, по описаниям, хорошо устроенном имении Ивана Матвеевича, расположенном в живописном месте у реки. Однако в последний момент выяснилось, что оно давно продано с аукциона. Больше никуда я и не собиралась, потому что получила приглашение от Дарьи Васильевны. Она взяла в наем дачу в нескольких верстах от Ораниенбаума для морских купаний. Три месяца назад княгиня забрала к себе племянника, мальчика, который стал товарищем нашей Сашеньке. Этого разумного и кроткого ребенка зовут Алёша, уже полтора года, как он потерял мать, а отец его отправлен с дипломатическим поручением в Вену. Сердце умиляется и отдыхает глядеть на резвящихся детей, так трогательны они и красивы, такая прелесть и невинность во всяком выражении их лиц, во всяком движении.

Усыпальница, возведенная над вечным домом моей дорогой сестри-

цы, закончена, и 21 июля мы с Михаилом присутствовали на молебне в Белой Горке. Я видела чертежи и рисунки этого крошечного античного храма, но не ожидала, что он так хорош, а неподдельное восхищение окружающих лишь укрепило меня в этой мысли.

Этот белый мавзолей, вокруг которого насажены дикие розы, а также бывший наш парк, речка и дерновая скамья вызвали у меня слезы, которые принесли облегчение. Наш дом, к сожалению, оказался перестроенным, оброс флигелями и сделался похож на колонию вороных гнезд. Плющ на восточной стороне дома, куда выходили наши с Варей окна, вырван без следа. Нас приглашали здесь ночевать, но я просила Михаила поехать к соседям, к Мартыновым, в пяти верстах проживающих. Не захотела я попасть в родные стены, так печально изменившиеся, но всё еще полные призраками прошлого.

На другой день я одна проделала путь в Белую Горку, чтобы побыть на литургии. А потом старик отец Варфоломей расстелил на крыльце мешковину, мы сидели с ним под ласковым июльским солнышком, вспоминали былое и говорили о настоящем. Отец Варфоломей человек простой, без затей и приветливый, горячо любящий Отца нашего небесного, жену свою Натальюшку и весь род человеческий заодно. Я пыталась выспросить его о днях, последовавших за кончиной Варвары, но ничего для себя интересного не узнала, а тогда спросила прямо, не запомнил ли он, что покойница лежала, как живая, и, возможно, только спала. Такой поворот беседы испугал отца Варфоломея, он только руками махнул и перекрестился. А когда я поинтересовалась, верит ли он в непробудный, внешне сходный со смертью сон, сообщил, что про погребения живо слышал, но очевидцев такого не знает, а верить надо, сказал он строго, в Бога, а не в досужие толки. Я замолчала, пристыженная, а отец Варфоломей шепотом, хотя мы и были одни, рассказал, что однажды узрел в облаке Богородицу, был потрясен видением, но его образумила Наталья Ивановна, супруга его неграмотная, но обладавшая правильными понятиями обо всём. Она сказала, что ежели на облака глядеть, то можно увидеть не только Богородицу, но и слона персидского и другие соблазнительные и вздорные картины. И отец Варфоломей по рассуждению здравом согласился с нею, как всегда соглашался, и покаялся.

И снова бродила я по парку и окрестностям. Крестьяне меня не забыли, бросались ко мне со слезами, вспоминая ангела-Вареньку и великодушного дядюшку Ивана Матвеевича, а я думала, сколь коварен враг человеческий, сколь много искушений разного рода предлагает нам и как пытается спутать трезвый ум. В результате разговора с отцом Варфоломеем я пришла в спокойное и стойкое состояние ума и сердца, но продолжалось это, к сожалению, недолго.

Мартыновы, семейство отставного майора, гостеприимно встретившие нас, не хотели отпускать. У них в гостях был какой-то родственник из Малороссии, с которым Михаил увлекся питьем домашнего смородинового вина, что было мне, конечно, не в радость. Я же с хозяйкой осматривала ее парк с павильоном и фигурными прудами, а потом она привела меня к цветнику, где обнаружила я настоящие заросли асфоделей - стояло время их цветения. Хозяйка напомнила мне, что это Варино наследство, и она сохраняет его. Варя многих оделила семенами этого цветка. Я же предпочитаю видеть асфодели в мраморном или живописном изображении, живые - они наводят на меня тоску.

Потом мы с хозяйкой обсуждали французские моды, и я разглядывала ее гардероб, предлагая переделки имеющегося и шитье нового. И вдруг она осведомилась о Варином женихе - велось ли какое-нибудь следствие по его смерти? Я не поняла вопроса, а она удивилась и спросила, неужто я не знаю, что он был застрелен своими, о чём свидетельствует то, что пуля вошла ему прямо в спину, а не в грудь. Ни о чём подобном я никогда не слышала и разволновалась, а так как муж мой был в изрядном подпитии, так и осталась с нерешенным вопросом. Ночью, не в силах заснуть, я рисовала себе ужасные картины. Андрей стоял между Михаилом и Вариным богатством! Снова подозрительность повергла мою только воспринувшую было душу в пучину ада.

На утро я сказала, что ежели Михаил не соберется домой, я попрошу у Мартыновых повозку и уеду одна. С нежеланием он согласился, а хозяева с нежеланием проводили нас. Уже в карету мне принесли большой букет асфodelей, чуть не приведший меня в беспамятство. Изящные свечи цветов, белые, словно сахарные, я выбросила, как только отъехали мы подальше. Тогда же спросила я мужа о смерти Андрея, и что за толки о пуле, которая сразила его в спину.

Он смешался, потом сделал удивленный вид, заявив, что ни о каких толках не знает и всё это бредоумствование. Потом он рассказал мне, как шли они на приступ. Андрей был впереди, и находились они менее чем в ста шагах от неприятеля, когда Михаила ранило и он, не в силах удерживать поводья, закричал. Андрей, увидев это, поворотил коня вспять. Тут его и сразила роковая пуля.

Удовлетворилась ли я объяснением? Не знаю. В глазах его такой леденящий холод, что я теряю присутствие духа и здравый смысл, дрожу и бормочу. Душа моя потеряла чувствительность, сделалась я, как неживая".

Письмо пятнадцатое

"4 ноября 1777 года

Любезная Маша! Надеюсь, что ты уже здорова. Прошу тебя, сообщи искренне о своем здоровье и не унывай. Прочь меланхолию!

Написала последние слова и засмеялась. Слышать такой призыв от человека в моём положении поистине забавно. Я, Машенька, пребываю в несносной тоске по причине потери всего, кроме разума, хотя временами и он изменяет мне.

Долетели ли до тебя слухи о небывалом наводнении, случившемся в Петербурге 10 сентября? Вода поднялась на 10 футов и семь дюймов. Непогода бушевала два дня, произвела страшные разрушения, погубила жилье и лавки с товарами, а утопших считали тысячами. Мы спасались на чердаке, дрожа от холода и страха, а когда смогли спуститься, все пожитки были перемочены и попорчены, так что и спать было не на чем, и одеться не во что. На улице не пройти: вырванные с корнем дерева, крыши домов, разметанные заборы, трупы животных, на Седьмой линии большая барка с сеном на боку лежала. Говорят, небольшие корабли в лесу потом находили, а одна изба с правого берега Невки, как вода спала, на левом оказалась. Бедствие это повторилось через месяц, но было уже не столь велико.

Но разорило нас не наводнение, а то, что зовут "ломберной заразой". Это настоящее проклятье. Пагубная игра лишает всего имущества, разоряет целые фамилии. Михаил постоянно напоминает о генерале, который за вечер проиграл 400 тысяч, свой годовой доход, и о графе В. (ты знаешь, о ком я говорю), спустившем за несколько часов свое состояние. Но мне многие чужие примеры и несчастья не утешительны. Государыня запрещает игру лишь на словах, потому что играют все, а высокие чины в первую очередь. И сама она нередко играет в макао, бостон празднует с пикетом и крибэджем. Сколько обворованных карточными обманщиками с их дьявольскими хитростями и плутовскими уловками! Сколько людей, желающих дать игроку кредит, чтоб за свои небольшие деньжонки получить его деревни! Сумароков (заслуженный наш поэт, верный служитель Мельпомены отошел в вечность 1 октября сего года) говорил, что карты у нас уравнивали старость с юностью, погубили имущества вековые и участили удары апоплексические. Беда, беда...

Весной Михаил ездил в вологодское имение, чтобы проверить тамошние дела и сделать некоторые улучшения. Вернувшись, рассказал он, что управляющий при помощи множества гнусных операций вконец запутал дела, но он их поправит. Я уже знала, что еще одно имение за долги в опеке у какого-то купца. А потом выяснилось, что и новгородское заложено, а величина долгов Михаила превосходит стоимость всех наших земель.

Нет больше у нас имений. Дом продан за полцены - девятьсот рублей двадцать одна копейка. Представь себе картину: подьячие, как хозяева, разгуливают по покоям, отрывают полотно, чтоб посмотреть бревна, всё трогают, говорят самую малую цену, перетряхивают вещи даже в моем уголке. А когда вещи описаны, когда я сижу, потерянная в неизъяснимом унижении и унынии, муж мой уходит в трактир играть в карты и пить...

Теперь мы квартируем в убогом домишке на окраине Васильевской части. Скучное убранство, несколько слуг, еда самая простая и кредитеры, от коих Михаил бегаёт, - это всё, что меня окружает. В августе умер Антипыч, добрейший старик, который жалел меня, а когда Михаил пропал на несколько дней, брал верховую лошадь, сыскивал и привозил домой. Кроме Антипыча, потеряла я единственного своего друга и утешителя, Платошу Леонтьева. Получилось это совсем глупо. Платон был свидетелем неприятной домашней сцены, после которой Михаил ушел из дома, а я плакала. Он сказал: "Мне тяжело знать, что вы несчастливы. При ваших достоинствах... Если бы я смог каким-то образом оказать вам помощь, поддержать..." Я ответила: "Полно. Мне нельзя помочь". И тогда он воскликнул голосом, полным страсти: "Я готов преклонить пред вами колена..." Я испугалась продолжения и пресекла его, сказав, что ему пора домой, к жене. Должно быть, от полной растерянности я не остановилась на этом, а добавила твердо: "Прошу вас больше не приходите к нам".

И он не приходит. Наверное, так и лучше, только мне очень не хватает его.

Михаила наше бедственное положение не образумило. Он, как и раньше, посещает неблагопристойные дома, вроде Красного кабака на Петергофской дороге, где по нескольку дней гуляют гвардейские офицеры с песенниками и плясунами, а прислуживают костюмированные сильфиды и наяды, идет картежная игра и афинские пиры. Иногда он приво-

дит домой товарищей, кои никакого разговора без вина и закуски не представляют и ночами сидят за картами. Никакого почтения от мужа я не вижу. В присутствии своих гуляк он называет меня, смеясь, "пустой крикуньей", "супружницей-ехидной", заявляет, что женщины всегда всё портят, чего касаются. Он говорит: "Курица не птица, баба - не человек". С дочкою стояли мы перед ним на коленях, но мольбам нашим и слезам он не внимлет. Без ропота трудно переносить безрассудство мужа и ничтожную жизнь, а главное, Сашеньку жалко. За что ей это?

Бедная Сашенька - красивая и доброжелательная девочка, только очень забитая, пугливая, что проистекает из нашей жизни. Вожу ее к графине, где она берет уроки вместе с ее племянником Алёшей. Когда бываю в силах, учу ее рукоделию и французскому, а также рассказываю всё, что знаю из книг. Размышляю об утверждении Руссо, будто у природы ошибок не бывает, все пороки, которые приписывают природным наклонностям, на деле развиваются вследствие дурного воспитания, и лучше воздержаться от всяких воспитательных действий, чем действовать некстати. У нас в доме всё некстати, а из меня худой воспитатель. При моей тяжкой жизни и испуганной душе, занятой своими терзаниями, может, лучше не губить ребенка, а предоставить самому себе?

Я ничего не могу сделать для моей девочки. Я б хотела, чтобы графиня Дарья забрала Сашеньку к себе и воспитала вместе с племянником. Это может случиться, если меня не будет. Да, милая моя подруга, я снова вернулась к греховным мыслям о самоубийстве. To die, to sleep! Умереть, уснуть! Наверное, я решила бы на вечные муки, если б не сомнение, что Сашенька останется не у Дарьи Васильевны, а у отца, про которого я наверняка так и не знаю, не убийца ли он?

Вчера Михаил снова плакал у меня на плече. Он больше ничего не обещает и не кается, просто плачет. Сердце мое сжалось от невыразимой жалости к нему, я вспомнила, кто он мне, и поцеловала его в висок. Если б знала я заранее, какое неизъяснимое бедствие ожидает меня с ним, сколько горьких слез я пролью! Жизнь ужасная, уродливая, от которой содрогнулось бы всё, кроме любви. Кроме любви... Она не боится ничего. Но я не знала любви.

Как одинок человек, потерявший родную душу! Как одинок человек, окруженный родными душами! Так не всё ли равно, где они? Я продолжаю разговаривать с Варей, будто не разделяет нас невидимая, непроницаемая стена.

Сегодня в доме тихо, ненавистных гостей нет. Только что зашла к моей спящей девочке подоткнуть одеяло. Когда я вижу ее в постельке, ангельски спокойную, чувство вины переполняет меня.

Не оставляй меня, Маша. Я так нуждаюсь в твоём утешении".

Письмо шестнадцатое

"7 августа 1779

Уже и не помню, когда последний раз писала тебе, любезная моя Маша. Душа - немая, перо - чугунное. Все силы уходят на то, чтобы со смирением покориться воле Божьей и судьбе горькой, а состояние мое такое, что в молчании должна переносить тьму своих несчастий. В прошлов лето мы с Сашенькой гостили в имении Дарьи Васильевны, а нынче поеха-

ли к ней на ближнюю дачу, где пробыла я два дня и, оставив Сашу, вернулась к своему несчастному мужу, так нуждающемуся во мне.

Изнуренный страстями и неводержанностью, Миша очень болен, иногда не спит по неделе, впадает в подозрительность или в свирепство, или в страхи беспримерные, или в бред. С ним делаются изнурительные припадки по несколько часов и дней. Его лечили каплями, порошками и пиявками, пускали кровь, давали чемерицу и опиум. Призывали мы модного лекаря-гомеопата, знаменитого магнетизера и бабу-ведунью, но облегчения нет. Вот плоды пьянства: все способности человека гибнут, карьеры он лишается и состояния, ввергая семью свою в нищету, здоровья, а потом и ума.

Да, любезная подруга, ни для кого уж не секрет, что Миша находится вне здравого рассудка. Мишина жизнь колеблется меж Богом и вином. В период улучшения он требует чарочку, чтоб себя подкрепить, а при ухудшении горячо молится, и у постели его лежит Священное писание.

Тайна смерти Вари и Андрея так и не открыта. В горячке Миша постоянно зовет их, твердит: "Заснуть, чтобы проснуться, и снова заснуть..." "Вставай, Андрюшка! Подымайся!" Еще он не раз повторял фразу: "Спасенья нет тебе, хотя отсрочен суд". Я долго мучилась, пока вспомнила, что это строка Сумарокова. Но что за суд его пугает? Он разговаривает с кем-то ведомым только ему одному. Невидимый собеседник дразнит его, издевается и угрожает, потому что Михаил кричит: "Ты хочешь подвести меня под суд? Не выйдет!" Есть ли сие доказательство его преступления?

Над диваном, где он спит, висел старый потертый ковер, какой у Новосельцевых на пол не положили бы. Ковер пришлось снять, потому что в его узоре Михаил обнаружил каких-то гарпий, то ли птиц, то ли летучих мышей, то ли тех, из греческих мифов, крылатых женщин-стервятниц. Они набрасывались на него, а он оборонялся. До сих пор не знаю, была ли одна из гарпий мною, потому что он постоянно выкрикивал мое имя. После того, как ковер был убран, обнажилась стена, оббитая полотном в пятнах. Здесь ему стали видеться пауки, целые клубки, рои, гнезда пауков, маленьких, темно-серых, которые спускались и сновали по кровати, по телу его и лицу. А на потолке жила большая паучиха. С нею он сражался с огромной злобой, разбив все вокруг в щепки и осколки. Были и набеги тараканов - железных, медных и оловянных. Из комнаты доносились страшные крики и шум борьбы. Никто не решался туда войти.

Добрейший доктор Фёдор Афанасьевич, который не бросил нас, хотя мы уже давно не могли ему платить, сказал, что Миша опасен и следует его поместить в специальную лечебницу, открывшуюся при Обуховской больнице. Там больные, лишённые рассудка, привязаны к кроватям кожаными оковами, и обходятся с ними кротко, приязненным образом, через что многие получают облегчение и даже вылечиваются. Миша как раз боролся с какими-то чудовищами, лезущими изо всех щелей в комнату, и, наблюдая сей ужас, я было дала согласие. Но к вечеру муж мой стал слаб, как дитя, крепко заснул, а проснулся в ясном и кротком сознании. Я присела к нему на кровать, он склонился ко мне и сказал печально: "Как жаль, что эта прекрасная грудь создана лишь для того, чтоб на ней успокоилась голова, пораженная безумием". Я уже не обольщалась невозвращением его сумасбродных причуд, но, представив ременные оковы, в лечебницу его отдать отказалась.

На днях он вообразил, будто умирает, и просил священника с причастием. Священник пришел, и они долго пробыли наедине. Я решила: вот единственный случай узнать правду. Провожая священника и обливаясь слезами, сказала ему: "Утешьте меня, умоляю. Скажите, что муж не повинен в душегубстве?" Священник решил, что я хочу выведать тайну исповеди, и посоветовал смириться пред промыслом Божиим и без ропота переносить посланное.

После ухода священника я нашла Михаила расслабленным, его сильно клонило в сон. Мучаясь нерешительностью, я всё же рискнула спросить, нет ли на душе у него страшного греха. Он посмотрел на меня странным взглядом и сказал, что с превеликим чувством принял Святые тайны, и ему полегчало. А я подумала, что не должна стремиться узнать истину. Смогу ли я жить, если узнаю, что Михаил убийца? Мое спасение в неопределенности.

А недавно я сама чуть было не сделалась преступницей, о чём хочу тебе искренно поведать. Вечером Михаил стал звать слугу Прохора. Он кричал на весь дом, и я пошла в его комнату, чтоб напомнить, что Прохор отпущен к больному отцу. Михаил был сильно пьян, рубашка его была мокрой, в комнате стоял резкий запах одеколона, а разбитый флакон из-под него валялся на полу. В то время он раскуривал табак в трубке, и искра упала на рубашку, пропитанную одеколоном.

Михаил вспыхнул, как факел, закричал, попытался встать с кресла, но упал. В ужасе я пятилась к двери и успела передумать тысячи мыслей: как стану вдовой, как не оставит нас с дочерью добрая графиня и будем жить мы без постоянных мук и унижений. Про всё подумала, даже про то, что надо забрать последнее, кой-какие драгоценности, что успела я спрятать на черный день, и Нанетту. Как мне хотелось, чтобы от ненавистного дома и моего несчастного полубытия остались одни уголья! Сколько времени продолжалось оцепенение, не знаю, наверное, миг, но показалось - вечность. Потом сорвала я с постели одеяло, набросила на Михаила и затушила пламя.

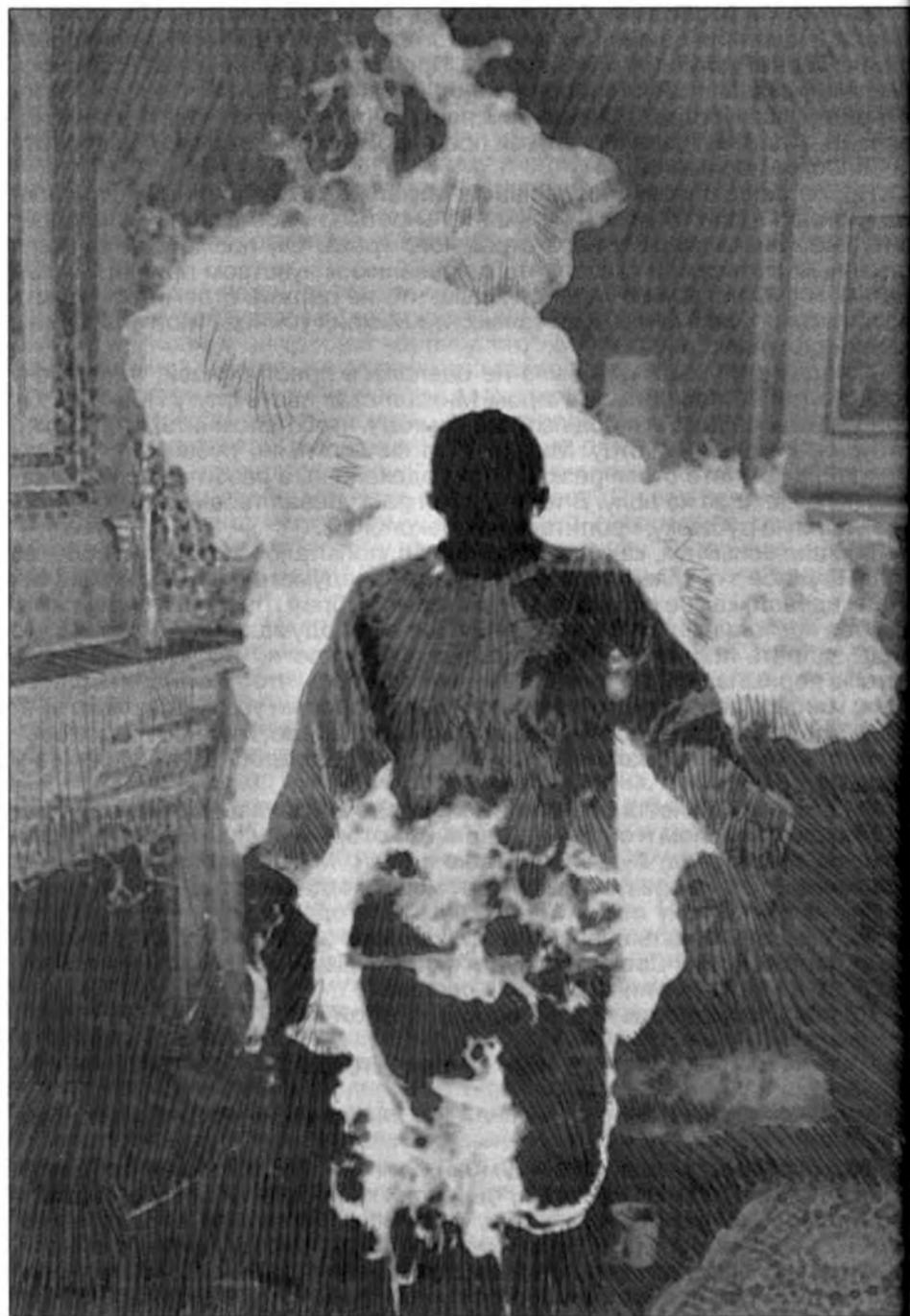
Он обжегся, Нанетта побежала за Фёдором Афанасьевичем, он обмазал Михаила маслом и обложил льдом, за которым послал Нанетту, а тот и боли не чувствовал, будучи мертвецки пьян. Михаил долго болел и не вспомнил, что я не сразу пришла на помощь, когда он погибал. Но я-то всё помню, хотя не хочу помнить ни о чём. Благодарю Бога, что уберег от греха, с которым жить невозможно. Ухаживаю за Мишей со старанием и самоотвержением. Сашенька будет жить у Дарьи Васильевны, так мы решили, а Миша уже ничего сам не решает.

Прощай, моя добрая Маша. Господь с тобой".

Письмо семнадцатое

"4 января 1780 г. С.Петербург

Вот, любезная Маша, и конец моей одиссеи. Михаил ныне бродит по сумрачным асфоделевым лугам, где, надеюсь, встретился с Варенькой и дядюшкой. Скончался он в ноябре, 6-го числа. Я повинна в грехе, на который вынудили меня злая доля и мой муж. Я скрыла причину его смерти, уничтожив склянку от мышьяка и последнее его покаянное письмо, написанное в минуту просветления. Прочтя его, вряд ли кто удержался бы от

слез. Он написал, что не в силах более терпеть муку, которой сделалась для него жизнь, прощение просил за мою загубленную жизнь и столько нежных слов прибавил, сколько я от него за всю жизнь не слышала. И решила скрыть самоубийство, чтобы быть погребенным ему в освященной земле, а не в скудельной. Помог мне верный Фёдор Афанасьевич, сказав, что делает это ради меня и Сашеньки, чтоб отец ее лежал на кладбище, а не за оградой. Утешая меня, сообщил он, что сокрытие самоубийства не такая уж редкость, а в нашем случае - дело правое, поскольку муж был помешанный в уме и не отвечал за свои поступки. Теперь прошу у Бога лишь одного: сжалиться над Михаилом, перед которым я тоже виновата.

Похоронили Мишу на Смоленском кладбище, а на могиле поставили памятник, который вершит урна, высечен такой же, как у Вари, цветок асфоделя на медальоне и латинская надпись: "Silentium". Молчание...

Сашенька пока живет заботами Дарьи Васильевны, в ее доме. Я забегу к ней, как только устроюсь. На днях мною получено известие, что родительское имение, перешедшее к тетушке, по смерти ее и Катерины, снова принадлежит мне. Жить я там не собираюсь, воспоминания меня туда не влекут. В сундуках и банке у тетки оказались немалые деньги, так что бедствовать мы не будем.

Прощай и вспоминай искренно любящую тебя подругу Лизу".

МЫ ГОВОРИМ О БЕДНОЙ ЛИЗЕ И ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННОЙ ВАРВАРЕ

Я закончила читать письма в третьем часу ночи. На меня они произвели потрясающее впечатление. Я чувствовала себя почти что участницей этой истории. Отчасти так и было. Я видела Варвару, которая жила в восемнадцатом веке! Своими глазами видела! И теперь мне уже казалось, что лежала она в гробу не на спине, а на боку, и руки у нее были размыты, а ноги согнуты. Какая страшная судьба быть похороненной заживо.

Спать я всё равно не могла, и мне очень хотелось с кем-то поговорить, но в квартире было темно и тихо. Долго вглядывалась в фотографию с портрета Варвары, который она отдала жениху. Этот портрет побывал в битве при Кагуле, на него смотрела Лиза, мучаясь тайной смерти своей сестры, его увидела Гера на выставке в Михайловском замке и показала мне. Голубые глаза, пепельные волосы. Красавица? Все они на старинных портретах кажутся красавицами. Асфодель в руках - символ смерти.

Я вышла в кухню, отдернула занавеску на окне и, не зажигая света, напилась воды. Во дворе горел фонарь, зеленоватый его свет делал законный пейзаж похожим на декорацию. Так сидела я, пока не скрипнула дверь родительской комнаты и на пороге кухни не возник отец. Света он не зажигал. Он тоже прочел письма, и ему тоже не спалось. Мы стали обсуждать страсти роковые, а в коридоре послышалось шлепанье домашних тапок. Запахивая халат, явился дед и спросил: "Что это вы тут в потьмах сидите?" А я спросила, что он думает о преступлениях, были они или нет?

- Неизвестно, - сказал дед. - Фактов нет, одни подозрения. Возможно, что у бедной Лизы было богатое воображение. Ты читала "Бедную Лизу" Карамзина?

Я не читала. Про то, что Варвара лежала в гробу на боку, я не стала

говорить, чтобы не услышать, что у меня тоже богатое воображение. Я спросила про летаргию. Дед прошаркал к себе в комнату, а вернулся с книгой, и мы с отцом прочли, что летаргия - известное медицине состояние. В тяжелых случаях дыхание и сердцебиение практически неуловимо, мышцы полностью расслаблены, зрачки не реагируют на свет, а тело холодное. Продолжительность такой спячки может быть от нескольких минут до нескольких дней, но известны случаи, когда больные спали не сколько лет и, не просыпаясь, проглатывали пищу, которую им пихали в рот. Летаргия случается внезапно и бывает при истерии, общем истощении, психической или физической травме, перенапряжении.

- А с твоими знакомыми или пациентами такое было? - поинтересовалась я у деда. - А со знакомыми знакомых? Я ни в одной газете не читала и по телевизору не слышала, чтоб кто-то впал в спячку. Похоже на фантастику.

Дед возразил, что у каждой болезни своя история, болезни с течением времени приходят, уходят, возвращаются, видоизменяются. Как с туберкулезом, от которого умерла и Варвара, и ее мать. Когда-то он косил людей, потом открыли пенициллин, и туберкулез отступил, а сейчас опять вернулся. Кроме того, сказал дед, раньше летаргию часто не могли определить и принимали за смерть, а сейчас такого не может произойти. Не заметное сердцебиение теперь обязательно прослушают, а температуру тела надо мерить в прямой кишке.

Прямая кишка вызвала смех и у меня, и у отца. Мы смеялись и не могли остановиться, это было что-то вроде разрядки. Дед смотрел на нас как на идиотов. Тут пришла мама и недовольно спросила: "Вы с ума сошли? Что это за собрание в середине ночи?" Зажгла свет и велела задернуть занавески.

Писем она не читала. Я думаю, потому, что отец за них взялся. Всё, что вызывает у отца интерес, у мамы ассоциируется с техникой силы ума и вызывает раздражение.

На следующий день письма забрала Нюня, а Гера с Паштетом читали второй экземпляр вместе.

Паштет задал законный вопрос: как письма оказались в России? Нюня предположила, что Мария умерла, и ее флорентийские родственники отравили письма Елизавете. А, может, Лиза сама попросила Марию вернуть ей письма, чтобы не оставлять свидетельства о злодеяниях своего мужа.

Меня же больше интересовало погребение заживо, хотя оно и не доказывало преступления. Гера старательно вспоминала, были ли у Варвары согнутые ноги-руки, даже хрустальный шар применяла, чтобы вытянуть информацию из подсознания. Безуспешно.

Интересную версию высказал дед Шурик. Он сказал, что письма эти вообще никогда не покидали России. Это дневник! В форме писем! В те времена даже романы были в форме писем, и "Новая Элоиза" Руссо так написана. Вряд ли Лиза стала бы столь откровенно говорить о страшных подозрениях в письме, которое могло попасть в чужие руки.

Дед Толя считал эту версию возможной, но ему казалось, что всё-таки это письма. Люди восемнадцатого века были проще и искренней, к тому же Лиза была очень одинока, доверчива и, наверное, считала, что Мария не проболтается уже потому, что находится слишком далеко от России.

Мы долго обсуждали, что делать со стариками Бигарти. Дед Толя на

стаивал на том, чтобы отдать перевод Арсению Павловичу, и пусть он решает сам, показывать его сестре или нет. А вот краеведам дед не велел давать письма. "Сегодня краеведы, завтра журналисты, а послезавтра весь город будет знать, - сказал он. - Дело это деликатное. Тут требуется разрешение Арсения Павловича".

Дед прав. Без разрешения никому нельзя давать писем. Но как же это несправедливо по отношению к краеведам, которые были у белогорковской церкви и видели Варвару!

Прочла "Бедную Лизу" Карамзина. Сушная ерунда. Соблазнил барин простолюдинку, не женился на ней, она и утопилась. Глупо и сентиментально. И уж очень там всё красиво и неестественно. Ах! Ах! Ах! Гера тоже прочла и согласилась со мной. Попробовала читать "Новую Элоизу" Руссо. Это невозможно. Претолстенная занудная книга, непонятно, почему в восемнадцатом веке от нее балдели.

Совершенно случайно я застучала маму за чтением писем. Ночью, в кухне. Увидев меня, она смутилась. У нее было заплаканное лицо. Я сделала вид, что ничего не заметила, и удалилась.

ЕЛИЗАВЕТА ПИШЕТ ИГУМЕНЬЕ АНТОНИИ

Пока мы занимались разговорами, переливали из пустого в порожнее и собирались отвезти Арсению Павловичу перевод, он объявился сам. К телефону подошла я, и первое, что он сообщил: Нина Павловна в своих завалах обнаружила еще два письма от Елизаветы! И я нарушила уговор с дедом. Я наврала, что перевод почти готов, скоро привезу. Дал бы он новые письма, прочитай те? Ну а!

Новые письма я забрала. И не то, чтобы совершенно не было у меня грызений совести, маленько были. Смотрела я на него, а он такой симпатичный со своей серенькой косичкой, простодушный, верит мне, а я обманываю. И, наверное, дико расстроится, когда узнает про "подвиги" своего предка.

В новых письмах могли оказаться доказательства преступления. Мы все были так взбудоражены, что поставили деду ультиматум: или он тут же переведет нам, что там написано, или - не знаю что! Тут же он не перевел, но призвал свою Марию Николаевну, и справились они быстро.

Письмо первое

"20 мая 1781 г. С.Петербург

Пречестнейшая матушка игуменя Антония!

Возможно, Вам памятен летний день, когда в Вашем тихом монастыре появилась Прасковья Сергеевна Новосельцева с двумя маленькими девочками, своей родной дочерью Варей и названной дочерью - Лизой. Двенадцать лет назад Варя, собиравшаяся уйти от мира в обитель и принять иноческие обеты, просила Вашего руководства и опеки, но внезапно умерла. Лиза же, несчастнейшее и порочнейшее из всех существ, утратив веру и презрев все правила человеческие, жила до нынешнего времени беззаконно, не чуя нависшего над ней огненного меча Божьего правосудия. Лиза - это я.

Находясь на пороге кончины, которой страшусь, но и с трепетом при-

зывают, чувствую необходимость объяснить всё случившееся в Белой Горке и открыть Вам историю моего падения. Берет меня смертное уныние, томит безотчетная скорбь, а усталое и изможденное сердце мое требует покаяния.

Родилась я у честных и благородных, но бедных родителей и вскоре осталась сиротой без какого бы то ни было имения и надежды на счастье. Добрейшая вдова Прасковья Сергеевна, приходившаяся нам дальнею родственницей, взяла меня к себе и стала растить, как свою, не делая различий меж мною и родной дочерью. Позднее, словно сына, приняла она своего племянника по мужу, осиротевшего Мишу, и велела нам любить его как брата.

К несчастью, Прасковья Сергеевна страдала грудной болезнью. Доктор настоятельно рекомендовал ей уехать для поправки здоровья в южный климат, и она отправилась во Флоренцию, к подруге, взяв с собой пожилую родственницу и меня с Варей, а Мишу оставила на попечение дяди, Ивана Матвеевича. Поездка была злополучна. Всевышний выслав Ангела своего взять душу неоцененной Прасковьи Сергеевны из сей юдоли плача, болезней и печалей, а с Варей от горя приключилась страшная, необыкновенная немощь - она надолго заснула беспробудным сном, который внешне натурально походил на смерть. Чудодейственный флорентийский медик пробудил ее, избавив от страшного испытания, погребения заживо. Предполагалось, что причиной болезни явились ароматные цветы, асфодели, запах которых отравляюще подействовал на Варю. Через полгода после похорон моей милостилицы и счастливого излечения Вари мы вернулись домой.

Опекуном нам стал упомянутый выше Иван Матвеевич, почтеннейший и добрейший человек, бездетный вдовец, который заботился о нас, как о родных. Несмотря на то, что жила я в любви и достатке и была уверена, что меня благополучно выдадут замуж и судьбу мою хорошо устроят, укрепилось во мне осознание своей обездоленности.

Росла я здоровой и пригожей девицей, но болезненная бледная Варя слыла прелестнее, окружающие находили, что Всемогущий в чертах ее изобразил неизреченную благодать свою, одарил благородным спокойным обращением и многими талантами. Я никак не могла уразуметь, чем ее мечтательные голубые глаза были лучше моих, черных и живых, блестящих, как вишни? Почему пепельные локоны казались красивее каштановых? Разве не было и у меня стройной поступи и медового голоса?

Во всяком учении она достигала превосходных успехов: на трех языках говорила свободно, как птицы поют, на древних - читала. Рисовала пела, играла на клавинофорде, танцевала и представляла роли из пьес более чем изрядно, и все восхищались ее умениями. Я наблюдала это изо дня в день, но не могла ни в чем соперничать с нею, потому что она была Варвара Новосельцева! Я не хотела согласиться, что судьба, наградив меня природными щедротами, не оделила богатством и везением, как ее. Тлетворная ржа зависти проникла в сердце и рассудок и разъедала их.

Когда дьявол овладел моей невинной душой, я точно не знаю, только случилось это довольно рано. Малыми детьми мы стояли на коленях перед образами и молились. Варя - о здравии матушки, всех домашних крестьян и всех людей земли, а я - о себе одной. Каждый вечер я засыпала в своей постельке со словами: "Боже милостивый, сделай так, чтобы проснулась я самой красивой и богатой, чтобы стан мой стал стройнее"

лицо белее, голос нежнее, а уроки запоминались, будто давно заученные. Сделай так, чтоб обладала я множеством шалей, салопов, мехов и богатых платьев, а ларец мой наполняли жемчуга и бриллианты, и чтоб при мне подлежали мне многие доходные земли. Сделай так, чтоб я была - она!" Позднее просила я у Бога и богатых женихов, в славе находящихся.

Варя любила тихое уединение, а меня влекли шум и блеск балов, пиров и маскарадов, раззолоченные кареты, прогулочные лодки с музыкантами, фейерверки и иллюминации, высокие чины и титулы. Она равнодушно смотрела на женщин в дорогих нарядах, осыпанных драгоценными украшениями, смеялась над пристрастием их к пудре, румянам, блесткам и мишуре, а я - ничуть. Я не понимала склонности Вари ко всяким жалким ютикам и лесным колокольчикам, я любила оранжерейные гиацинты с розами, ананасы, персики, апельсины и клубнику в январе. Мне нравились всё французское, а над этим Варя тоже смеялась.

В моих пристрастиях не было ничего особенно удивительного. Многие модницы и девицы были точно такими же, как я, просто Варя была другая. Она не старалась сделать юбку пошире, а прическу повыше, да еще прицепить к ней куст роз, перьями утыкать, лентами увить и среди этого любила чучело фазана посадить. А меня всё это влекло! Облака цветной пудры, амбра, корсет, затянутый так туго, что и дышать невозможно, шальное платье "a la polonoise", тонкие шелка, нежные оттенки коричневого, желтого и зеленого "boue de Paris" - цвет парижской грязи или "sasa auriphine" - как дофина, тафтяные мушки - на груди, подбородке, у виска, говорящие: "Уйди" или "Можешь надеяться", веера, трости, труффы, табакерки. Я мечтала научиться ездить на лошади, чтоб носить английское платье для верховой езды с высокими разрезами на юбке. Что ж в этом плохого? На то и мода! Меня пленяли ее своенравные прихоти.

Варя почти не надевала украшений, а значит, и я не могла их носить. Однажды из своей простоты она даже умудрилась сделать моду: явилась на бал в скромном платье, без единого украшения, только локоны убрала бантиком и розой с бутонем и листьями, а другую такую же прикрепил к корсажу. Кое-кто счел сей наряд очень оригинальным и даже попробовал подражать, но большинство женщин, которые хвалили Варю в глаза, за спиной судачили о ней. Моя воля - я бы стала оригинальничать другим способом, но, к несчастью, была вынуждена вести себя так, как нравились Варю.

Природная хитрость неосознанно подсказала мне правило всегда, по возможности, изображать кротость, скромность и добродушие. Равнодушная Варя оставалась в убеждении, что вкусы и пристрастия у нас одинаковые, и была уверена в моей неизбывной любви. Трудно поверить, но Варю, действительно, любила. Любила и ненавидела, и старалась во всём ей подходить, хотя влечения мои были иными. Объяснить сие я не берусь, но так было. В угоду Варю я говорила: "Самомнение и зависть - дело мелких душ", "Щегольство - суета без смысла". "Гордиться знатностью и богатством - неприлично. Одно душевное благородство достойно уважения".

Лицемерие стало моей натурой. Иногда я сама верила тем возвышенным словам, которые говорила для Вари и людей. Я не умела играть в театрах, но в жизни играла свою роль так, что никто никогда не заподозрил меня в неискренности.

Кое в чём я всё-таки превосходила Варю безусловно и беспримерно, это признавали все. В рукоделии. Тут равных мне не имелось. Не бы платья из французского или английского журнала, которое я не смогла изготовить. На мои кружевные прошивки и бордюры специально приходили смотреть. Я шила настоящей золотой ниткой, блестками разной величины, бисером, синелью, лентами, шерстью и шелком и владела всеми видами швов: гобеленовым, камчатом, смирнским и английским, швом "Мадейра", брюссельским и флорентийским, валансьенским, алансонским, брабансонским, филигранным и коралловым (в виде рыбной чешуи), использовала венский крестик, двойную гладь и шитье Хольбеина, вышивала по суровому полотну, шелку, тюлю и бархату. Я не могла изобразить красками букет цветов или розу так искусно, как Варя. Но рисунок той же розы для вышивки лучше получался у меня, и орнаменты я лучше копировала.

Из года в год в Белой Горке за рамой моего окна жила паучиха. Мне не известно, сколько лет живут пауки, и я не знаю, была ли это одна паучиха, перезимовавшая в какой-нибудь щели, или каждое лето новая. Весной заставляла ее не очень большой, а к осени она делалась дородной круглой, с красивым серо-коричневым узором на спинке. Я прозвала Арахной в честь знаменитой лидийской ткачихи, которая захотела соревноваться в своем мастерстве с самой Афиной, а та превратила ее за годичку в паука.

Когда я сидела у окна с пальцами, Арахна была совсем рядом, но разделяло только стекло, и я заметила, что она часто ремонтирует свою паутину, потому что ее нарушает ветер. Для того чтобы сплести новую паутину, ей требовался час. Как прекрасны и точны были действия Арахны! Вначале она прокладывала крестообразные нити, потом заплетала их перекладинами, делая меж ними всё большие и большие, идеально выверенные пропуски и останавливаясь на секунду в месте пересечения нитей, скрепляя их. Я не могла оторвать глаз от совершенной работы.

Арахна была не меньшей искусницей, чем Афина, и она хотела почем по своему таланту. Но возвыситься над Богиней нельзя, каждому дан свой удел. Всяк сверчок знай свой шесток. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Я была Арахной. О любом соревновании мне и думать взбрыганьлось. Какие чувства это знание могло во мне породить?

Давно я проведала, что Миша влюблен в Варю, а поскольку всег жаждала иметь то, что она, стала добиваться Мишиной склонности, хотя относилась к нему с полным равнодушием. Мишина любовь была безответна, но я хотела иметь всё Варино, пусть ей это и не было надобно. Дядя, Иван Матвеевич, воспитывал нас не запретами, а разумом, и не препятствовал в любом чтении, которое мы могли иметь. Он считал, что запреты только разжигают праздное любопытство и желание проникнуть в тайны любви. В отношении Вари он не ошибся, рассудок позволял делать правильные заключения о жизни, у меня же от чтения роман пробуждались дерзкие бесстыдные мысли. Когда у Вари появился богатый жених, полный всяческих достоинств, я не могла не влюбиться в него со всей страстью. К тому времени я уже давно оставила Бога, даже обращалась к нему с просьбами: "Господи, пусть со мной случится то-и то-то". Теперь я просто думала: "Хочу, чтобы..." И появилась у меня мысль: "Если бы Варя умерла, то Андрей, вероятно, смог бы полюбить"

меня, ведь я так похожа на нее и живу с ней одной жизнью". У Вари была лабая грудь, она кашляла, как ее мать, почему она не могла умереть? Не помню, думала ли я: "Пусть она умрет..." Наверное, думала. А Варя читала меня своей верной, преданной наперсницей и говорила обо мне Андрею: "Вот твоя сестра".

Разумеется, Андрею я смерти не хотела, хотя было горько, что счастье опять Варе, во всём ей! Фортуна сама отвернулась от нее, Андрей пал в бою от турецкой пули. Варя скорбела и тосковала, а вместо французских книг стала читать душеполезные, утверждавшие ее в избрании единенной монашеской жизни. Тогда, достоцитима матушка Антония, она и написала Вам письмо о непреодолимом желании положить свою жизнь на служение Богу, а получив ответ, объявила про то нам и просила не препятствовать ей. Дядюшка расстроился ее решительному намерению, но вынужден был дать свое родительское благословение на сей путь.

Готовясь переменить жизнь, Варя собиралась распорядиться своим имуществом, оделив меня и Мишу. Однако мне показался несоразмерно великим ее вклад в обитель, немалые деньги, намеченные крестьянам для исправки хозяйства, количество дворовых людей, отпускаемых на волю, и содержание им. И проник в мою душу тлетворный яд жадности, а чем больше я об имуществе думала, тем более алкала его. Пропадет ведь, сорвалась я, сколько всего пропадет!

Задумчиво смотрела я, как Арахна, сидя на сторожевой нити, дожидается комара или муху, но не бросалась к ним тут же, как они попадались, а спокойно наблюдала. Когда же, запутавшись в липких ее тенетах, жертва ослабевала и отчаивалась, Арахна поспешала к ней и спеленывала мятнящим саваном. Она была спокойна и безжалостна.

Известен такой способ вышивки, который называется "паутинка", но я задумала вышить серебристо-серым шелком на черном бархате настоящую паутину, так как плетет ее моя знатная мастерица, и вышила. Но это показалось мне мало, захотелось сплести паутину не на бархате, а в изнани, и терпеливо поджидать жертву. Я чувствовала себя Арахной.

Никакого определенного глана у меня не сложилось. Одна только мысль: если бы Варя умерла, духовная исчезла, а я была бы Мишиной женой... В отсутствии Вариной духовной Миша, как ближайший родственник, унаследовал бы всё! Вероятно, мысль о супружестве возникла у меня не случайно. Как раз перед тем, не ведая, что Варя бежит от мирской жизни, Миша предложил ей (не в первый раз) руку и сердце. Он сказал, что всегда любил ее и станет ждать согласия, сколько потребуется, хоть всю жизнь. Когда узнала я об этом, сердце мое снова обожглось чужой любовью. Бросилась я на грудь Вари и, рыдая, призналась в любви к Миши. Она утешала меня нежно, по-сестрински и обещала постараться построить мое счастье.

Близилась годовщина смерти Андрея. Накануне нас навестил Миша, но уже вечером он должен был отбыть в Петербург по делам службы. Тот день мы провели вместе. Гуляя по парку, Варя сказала нам, что была бы спокойна, если бы мы, родные ей люди, стали супругами. Выгоду сего она видела не в объединении владений, а в нашем счастье. Она сказала, что жели у Миши и есть недостатки, то достоинств больше, а самое важное - человек он добрый и никогда меня не обидит. Во мне она видела терпеливую жену и считала, что смогу я стать Мише верным и надежным со-

товарищем и поддерживать его во всех трудностях. Варя просила не думать о том, что в свете много коварства и пустоты под личиной учтивости и любезности, и в жизни всё не так сладко и гладко, как в иных романах пишут.

Михаил внимательно слушал. Он ничего не ответил, но я знала, что любое Варино слово для него священно. Мне же казалось в тот миг, что и в самом деле буду для Миши хорошей, любящей женой.

В задумчивости шли мы среди июльских душистых цветов, пока вступили в царство асфоделей, любимых Вариных цветов. Они испускали такой сильный дурманящий аромат, что пришлось удалиться. Невольно вспомнила, как в детстве Варю усыпил запах асфоделей, усыпил так, что разбудить не могли и думали, будто она умерла. Вот тогда и явилось внезапное решение.

Мы так нагулялись, что, проводив Мишу, усталая Варя еле дошла до постели. Стояло полное безветрие, духота к ночи так и не спала. Я сидела рядом с Варей, пока она не заснула, а потом, дождавшись, когда у двери погас огонь, выскользнула из дома и направилась к цветнику. Долго ломала и охапками относила под наши с Варей окна белые асфоделилии, арабский и персидский жасмин, розы, флоксы, резеду, гвоздики, маки и табак, потом принялась опустошать оранжерею, набрала у дорожки сильно пахнущий донник и полынь. У дома громоздился уже целый степь цветов. По тонким, но прочным, изогнутым стволам плюща, как по лестнице, поднялась я и, перешагнув подоконник, ступила в Варину комнату. Откинув кисейный полог над ее кроватью и сдерживая подступавшие горлу рыдания, долго держала ее прохладную руку в своей и любовалась ее тихой красотой. Варя крепко спала и дышала почти неслышно, так что легкое покрывало на ее груди почти не кольхалось. Тогда я вернулась благоуханной копне цветов и, нагружая подол рубахи, стала методически поднимать их наверх и сваливать на пол, кресла и стол. Всю постель в круг тихо почивавшей Вари я убрала асфоделями.

Последний раз взглянула я на сестру мою, лежавшую в любимых цветах, таких же бледных в ночи, как лицо ее и вытянутые на покрывале руки. Потом я плотно затворила окно, а вышла через дверь. Кругом стояла тишина, но чуть ступила я на порог своей комнаты, как раздался страшный удар грома и ослепительная рогатая молния расколола небо, залила всё вокруг синим светом. Бросилась я в постель и, накрывшись головой, просидела так до конца грозы. В голове моей не было никаких мыслей. Я не думала даже о том, что будет, если черное мое дело удастся и что я скажу Варе, если проснется она утром как ни в чём не бывало и увидит горы цветов.

Когда перестало гремять и сверкать, я заснула глубоким сном под мызу дождя, а проснувшись до солнца и отправилась к Варе. В ее комнате стоял столь удушающий тяжелый дух, что невозможно было определить благовоние это или зловоние. Я чуть не упала без чувств, пока шла к окну, чтобы впустить воздух, а отдышавшись, стала сгребать вялые цветы бросать за окно. За всё это время Варя не шевельнулась. Она лежала совершенно спокойная, подобная спящей красавице, и не открыла очей, как не пыталась я разбудить ее. Пока в доме все спали, отнесла я выброшенные из окна жухлые цветы к задней стене оранжереи и сказала "Аминь тому делу". Я успела задремать, когда меня разбудили крики Анюты, Вариной горничной.

В доме стоял вой и плач, извещенный о несчастье дядюшка, не дойдя до Вариной спальни, упал на лестнице, и с ним сделался паралитический удар. К вечеру прибыл Михаил, а до того времени я бродила как неприкаянная, смотрела, как Арахна занимается мелким ремонтом своей изысканно прекрасной паутины, навещала дядюшку, не могущего ни шевельнуться, ни говорить, а чаще - Варю, уже обмытую, одетую в платье, расшитое мною золотыми цветами для ее свадьбы, и положенную на стол в зале, на первом этаже. Пытливо глядела я на ее безмятежное лицо, размышляя, умерла она или спит, но ответа не находила.

Миша был безутешен. Он словно оглох и не отзывался на предложение отдохнуть. Всю ночь он провел, бодрствуя возле Вари, читая псалмы и плача. Я устроилась возле дядюшки, но не могла заснуть, время от времени ходила в залу и прислушивалась, пытаюсь уловить вздох или стон той, что лежала на столе, но слышала только бормотание и всхлипы Михаила.

Под утро я испытала такую тоску и скорбь, что и передать трудно. Я плакивала ту, что была моей сестрой. Вместе с ней ушло всё, чем я жила. Тайно от нее я грезила роскошью, балами и удовольствиями, но теперь всё это представлялось мне ненужным и пустым. Ее присутствие, ее мысли, ее мысли... Ее кроткое обаяние... Как могла я расстаться с этим? Она была там, в зале, и никто не знал, что если вызвать доктора, если горячо взмолиться Господу, может статься, и удастся ее разбудить!

На другой день Варю положили в гроб, с плачем отнесли в церковь и после отпевания предали земле. Мне было на руку, что стояла жара и складывать похороны было никак невозможно. До последнего момента так и не сделала решительного заключения - мертва ли наша необычная покойница. А когда Геркулес, деревенский пес, привечаемый Варей, занял ночью выть на свежей могиле, первой побежала туда и заставляла Михаила отгонять его, пока тот, кинув в собаку камнем, случайно не убил ее.

Доктор наш, Фёдор Афанасьевич, приехал после Вариных похорон. Накануне я специально запутала посыльного, так что тот не смог его найти, потом обвинила в бестолковости, а второго отправила только следующим утром. Но доктор нужен был лишь для порядка, дяде уже ничем нельзя было помочь, и вскоре мы его похоронили рядом с Варей.

Михаил долго не покидал усадьбу, жил в Вариной комнате и спал на ее постели. Он не предполагал, что духовные Вари и дядюшки, лежавшие в перебранном ларце, уже уничтожены, он даже не вспоминал про них. Меж тем теперь ему принадлежало всё, и ничего не было потеряно. Осложнилось разделить с ним приобретенное, став его женой.

Я отпустила Мишу в Петербург, а сама осталась до осени в Белой Горке и занялась шитьем приданого. Асфodelей в нашей оранжерее после достопамятной ночи не осталось, но бывая в гостях у соседей, Марьиновых, я возвращалась с букетами этих неприятных цветов, чтоб украсить Варину могилу. К осени Миша привез архитектора, чтобы начать постройку мавзолея над Вариной могилкой. Он с готовностью согласился поместить над входом украшение в медальоне - цветок асфodelя, обремененный латинской надписью: "Заснуть, чтоб проснуться..."

Осенью я переехала в Петербург и стала поддерживать старые знакомства. Как и прежде, жила я в нашем доме на Васильевском, а Миша занимал квартиру, и я его редко видела. Я уже вполне понимала, что не

люблю его, как не любила никогда, но пора было поговорить о женитьбе сам Миша, кажется, позабыл о том. До меня доходили слухи, что его видят в Екатерингофе, Красном кабаке на Петергофской дороге и разных веселых домах, где устраивают валтасаровские пиршества под цыганское пение с обязательными картами и актерками. Беспокоясь об этом, вызвала Михаила и пожаловалась, что чувствую себя заброшенной и хочу быть в его доме приживалкой. Он ответил, что дом - мой и не сто беспокоиться. Тогда я сказала, что чужого мне не нужно, дом должен принадлежать ему и его жене, а я уеду к тетке, в ее жалкое имение возле Новгорода. И ему будет свободнее, и мне покойнее, потому что негод девичье жить в холостом доме человека, который и братом ей не приходится, а уж если слухи обо мне пойдут, то жизнь моя погублена будет. Михаил поинтересовался, что за вздор я несу, и просил жить, как прежде. Он сказал, что если бы Варя с дядей оставили духовные, то разделили бы имущество между нами пополам, так что половина - моя. Только женитьбе он не заикнулся. Тогда, ничего не взяв, кроме горничной Нанеты и самой ветхой кибитки, отправилась я к тетке, а дорогой так занемогла, что привезли меня ни живую, ни мертвую. Зато первого, кого я увидел очнувшись, был Михаил. Я и не сомневалась, что он кинется мне вслед, чтоб вернуть.

Имение и жизнь тетки было столь убоги, что иные крестьяне у Новогородских сельцевых были лучше устроены. Но пробыла я там только до выздоровления, а далее Михаил увез меня домой. Вскоре мы обвенчались.

С Рождества до Великого поста - лучшее время, когда не прекращаются празднества, пиршества, балы и маскарады. И на всех я блистала. На рукоделия у меня времени теперь не оставалось, да и смысла в нем не было. Любые наряды я могла себе достать, не прикладывая труда, очень об этом заботилась. В Белую Горку я больше не ездила, брали в нем дачу в Царском селе и Ораниенбауме.

Я стала близка с крестной матерью Вари, графиней Дарьей Васильевной Головиной, и она открыла мне многие двери и сделала немало знакомств. Многие мужчины проявляли ко мне интерес и вели такие разговоры, что поддайся я, могла бы войти с ними в интимность. Сердечной склонности к Михаилу у меня не было никакой и вести с мужчинами задушевные разговоры мне нравилось, но быть ему неверной я не собиралась. Измена была не из моей пьесы и не из моей роли. Я чувствовала выгоду быть добродетельной женщиной, чтобы почтение и уважение себе иметь. И я не ошиблась, потому что достаточно скоро мне предстояло стать в глазах общества еще и страдальницей, а страдальца не берет ветреной.

Пока я тратила деньги на гобеленовые обои, персидские ковры, хрустальные люстры и мебель на вызолоченных ножках, прельщалась нарядами и украшениями, Михаил проигрывал их в карты, отыгрывал и снова проигрывал. Кружась в светском водовороте, я узнала об этом нескорее. Сначала было продано вологодское имение, потом новгородское, дядинское - ушли за долги, а за ними и Белая Горка. Михаил вышел в отставку из-за болезни, после ранения на войне у него сохла рука. Он поступил в статскую службу, но дела у него там не заладились, и начальники не были им довольны. Полагаю, что виновата весьма дурная компания, введшая его в кутежи и карты, и дела, которые мало похвалы приносят, а прежде всего податливый на всякое компанейство нрав его и полное отсутствие

не привязанности к нему и сочувствия. Он наслаждался своими порочными утехами, я - своими.

Пришло и такое время, когда всепьянейший собор с карточной игрой переместился без церемоний в наш дом, а с ним шум, брань, иногда и драки. Бывало, по три дня не выходили, и Михаил, опухший, волосы дыбом, в службу не ездил, а двери держал на запоре. Если от начальника придет, велено было говорить, что болен, и никого не пускать. И чем больше, тем хуже всё делалось. А что удивительного, когда в полку все играют, от полкового начальника до прапорщика, когда сам граф Румянов Петр Александрович болен игрой, по несколько дней не отрывается от ломберного стола и много проигрывает? Каждый день слышишь толки: такой-то проиграл за вечер целое состояние и отыграл его, такой-то министратил казенные деньги и удавился. Они это называют "испытать судьбу".

Пьяным Михаил становился нехорошим: вспылчивым, хвастливым, грубым. Много упреков он мне делал и обидных слов сказывал, а на другой день плакал, корил себя и жалобно сетовал: "Видно, сотворен я для своего несчастья. Кроме огорчения, ты ничего от меня не видишь, я всё у тебя отнял, а ничего не дал. Но веришь ли ты, что я тебя люблю, что ты для меня драгоценна?" Он обещал исправиться и оставить дурные знакомства, но всё напрасно.

И так он мне надоел, что начала я жаловаться и Дарье Васильевне, и моему начальнику своего мужа, но к порядку его никак невозможно было привести. Появилось у него много чудачеств. Он заказал переписать масляными красками Варин портрет, тот, что с цветком асфоделя и писан был еще при дядюшке. Теперь он висел у него в большой раме в кабинете, что меня очень злило. Когда он пьяный запирался у себя, я подкрадывалась к дверям и прикладывала к щелке ухо. Он с Варей, то есть с портретом, говорил.

Я тоже с ней разговаривала, когда ложилась в постель, почти каждый день. По привычке, мы ведь с ней всегда перед сном беседовали. Я говорила ей: "Вот и посмотри, где ты, а где я!" Я говорила ей: "Все восхищаются мною, а не тобой". Я говорила: "Без тебя, как без души. Всё скучно и бессмысленно". Много чего говорила, но гневалась, слыша, как Михаил перед портретом изъясняется. Я никогда ни к кому его не ревновала, только к покойнице. Она из-за гробовой доски продолжала у меня хоть что-то отнимать.

К тому времени у нас родилась и подрастала дочь. Михаил хотел нанять ее Варварой, но я воспрепятствовала. Посмотрели в святцы и назвали Александрой. Когда-то мы с Варей книжки о воспитании читали и спорили, кто как его понимает. Но воспитывать свою дочь у меня не хватало сил и времени, мною владело необъяснимое безучастие к ее судьбе. Я любила ее, особенно издали, а когда видела, мне становилось скучно. Сначала я думала, буду сказки ей рассказывать, учить рукодельничать, а на деле оказалось, что сказки лучше помнит няня, а до иголки с пальцами я стала ленива. Я знала, каких учителей надо нанять, хотя следить за ними тоже тяготилась. Муж любил Сашеньку горячо и, когда был трезв, играл с ней, ползая по полу с нею на закорках, забывая, кажет ли, обо всём. Меня это трогало, потому что видела я такое чадолубие, такого сама не имела.

Мы стали жить почти бедно, и выезжала я мало, потому что у себя не

могла принимать, да и мрачное состояние духа не способствовало веселью. Муж мой теперь так пьян бывал, что без памяти становился, а тогда выкрикивал всякие несообразности, буйствовал и, казалось, находился во власти злой силы. Мудрые женщины, такие как Дарья Васильевна, советовали убеждать Михаила бросить карты, не губить семью, но я знала тщету этих убеждений. А потом и начальника пришлось просить о благосклонности к мужу. Дарья Васильевна молвила: "Тебе осталось только одно: молиться за него. Проси Господа нашего, чтоб дал тебе силу и крепость". Я не могла ей признаться, что давно оставила Бога и молитвы разучилась.

Дом и имущества пропали, деньги были прожиты, а долги росли. Дарья Васильевна помогала мне, как могла, и забрала Сашеньку к себе. У него рос племянник, Сашин одноклассник, и воспитателей был полон дом. Осталась я с ненавистным сумасбродом во взятой внаем убогой квартире. У меня духу бывало, к себе и проклинаю свою подлость, хитрость и лукавство. Хотела отошла бы от Бога, так и без богатства не отчаялась бы. Я знала одну бедную женщину, которая была богата кротостью и христианскими привилами, и большую отраду в том находила.

Кто-то сказал мне, что асфodelь у древних за цветок смерти почитался, а в стране смерти, в Аиде, есть мрачные асфodelевые луга, где не сядут легкие бесплотные тени умерших. Я рассказала об этом Михаилу, вот и стал он взывать к этим теням, а по существу, к одной тени, нам известной. А однажды спрашивает меня: "Куда это все асфodelы из сада подевались после Вариной смерти?" Я сказала, что велела их срезать, потому что они наводят на меня тоску. Но он не поверил, и так эта мысль ему в голову запала, что Нанетту стал он допытывать, не помнит ли он, куда цветы исчезли. Ах так, подумала я, покажу тебе асфodelы! И я сообщила ему, что Прасковья Сергеевна умерла, когда я с тетей, Татьяной Матвеевной, была в Сиене, а Варя оставалась при матери. И приключилась с ней от этих цветов необычная болезнь, похожая на смерть, когда полное оцепенение членов наступает, тело холодеет, а дыхания не слышно. От меня это, будто бы скрыли, а узнала я про страшную болезнь только что, получив письмо из Флоренции от свидетельницы Вариной мнимой смерти. И теперь меня мучает тяжкая мысль: не похоронили ли мы Варю живой?

Что с ним стало! Ни о чём другом он более не мог размышлять.

Я давно за ним странности примечала, а тут стала подозревать помешательство в рассудке. В должность он совсем перестал ездить, из кабинета своего почти не выходил, сидел взаперти и разную чепуху про асфodelы молчал, а ежели появлялся, то почти всегда не одет, на голой черной колпаке, а за ним, как тень, страшная псина со свалывшейся шерстью, Султан. Он нашел его на улице и привел домой, потому что этот Султан походил на Вариного любимца, Геркулеса.

Внешность Михаила являла дикий вид, бурная жизнь страстей оставила на лице следы. Ему было всего тридцать, а казался он стариком. Однажды разбил он склянку с одеколоном и облил рубашку, а на нее случайно уронил искру из курительной трубки. Рубашка загорелась, и он сильно обжегся. После этого повреждение его ума усугубилось, и со дня этого уж он больше вообще не ходил.

Временами у Михаила случались просветления, тогда рассуждал здраво и был кроток, как ягненок. Я хотела отвезти его в лечебницу для

впавших в безумие, открытую в мае того года, но Фёдор Афанасьевич возражал. Должно быть, считал, что Михаил недостаточно поврежден в уме. И тогда, в хорошую для Михаила минуту, я сказала, что дела его плохие. В свете говорят, будто Вариного жениха Михаил убил, а не турки, потому что пуля сразила того со стороны своих, в спину. Теперь Михаилу нужно притворяться лишенным действия рассудка, иначе его арестуют и закуют в железа. Уж лучше дома сидеть под замком, чем в крепости. Согласен ли он на то?

Михаил пришел в состояние полного безумства, хотел одеваться, требовал шпагу и трость, чтоб бежать со двора и отстаивать свою честь, но, побушевав, сник, сделался, словно ватный, упал на кровать и заснул. Я позвала плотника, тот снял дверную щеколду изнутри кабинета и перенес ее наружу. Так я стала тюремщицей Михаила.

Муж сидел в своем узилище тихо. Каждый день он получал вино, выпивал его, прелюбезно беседуя с Султаном, и засыпал, но ночами кричал, потому что мучили его ужасные видения, то ли птицы, то ли звери, то ли люди, то ли черти. Кто-то нападал на него, волок в темницу, он метался и не мог оправдаться в невиновности. Он стал очень слаб, а в той руке, что была ранена на войне, окончательно отнялась чувствительность перстов. Доктор сказал, дела его плохи.

С тех пор как Михаил сидел под замком, я стала жить свободнее, выезжать начала, стала любопытствовать модными журналами, а за отсутствием денег взялась за иголку и переделку старых нарядов в новые. Я, Арахна, спокойно выжидала, наблюдая, как муж бьется в сплетенной мною сети, чтобы сплестать его клейкими нитями. Чувяла я приближающееся свое освобождение и оглядывалась по сторонам в поисках того, кто сможет вывести меня из моих временных, как я верила, затруднений. Я считала, что вдовой надолго не останусь. Одно было плохо: иногда мне казалось, что я, как и Михаил, вступаю в безумие.

Мне снились странные сны, подобные яви, и в каждом присутствовали асфодели. Бродила я по сумрачным асфоделевым лугам, меж кружащих, словно надоедные мухи, бесплотных теней, которые тянули ко мне свои бледные липкие руки. Задыхалась я, засыпанная ворохом асфоделей, а когда выбиралась из-под него, бросался на меня, валил и грыз Геркулес с разбитой окровавленной головой. Я просыпалась с криком, в холодном поту, зажигала свечу и долго не могла унять дрожь. Сны эти стали появляться и по два в одну ночь, а утром я вставала, словно побитая батогами. Я начала думать, что кошмары не прекратятся, пока я не съеду с этой злосчастной квартиры, полной привидений, рожденных больным мозгом моего мужа. А съехать я могла, только похоронив его.

Однажды мне приснился дядюшка Иван Матвеевич. Слово живой, вошел он в мою спальню с огромным букетом ненавистных мне асфоделей. Букет был перевязан крепкой веревкой, которую я накануне видела в кухне возле печи. Дядюшка потянул за конец веревки, и она развязалась. Цветы попадали на пол, а веревку Иван Михайлович, подойдя, накиннул мне на шею, притянул за нее мою голову к себе и долго смотрел в глаза леденящим душу взглядом. Я страшно закричала и проснулась от своего крика. Заснула после этого с трудом, а утром разбудил меня вопль Михаила. Он часто горланил, потому я не беспокоилась, но ор, которому надсадным лаем вторил Султан, продолжался, и я послала туда Нанетту, а потом и сама принуждена была идти.

По комнате бегали Нанетта с собакой, Миша сидел, забившись в угол дивана, а сверху летала и билась о стены птаха, не видя открытого окна. Я приказала Нанетте увести Султана, а тогда, взмахнув раза два полотенцем, направила заблудившуюся птицу в окно. Михаил пребывал в страшном волнении, и я велела подать ему водки. Когда позже я зашла проведать его, он спал за столом, откинувшись на спинку кресла, с пером в руке. На листе бумаги я прочла каракули: "Сколько раз имя твое звучало в глубине сердца моего и готово было сорваться с уст... Сегодня ты была здесь и всё видела. Душа твоя прилетела ко мне и звала с собой, но я испугался..."

Стояла я, как громом пораженная. Передо мной был муж мой, брат мой, ненавистный, презираемый, мерзостный, которого я ревновала к бесплотной тени! Осознав это, проскользнула я в кухню, где никого не было, и в углу, возле печки увидела веревку, которую давеча Иван Матвеевич накидывал мне на шею. Я отнесла ее к Мише, положила перед ним, а в конце его письма добавила строчку, но не своим круглым почерком, а как Варя писала, косым, летящим: "Не бойся, жду тебя на лугах асфоделя, где будем мы вечно вместе".

Мишу нашла в петле Нанетта, и пока она голосила и бегала за Фёдором Афанасьевичем, письмо я уничтожила. Было много хлопот с похоронами, но у меня, кроме доктора, знавшего Мишино безумие, нашлось достаточно покровителей, чтоб похоронить мужа в церковной земле и тем не навлекать на нас с дочерью лишнего бесчестья. Помогли мне и с долгами, и с новой квартирой, гораздо лучшей, нежели прежняя, а на могиле Миши поставили скромный памятник с цветком асфоделя в медальоне и надписью латинской, окружавшей его: "Silentium"! Безмолвие!

В то время я считала, будто вся эта бесславная история и кончилась безмолвием. Я не казнилась, что жила, поправ законы христианские, и даже не сетовала уже на глупость свою, которая привела меня к нищете и невзгодам.

Теперь я рассчитывала быть умнее. Только жизнь моя не заладилась. Безумство, одолевшее меня на старой квартире, не только не кончилось, но усугубилось. Я совсем потеряла сон, исхудала, лицо из румяного сделалось серым, и такое безотчетное уныние меня взяло, такая скорбь, что сказала я Нанетте: "Наверное, я скоро отправлюсь к Вале и Михайле Романовичу", а она ответила: "Господь милостив, помолитесь хорошенько, чтоб укрепить дух, а тогда и тело поправится". В безвыходном своем положении попробовала я обратиться к Пречистой Владычице, но без пользы. Чую, не слышит, отвержена я. Хотела в Невский монастырь на колених ползти, так до порога не добраться, слабость великая, ноги не идут.

Примите исповедь изнемогшей духом, достойная матушка Антония. Поведала я Вам о всей своей жизни чистосердечно, ни в чём не пытаюсь себя выгородить. Правильно, выходит, говорят: нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. Не смею просить молиться за меня, поскольку грех мой ужасен, дважды повинна я в братоубийстве, дважды клеймена Каиновой печатью. Мнится мне, тонкая завеса, отделяющая земной мир от небесного, колыхается, и я ощущаю легкое от того дуновение. Смертельно страшно идти туда, но и здесь, на краю безумия, жутко оставаться. Слышу голос Его: "Что сделала ты? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли..."

Прощайте. Елизавета Бельская"

"9 декабря 1781 г. Санкт-Петербург

Пречестнейшая матушка игуменя Антония! Обращалась я к Вам в тяжелейший момент своей жизни. Я ожидала погружения во тьму кромешную, но даже тогда, обуянная злыми силами, повторяла стихи из "Дмитрия Самозванца", запавшие в голову: "Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна! Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!"

Но путь мне иной. Расскажу, как ступила на него.

Мучения мои телесные и душевные были безграничны, я призывала смерть, но она не шла, и добрая Нанетта позвала священника из ближней церкви, простого старого человека. Я ничего ему не сказала, кроме того, что томит меня невыразимая тоска, мучит темная сила и толкает на страшный грех, лишение себя жизни. Старик сказал: "Напомню тебе наидание угодника Божия святого Златоуста. Для людей самое страшное несчастье - смерть. Но печаль тяжелее смерти, так как в печали находящиеся часто желают смерти. И насколько печаль тяжелее других искушений, настолько и большее воздаяние получают переносящие ее с терпением. Вот и ты не унывай, а терпи, вооружась благою надеждою и благим упованием получить милость Божию и за самую печаль". Сказал, чтобы с темной силой боролась молитвой и постом, и приобщить Святых Тайн хотел. Знал бы он про Каинову печать, захотел бы? И я сама отказалась, просила, чтоб уходил.

А сны мои стали еще ужаснее. Дьявола я узрела, великого роста, очень гнусного вида, а на руке его веревка намотана. Тогда я поняла, что не уйти из-под его власти. Я и веревку себе приготовила, под подушку положила, но в последний миг обуял меня страх Божий. Сорвала икону со стены, к груди прижала и заплакала над нею горячими слезами, плакала-плакала и чувствую, веки сами смежаются.

Заснула я и вижу себя в санях, и никого со мною. Кругом тьма, снег метет, ветер гудит. Где дорога, не знаю, куда еду - не ведаю, погоняю лошадь, а она еле ноги переставляет. Не заметила я косогора, сани накренились, а потом сорвались, увлекая за собой лошадь, а я отлетела в сторону и погрузилась в снег. Попробовала встать, ноги опоры не находят, скользят беспомощно и глубже вязнут. Изо всех сил боролась я, пытаюсь выбраться, вопила, заливалась слезами, а потом сделалось тепло и приятно, и я стала задремывать. Я уже слыхала, что так люди замерзают до смерти, и подумала: вот хорошо-то всё получилось, без мук окажусь там, где задумала. И вдруг перед глазами святящаяся точка появилась. Она быстро приближалась, увеличиваясь в объеме, и постепенно приняла вид светлого овала, на котором обозначилось лицо пожилого благообразного человека с седой бородой и такими же волосами, но темными на концах. Этот человек грозно посмотрел на меня и сказал: "Вставай!" Я не хотела вставать, но он твердил свое. С великой неохотой попробовала я подняться, и нежданно ноги нашли твердь. Слышу, совсем рядом собака брешет. Снег перестал валить, луна меж туч появилась, гляжу - огонек, деревня предо мной.

А старца нет как нет.

Открыла глаза - лежу в постели, на груди икона, в руке веревка. Веревку за кровать кинула и кликнула Нанетту, чтоб еды принесла. Она об-

радовалась, дней пять перед тем ничего я не кушала. Принесла она мне что было, я с охотой всё уплела. И снова сморило меня.

И вижу я другой знаменательный сон, будто стою в храме старинной архитектуры, а кроме меня, никого. И вдруг царские врата открылись сами собою, и вышел из них давешний благолепный старец, облаченный в священнические ризы, а в руке держит кипарисовый крест. Подходит ко мне и говорит: "Возьми его и носи. Теперь время тебе его вручить". Взяла я крест и проснулась.

Чувствую бодрость в теле, и от тяжести в голове ничего не осталось, вокруг будто бы слабое благоухание разлито. Позвала Нанетту, чтобы помогла одеться, и пошла со двора. Куда направляюсь, не знаю, а тут церковь. Ведут меня ноги, иду. В церкви сумрачно, безлюдно, стала бродить по ней и вдруг приковал мой взгляд образ - Угодник Божий Николай, тот самый старец, про которого говорят, будто он чудотворец и скоропослушник, тот самый, что в снах мне два раза являлся. И борода у него, и волосы седые, только на концах темные, чего в натуре я никогда не примечала. Стою перед ним и плачу, ведь он вырвал меня, величайшую на свете грешницу, из рук смерти. Тут является священник старенький, что домой ко мне приходил. Упала я пред ним на колени, умоляя принять в свое духовное руководство, исповедовалась и спросила, как дальше жить, коли самая великая в свете грешница. А он говорит: "Уповай на милосердие Божье. Помни о разбойнике, который в один мигновение покаянным воплем заслужил прощение и первым вошел в рай". Просила я доброго пастыря причастить меня. Не помню уж, сколько времени лишала себя сего драгоценного дара. Но он не захотел. Сказал: "Верю, что раскаянье твое искреннее и полное, а печаль - великая. Но не чувствую в тебе глубокой веры и любви, чтоб причастить и чтоб вместе пользы для души не случился ей вред. Буду молиться, а ты молись, и возвращайся через неделю". Пошла я да оглянулась, а он вослед мне смотрит и говорит: "Претерпевший до конца спасен будет".

Стала я думать, как буду жить, искупать вероотступничество и преступления свои, и ничего придумать не могу. Спросила у Нанетты, есть ли у нас образ Николая Чудотворца, она у квартирной хозяйки взяла и принесла. Поставила его пред собой и ужаснулась, что обратиться к нему не смогу, ведь сколько лет у меня был совсем другой собеседник, для которого я Бога забыла. Но слова сами полились, сказала я: "Помоги мне грешной, исходатайствуй прощение моим преступлениям. Обещаю служить с сей минуты Господу моему, Иисусу Христу. Пособи с совершением добрых дел, чтоб было с чем предстать пред престолом Отца Небесного. Возвращаюсь я к жизни для покаяния и услуг нищим и несчастным".

Почему про нищих подумала - не знаю. Должно быть, вспомнила со седку нашу по старой квартире, которая посвятила себя обездоленным и страждущим, носила еду и одежду по тюрьмам, больницам, сиротским домам, а сама ела кашу, щи и солонину. Но я-то не знала, как и себя прокормить! Хорошая из меня питательница бедных!

Горевала я о растраниженном наследстве, пущенном на ветер. И вдруг вообразила, что оказалось у меня много денег и ценностей, увидела свою золотую карету, обитую изнутри голубым рытым бархатом, слуг в ливреях, себя в модных нарядах и жемчугах на соборных, катаных балах, музыку услышала, запах пудры... Во мгновение ока пронеслось

всё это в сознании моем, подобно порыву ветра, и содрогнувшись от ужаса, бросилась я к Чудотворцу, моля, отвести дьявольские козни.

Более не было вражьих нападений. Пять дней молилась исступленно, готовясь пойти к священнику, а на шестой пришло известие, что моя новгородская тетка отдала Богу душу, оставив мне жалкое имение, а также большие деньги и в банке и драгоценности в сундуке, в старую нижнюю юбку замотанные. Тут я и поняла, что Отец Небесный испытывает меня и посылает возможность добрых дел.

Достопочтенная матушка Антония! Дерзаю посвятить себя нищим, убогим, несчастным, буду служить им до гробовой доски. А ныне необходимость души моей - вернуть тот дар, что когда-то определила монастырю Варвара Новосельцева. Примите эти деньги, как если бы она, мученица, Вам принесла их. Доселе не смею просить Вас молить за меня Господа, но очень нуждаюсь в этом.

Призываю на Вас и Вашу обитель мир и благословение Божие, остаюсь с искренним почтением

многогрешная Елизавета".

ЛИЦЕМЕРИЕ КОСМИЧЕСКОЙ СИЛЫ

Прочтя письмо, я сидела в большой задумчивости и не могла понять, как отнестись ко всему этому. Ужас какой-то! Но и что-то странное во всём этом есть. Пошла к деду Толе, обсудить. Он ничего странного в письме не находил. Сказал: "Вот такая исповедь".

Но у нас их две, исповеди: и такая и сякая.

Позвонила Нюне, она тоже прочла.

- Лицемерие космической силы! - говорит.

Отец был согласен с Нюней. Гера только охала и ахала. А мама сказала:

- Не верю ни одному слову. Двуличность и ханжество. Кто поверит в ее перерождение - тот дурак. Вчера - злодейка, сегодня - святая. Всё врет. Быть этого не может.

- Все может быть, - сказал дед Толя. - Такие случаи известны.

- Только не мне, - буркнула мама.

На другой день я отвезла Арсению Павловичу все письма с переводами. А потом он позвонил. Нас всех потрясла исповедь Елизаветы, но по сравнению с Арсением Павловичем это потрясение можно назвать легкой растерянностью. Он был совершенно деморализован и спрашивал только одно: "Что же я скажу Ниночке? Она спрашивает, готов ли перевод..."

- Что же, в самом деле, ей сказать? - спросил дед.

- Надо придумать - что, - ответила я.

Мы с дедом сидели в кухне, где мама тушила капусту и жарила котлеты. Пришла Гера, уселась рядом. И вдруг меня осенило.

- Давайте перепечатаем ей любовные письма из Руссо, из "Новой Элоизы"! Имена исправим и отдадим, пусть читает!

- Гениально! - вскричала Гера. - Супер! Просто супер!

- Но это же ложь! - возмутился дед.

- Это ложь во спасение, то есть благая ложь, - сухо заметила мать.

- Категорически против, - заявил дед, и я бросилась в атаку.

- Есть другой выход? Тогда предложи ей правду. Она прочтет и скончается от стыда и раскаяния, что дала нам бумаги.

Мы пребывали в задумчивости, и, слушая скворчанье на сковородке, даже не заметили, как пришел отец и нарисовался в дверном проеме.

- Нельзя обижать старух! - радостно сообщил он.

- Что это ты такой веселый? - подозрительно спросила мама.

- А как эти письма попали к Александре? - не дала я ответить отцу. - Как будто все договорились разоблачить Бедную Лизу и отослали Александру письма ее матери?

- Возможно, нашлись доброжелатели, - отозвался дед. - Есть и другая вероятность: письма в монастырь не были отправлены.

- Я догадывалась об этом! - воскликнула мама. - И письма не были отправлены, и деньги, завещанные монастырю. В последний момент она снова вспомнила про светские тусовки и забыла про Чудотворца!

- И про престол Божий, - поддакнула Гера.

- И письма фальшивые, и особа насквозь фальшивая, - констатировала мама.

И тут меня снова осенило.

- Вот где разгадка! Письма в монастырь фальшивые не потому, что там брехня, а потому, что сами они - фальшивка! Понимаете? В Италию писала Елизавета, а в монастырь - не она!

- Все письма написаны одной рукой, - возразил дед.

- Бумага старая, чернила выцвели, а ты не специалист по почеркам.

- Я бы заметил.

- Подделка слишком хорошая!

- А кто же подделал? - озадачено спросила Гера.

- Тот, кому выгодно было очернить Елизавету. Или тот, кто хотел переложить на нее свою вину.

- Ты знаешь таких? - любопытно спросила мама.

- Надо подумать. Надо устроить мозговой штурм. Жених Александры например. Был у него повод? Может, жениться не хотел?

- Не хотел бы - не стал бы. К чему придумывать такой изощренный способ. Случалось, и обручались, но не женились, - сказал дед.

- Отец жениха! Хотел, чтоб сын женился на другой, богатой!

- Тогда зачем порочить мать невесты? Проще опорочить невесту.

- Дарья Васильевна. Нанетта. Письма им могли пригодиться для шантажа.

- Отпадает. Тем более Нанетта вряд ли владела французским...

- Пап, что ты молчишь? У тебя есть версии?

- Сейчас он активизирует правое полушарие, освободит интуитивные силы и выдаст хорошую версию, - иронично заметила мама, выключая газ. - Можешь предложить на своих курсах активизироваться всем разом, чтоб узнать, кто написал письмо. Всяко полезнее, чем кучи денег воображать. Что ты улыбаешься? - спросила мама и уставилась на отца.

- На курсы я больше не пойду. На работу устроился, - ответил он.

Наступила мертвая тишина, даже шипенье на сковородке внезапно затихло, и последовала последняя сцена из "Ревизора". Зато потом все одновременно заголосили, стали задавать вопросы, засмеялись, а кое-кто всплакнул. Ну, не я, разумеется, а сами знаете кто. Потом мама побежала накрывать на стол, а мы стали ей помогать.

- Дядь Володь, я как же теперь курсы? - спросила Гера, когда уселись за стол. - Вы же деньги заплатили...

- Осталось всего ничего, несколько занятий, - ответил отец.

- А нельзя вернуть плату за эти занятия? - поинтересовалась мама.
- А мне нельзя за вас походить? - спросила Гера.
- Разумеется, нет, у них там секретность. Массонская ложа. Чужих не пускают, - сказала я.

Настоящий мозговой штурм так и не состоялся. Мы всё время возвращались к старинным письмам, но тут же переключались на отцовские дела. И когда я возмущенно спросила, неужели никто не может сказать ничего умного, мама ответила:

- Всё уже сказано: космической силы лицемерие.
- Ничего не прояснится, если только Бигарти не найдут новых писем. Но если они их найдут, нам точно не дадут, - констатировала я.

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ АСФОДЕЛЬ

С Арсением Павловичем мы не общались. Я чувствовала, что это нехорошо: когда нам было нужно, мы все ему звонили, а когда не нужно - не звоним. Облапошили доверчивую бабу Нину, обманом выманили письма. И я сыграла тут не последнюю роль, втерлась в доверие путем покупки трехсот граммов филипповского печенья, половину которого сожрала мы с Герой. Я бы, честное слово, позвонила ему, если бы отважилась. Но мне и сказать было нечего.

Дома никто уже не хотел искать разгадку писем. Согласились с дедом Толей: Елизавета писала во Флоренцию ложь, чтобы представить себя хорошей и свалить преступление на мужа, а потом раскаялась и написала в монастырь правду. Мама сказала: "Ничего умнее не придумаешь". А вот это вопрос спорный. Надо продолжать думать, тогда, может быть, что-нибудь и придумается. Я подметила интересную штуку: если выдвигать много разных версий, даже очень глупых, можно зацепиться за какую-то, и получается интересная умная мысль. Так что мы с Герой продолжали сочинять глупые версии.

- Мы можем не знать того человека, который изготoвил фальшивое письмо в монастырь, - сказала мне Гера по дороге в школу. - Мы знаем только тех, о ком написано. А про себя он мог вообще ничего не написать.

- Но это наверняка кто-то близкий. Он хорошо представлял почерк Лины и умел его подделывать.

- Я знаю такого человека - это Александра. Она хорошо знала почерк матери и не хотела выходить замуж за Алексея.

- И потому опорочила себя и свою семью? К тому же ей было шесть лет, когда писалось письмо.

- Больше подозревать некого.

- Почему же? - спросила я. - А Михаил?

- Так он умер, - озадаченно сказала Гера.

- А почему ты уверена, что он умер?

- Уверена, и всё. И был похоронен на Смоленском кладбище. И памятник там был. На нём по-латински: "Молчание"!

- А вдруг не было ни памятника, ни самой могилы? Написать можно, что угодно.

- Тогда уж скорее Варвара... Может, она не умерла? Но Варвару мы видели. Она на месте.

С обсуждением ничего не получалось, мы болтали всякую ерунду и ссорились, кто скажет глупость позабористее. Полный тупик.

У школьного крыльца нас подждал Паштет, он сказал: "Привет", - и протянул мне букетик мать-и-мачехи.

- И что мне с ним делать? - поинтересовалась я.

- Твоя тетка, Варя Новосельцева, не задала бы такого вопроса, - обиделся Паштет.

- Это уж точно, - поддержала его Гера и сообщила: - Варька утверждает, что главный злодей Михаил. Он не умер, а похороны его - инсценировка. Похоронили кого-то другого.

Честно говоря, мне уже надоело сочинять абсурдные версии, но Паштет невозмутимо изрек:

- И она права. Вчера видел могилу Михаила. Только похоронен в ней Григорьев.

Мы ничего не поняли и вылупили глаза.

- Какой Григорьев?

- Иван Данилович. 1887-го года рождения. Скончался в 1946-м. Так на писано.

- А с чего ты взял, что это могила Михаила?

- А потому, что на плите асфодель. Каменный асфодель.

- Не может быть, - не поверила я. - Ты хоть представляешь, как он выглядит?

- За кого ты меня принимаешь, - оскорбился Паштет. - Всё, как на фотографии. Очень похоже, только вверх ногами.

- А может, это перевернутый факел? - спросила я, но он скроил такую рожу, что вопрос сам по себе отпал. - И где же эта могила?

- Где и положено. На Смоленском кладбище. Я был там вчера с родителями.

Решили съездить и посмотреть на этот перевернутый асфодель. Как назло, шестой урок по истории города затянулся из-за домашнего задания, реферата. Каждый в классе получил какой-нибудь петербургский памятник и должен был написать про того, кто на памятнике, про скульптора и т.д. Уже звонок прозвенел, а мы всё памятники не могли поделить.

Памятник Екатерине Великой никто не соглашался брать, потому что кроме самой императрицы, на пьедестале сидела целая компания фельдмаршалы и прочие разные. Сильно жирно, чтобы одному человеку писать и про скульптора и про всех этих деятелей. Договорились разобрать памятник по частям.

Я выбрала Румянцева-Задунайского, который воевал с турками и командовал при Кагуле, где убили жениха Варвары Новосельцевой. Зачем выбрала - сама не знаю, наверное, из сентиментальных соображений Гера попросила Суворова. Паштет захотел Ломоносова. И, в общем, все мы попали впросак. Оказывается, к Румянцеву-Задунайскому прилагался еще обелиск, стоящий в сквере Академии художеств, "Румянцева победам" он называется. Гере в приложение достался памятник Суворова в виде бога войны у Марсова поля, а Паштету - памятник Ломоносова возле университета.

- Мы так не договаривались, - возмутился Паштет, но было поздно, все хорошие памятники уже разобрали.

Кое-кто тоже остался недоволен сделанным выбором. Нависли над учительским столом, пытались переиграть, канючили, в конце концов мы плюнули на это и поехали на кладбище.

В арке ворот на Смоленском вделана памятная доска. Она сообщает

что здесь была похоронена няня Пушкина, Арина Родионовна. Могила ее не сохранилась. Нюня, между прочим, говорила, что могил восемнадцатого века осталось мало. Надгробные памятники девятнадцатого века - это пожалуйста. А с восемнадцатым - напряженка. Целые кладбища уничтожены, многие еще до революции. В Александро-Невской лавре есть "Некрополь XVIII века", это музей. Так он и на кладбище не похож. Перегнали старинные памятники из разных мест, наставили рядышком, а по узеньким тропкам меж каменных гробов и плит, где и кустуку негде произрасти, гуськом ходят экскурсанты.

Смоленское кладбище выглядело старинным. Оно заросло могучими деревьями, а ветви их были усеяны уймищей светящихся на солнце зеленых точек. Каждая лопнувшая почка - точка. Миновав белую церковь с голубым куполом, мы пошли по главной дороге, потом по перпендикулярной и всё время спрашивали Паштета: "Скоро?" Он отвечал: "Скоро". Наконец остановились перед цементной раковинкой и скромным крестиком. Это оказалась могила Паштетовой бабушки. Я чуть не задала бестактный вопрос, но вовремя опомнилась. Гера тоже разинула было рот, закрыла его, но тут же снова открыла. Она человек прямой.

- Куда ты нас привел? - строго спросила она.

- Я отсюда шел, когда обнаружил тот асфодель. С другого места мне его не найти.

Теперь мы брели меж склепами и крестами по какой-то совсем узенькой петлястой тропке, потом по прямой, еще по одной - и внезапно оказались на центральной дороге.

- Не получилось, - смущенно сказал Паштет. - Был где-то здесь. Уверен, что был.

- И сплыл? - спросила Гера. - Смотри, Пашка!

- И так смотрю, - огрызнулся он. - Давайте плясать от печки.

Вернулись и начали "плясать от печки", то есть от бабушкиного крестика. Опять нырнули на тропку-кривулину, вышли на незнакомую аллею, а с той - еще на одну. А потом снова очутились на большой дороге, но не на той, что к церкви ведет, а какой-то параллельной.

- Долго будешь голову морочить? - с грозным видом поинтересовалась Гера.

- Есть вторая печка, - оглядываясь, сказал Паштет и объяснил: - Пока родители поминали бабушку, я ходил смотреть часовню Ксении Блаженной. По дороге и увидел этот асфодель. И шел я каким-то хитрым путем, извилистым. И нечего меня торопить. Надо от часовни попробовать.

Часовня нашлась быстро, она совсем близко от церкви стояла. Вокруг было много народу, а в саму часовню живой змейкой двигалась очередь. Отсюда Паштет попытался снова дойти до могилы бабушки, а по пути мы с Герой оглядывали памятники, отыскивая старые.

- 1895. 1887. Кто больше? По давности, разумеется, больше!

- 1886!

- 1764! Восемнадцатый век! - восторженно заорала Гера и тут же осеклась: - Это год рождения... А сама могила - девятнадцатого.

- Не твой ли это асфодель? - Я показала Паштету на памятник с гравированной лавровой веткой, но он не удостоил меня ответом.

По краям дорожек вылезла остренькая глянцевая травка, а на старых камнях памятников ярко-зелеными подушечками рос мох. "Ладно, хоть на природу посмотрели", - проворчала Гера.

Мы снова пустились в путь "от печки", еле поспевая за Паштетом. Гера успокоилась и примолкла, зато я стала брюзжать. И тут раздался торжествующий Паштетов вопль.

Перед нами стояла метровая тумба. В квадратном углублении, похожем на корытце, было написано, что лежит здесь Григорьев. Под надписью мы увидели выпуклый медальон с рельефом асфоделя. И он действительно был перевернут, то есть верхушка его смотрела в землю.

- Я говорил?! - не мог успокоиться Паштет, а Гера изрекла:

- Ты была права, с этим Михаилом дело нечисто.

- А почему Григорьев не мог тоже любить этот цветок? - предположил Паштет.

- Ты знаешь хоть одного человека, который любил бы асфодель? Кроме этих допотопных женщин... Ты раньше хоть слышал про эти асфодели, видел их? Вуаля!

- А почему Григорьев не мог быть связан с Бигарти? Родственными узами. Или другими...

- Родственные пути неисповедимы, - подтвердила Гера. - Вообще-то мы все на земном шаре родственники. От одной обезьяны. Между прочим, по телевизору говорили, что в Африке нашли кости - недостающее звено между обезьяной и человеком, так что с теорией Дарвина еще не покончено.

- Я никогда не верил, что мы произошли от инопланетян, - сказал Паштет.

- Почему обязательно от инопланетян или от обезьяны? - возмутилась я. - Человек произошел от человека. Поначалу он иначе выглядел, а в процессе эволюции приобрел сегодняшний вид. Всё просто, зачем сочинять что-то несусветное.

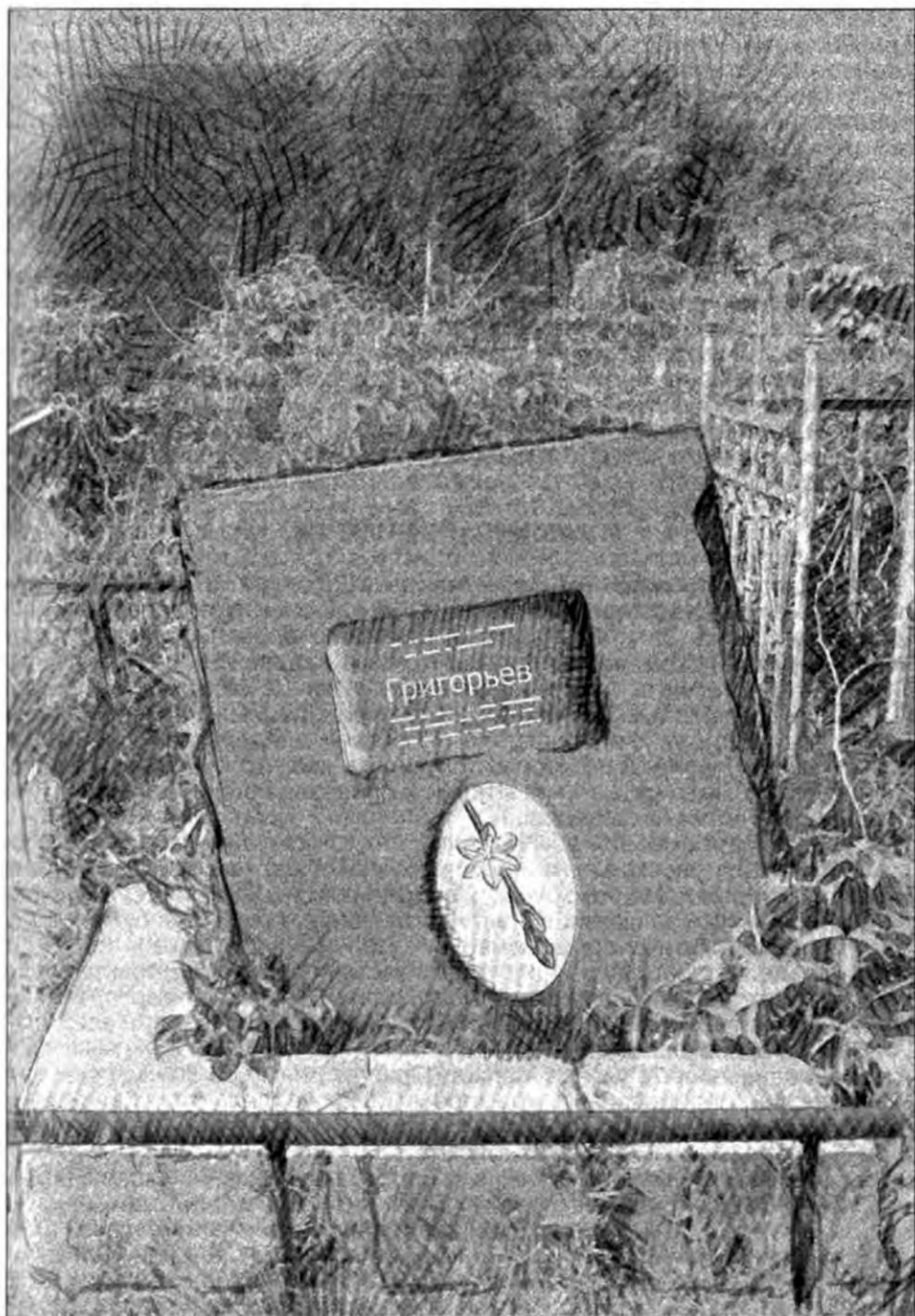
- А зачем ты сочиняешь? - спросил Паштет. - По-твоему, вместо Михаила, который умер в восемнадцатом веке, похоронили Григорьеву, который умер в двадцатом, а Михаил написал письма матушке Антонии. Так?

- Человеку вообще свойственно сочинять, - заметила Гера. - А может, это и не асфодель. Просто цветок. Перевернутый факел символизирует угасшую жизнь, а здесь - символ оборванной жизни. Кстати, а где латинская надпись?

"Просто цветок" и обсуждать не хотелось, с ним уже давно разобрались. А вот латинской надписи и в самом деле не было.

Мы возвращались нога за ногу, хотели зайти в церковь, но там шла уборка. Уселись на скамеечку возле крыльца рядом со странной старушкой с палочкой и в шляпке с небольшими полями, похожей на котелок. Ей не хватало только прямоугольных усиков под носом и прикида, чтоб походить на Чарли Чаплина. Старушка заинтересовалась нашим разговором, и мы ей рассказали про загадочную могилу с перевернутым асфоделем.

- Памятник использовали дважды, - сказала старушка, выслушав нас. - После революции здесь много всего снесли и порушили. И потом тоже. У сторожа можно было за бутылку купить какой-нибудь бесхозный мраморный или гранитный памятник. Его подновляли, надпись убирали, а новую высекали. Видали, наверное, старые памятники в виде часоушки? Их теперь можно встретить без куполов и крестов, а на иных пятиконечные звезды приделаны.

Как же мы сами не допетрили, что на могиле Григорьева старый переделанный памятник? Имя Михаила убрали, на этом месте получилось корытце, в котором высекли новую надпись. А перевернули каменную тумбу потому, что урна, венчавшая ее, разбилась или не понравилась родственникам. Вот медальон с цветком и оказался внизу. Вообще-то опрокинутый цветок смотрится даже лучше. А надпись латинскую срубили, ни к чему она. Тем более вверх ногами.

- Григорьев понятия не имел ни про какого Михаила Бельского, а лежит под его могильным камнем, - сказал Паштет, когда мы шли домой. - Странные вещи происходят.

- Я бы сказала, виртуальные... - изрекла Гера. - Про этого Михаила вообще никто бы не вспомнил, если бы не мы. И про Григорьева уже забыли, вы же видели, могила не посещается. Такая уж наша судьба - вспоминать людей, которых все забыли.

- В ближайшее время я намерена вспоминать про Румянцева-Задунайского, - сказала я.

А Паштет вспомнил старушку, которая решила нашу загадку с памятником, ее палочку и котелок и изобразил нам походку Чарли Чаплина. Это его коронный номер.

ИТАЛЬЯНСКИЕ БИГАРТИ

Как-то так получилось, что про Румянцева-Задунайского я не вспомнила, как Гера про Суворова, а Паштет про Ломоносова. Во-первых, пришла настоящая весна. За три теплых дня газоны зазеленели шелковой травой, а деревья покрылись салатным, желтым и палевым нежным пухом. Поздно стало темнеть, чувствовалось приближение белых ночей. Гера с Паштетом встречали меня после художественной школы, и мы гуляли по Каменному острову, философствуя о любви и злодействе, а в общем, всякую чепуху несли. А во-вторых, случилось кое-что очень волнующее: Нюнины знакомые приехали из Италии и привезли еще одно письмо, написанное женихом Александром.

Дед удалился к себе, чтобы прочесть его, а Нюня вынула стопку фотографий и стала рассказывать про своих знакомых, нашедших в Италии Бигарти, которые помнили о русской прародительнице. У римских Бигарти не осталось никаких, имеющих для нас значение, старинных бумаг, портретов и вещей. Другая семья, жившая в маленьком городке к северу от Рима, владела дворцом, у них это называется палаццо. В этом палаццо шестнадцатого века и жила наша Александра Бельская-Бигарти. Воспоминаний о ней не сохранилось. Знали, что была из России, вот и всё.

Мы разглядывали виды старинного городка: маленькие уютные площади, средневековые улочки, палаццо, расписанные по фасаду фресками, и церкви, облицованные мрамором. Таким увидела этот город наша Александра, когда приехала сюда с мужем, чтобы всю жизнь прожить здесь, оставить потомков и быть забытой.

Бигарти обитали в новом, нижнем городе, в современной квартире. Их палаццо в старом, верхнем городе обветшал и был непригоден для жилья, глава семьи, инженер Луиджи, вел переговоры о его продаже. Этот палаццо, построенный на срезе холма, со стороны площади был двухэтажным, а с другой стороны имел лишний этаж, располагавшийся ниже уровня площади. Окна этого фасада смотрели на склоны холма и долину.

Знакомые Нюни были в этом палаццо поздно вечером, а поскольку электричества там не было, осматривали парадные покои со свечами. Фотографии получились темными, словно в дымке, но весьма романтичными. Фигурный, расписанный какими-то героями и богинями потолок с поблескивающей в свете фотовспышки роскошной венецианской люстрой. Скульптура, картины... Среди картин портрета Александры не оказалось. Они ходили в какие-то кладовки, где была старая рухлядь, но и там ничего не нашли, кроме русской иконы Николая Чудотворца.

Был на фотографии и старинный резной шкаф с распахнутыми створками, а перед ним на старинном же столе ворох бумаг. В этих бумагах должны были обнаружиться документы, касающиеся русских предков. Луиджи загрузил архив в машину, увез домой и неделю разбирал. Нашел он всего одно письмо из Петербурга в Рим, Александре Бельской от жениха. Луиджи считал, что тот портрет дамы с асфоделем, якобы кисти Брюллова, тот самый, в котором мы признали Александру, вероятно, принадлежал какому-то старику Джузеппе Бигарти и был продан его наследником, племянником. Может, и переписка с Россией была у него, если вообще сохранилась. А еще Луиджи очень заинтересовался своими русскими корнями, нашими Бигарти и их письмами. Знал бы про преступное прошлое своих предков, не стал бы интересоваться!

Наконец появился дед Толя с ксерокопией письма. Вид у него был таинственный. И тут мы все, вместе с Нюней, поставили ему ультиматум: пусть переводит с листа, ждать мы не можем. И он перевел.

- Надо срочно звонить Арсению Павловичу, - сказала Нюня. - Надо сообщить про письмо и про итальянских родственников!

- Правильно, - согласился дед, - а я позвоню своей Марье Николаевне.

АЛЕКСЕЙ ПИШЕТ АЛЕКСАНДРЕ В РИМ

"12 декабря 1794 г. Петербург

Бесценный друг мой, Сашенька!

Как жалею, что не могу тебя обнять, рассказать о наиважнейшем для нас и увидеть слезы радости на лице твоём. Я выполнил обещанное, и в сердце твоём, надеюсь, воцарится покой на все наши времена. Ты можешь жить спокойно, почитать своих родителей, любить их и немного (немного!) погрустить и покаяться, что усомнилась в их благопорядочности. А еще я надеюсь, что ты снова захочешь назвать меня своим женихом, что не разлюбила меня и не забыла.

Я послал тебе два письма, но ответа не получил, что беспокоит меня чрезвычайно. Первый раз написал, когда прочел твое письмо и оставленные тобою письма Елизаветы Дмитриевны. Я корил тебя в недоверии ко мне. Как могла ты усомниться, будто я откажусь от тебя, и как могла ты отказать от меня? Ты горда и благородна, за эти качества я ценю и люблю тебя еще более. И ты несчастна. У кого же, как не у меня, ты должна была искать защиты от невзгод, к кому бежать? Но ты бежала не ко мне, а от меня. Вот о чём я писал тебе сразу же, сгоряча, оплакивая твое решение. Сознание мое отказывалось его принять.

Второе письмо я отправил, когда поборол смятение и собрал свои мысли. Письма твоей матери потрясли меня, но в то же время оставили странное впечатление. Я не поверил им.

Конечно, голубушка моя, ты слабо помнишь отца, и с матерью тебе пришлось жить недолго, но как не усомнилась ты в невероятных событиях, о которых читала? Я вспоминаю твои рассказы о милых играх с тобой отца твоего. Как хотел отец порадовать тебя всем, чем мог, хоть самую малостью, как приносил тебе литые сахарные фигурки птиц и зверей — утку, попугая, лебедя и сахарный Кремль, как ты играла ими и облизывала, пока они не становились бесформенными и грязными! Как качал он тебя на качелях, катал в экипаже и на шлюпке!

Матушку твою я хорошо помню, как женщину самую добросердечную, любезную и скромную, не могущую обидеть и воробья. За тихий, приятный нрав так любила ее незабвенная наша воспитательница, Дарья Васильевна. Елизавете Дмитриевне тяжело далась разлука с тобой, но она пожертвовала счастьем находиться рядом ради твоего образования и благополучия.

Чем дольше я думал об этих письмах, тем в большее недоумение впадал. И тогда решил я провести дознание и доставить тебе непреложные подтверждения невиновности ни батюшки твоего ни в каких преступлениях, ни матушки. Об этом писал я тебе во втором письме. Я полагал, что сумею справиться со своей задачей скоро, но служба и те обстоятельства, что свидетели мои находились в разных, иногда отдаленных областях, затянули дело. Прошло гораздо больше времени, чем я рассчитывал.

Итак, перейду к доказательствам, полученным в расследовании моем. К счастью, я нашел в живых доктора Новосельцевых и Бельских, Фёдора Афанасьевича, глубокого старика. Он живет на покое у сына своего, в Москве, и сохранил твердую память. Прасковья Сергеевна страдала изнурительной чахоточной болезнью, и доктор рекомендовал ей сменить наш нездоровый болотный климат на теплый и сухой, но она не спешила исполнить его предписание и уехала, когда было уже поздно, почитай, умирать. Доктор утверждает, что у дочери ее, Варвары, лет в семнадцать открылась та же самая болезнь, был кашель, горлом шла кровь, и состояние ее вызывало сильную тревогу. Он постоянно посещал ее в Петербурге и ездил в Белую Горку. Но случилось, как сам он сказал, чудо. Варвара Александровна влюбилась, обручилась, и болезнь, словно бы отступила. Фёдор Афанасьевич и другие медики, коих созывал он на консилиум, были поражены такой переменой. Варвара Александровна окрепла и поздоровела, однако летом 1770 года, когда жених ее погиб на войне с турками, болезнь вернулась, и через год она умерла. Доктор утверждает, что в причине смерти сомнений быть не может, а исход болезни Варвары Александровны был предопределен. Про спячку, приключившуюся с нею в детском возрасте во Флоренции, он не знает, и считает это чудью. Также он утверждает, что Прасковья Сергеевна уехала в Италию с одною теткой, а дети оставались в Петербурге. Это подтвердили впоследствии и соседи по Белой Горке, и люди, близкие к Новосельцевым.

К рассказам доктора я еще буду возвращаться, а пока опишу, что узнал про смерть Варвары Александровны от бывшей ее горничной Анюты — Анны Ефимовны Саловой. Разыскать ее было непросто. Эта немолодая набожная женщина замужем не была, живет во Пскове, в семье священника, ведет хозяйство и всеми уважаема. Она, как и многие из слуг, получила от Варвары Александровны вольную незадолго до ее смерти, но не покинула страдальцу до последнего часа. Она помнит страшную грозо-

вую ночь с 20 на 21 июля, которую вместе с твоей матушкой провела у постели умирающей. Она говорит, что последнее время ее госпожа, о которой она сохраняет благоговейную память, уже не поднималась с постели, тихо и печально угасая. И всё это время в ногах ее лежала любимая постельная собачка Дулька. Никакого пса Геркулеса Анна Ефимовна не помнит, как и цветов в комнате преставившейся. Асфодели клали на могилу, потому что барышня их любила, их было много в саду, и в то время они цвели.

Сказала мне также Анна Ефимовна, что Варенька и Лизанька были лучше сестер друг для друга и невозможно забыть нежное попечение твоей матушки о Вареньке и дядюшке и неподдельное горе по смерти любимых ею существ. И могильной глыбы над останками Варвары Александровны не было (что подтверждают и соседи, и крестьяне), а ровнехонько через год возвели усыпальницу.

Пожалуй, на этом со смертью Варвары Александровны можно бы и закончить. Но я упомяну про асфодели, потому что посвятил этому цветку много времени. Я не уверен, что мать и дочь Новосельцевы знали о мрачном символе, в который древние превратили асфодель. Эти прекрасные белые цветы, действительно, покрывают луга, но не в мрачном Лиде, а на юге Франции и в Италии. Видимо, там этот цветок и полюбился Прасковье Алексеевне, а может, случайно попался под руку живописцу, рисовавшему ее портрет. В поисках этого цветка я начал интересоваться выдающимися нашими садами и оранжереями и открыл таковых много, а также узнал, какие из них славны ананасовыми пальмами, померанцевыми деревьями, виноградом и даже арбузами, а какие розами, лилиями, гиацинтами и прочими сортами цветов. Нигде в окрестностях Петербурга не растут так хорошо деревья, травы и цветы, как в Ропше, землю которой очень хвалят и зовут "болотным туфом". Сюда я также ездил в поисках загадочного цветка. Ни в оранжереях, ни в садах Петербурга и окрестностей, включая те, что принадлежат двору, не встретил я асфоделей. Никто и не слышал о них, кроме господина Малышева, ботаника, путешественника и главного моего консультанта, который знает эти цветы по южным странам. Каково же было мое изумление, когда Мартыновы, живущие в соседнем с Белой Горкой поместье, показали мне асфодель у себя на клумбе и сообщили, что получили семена этих цветов от Варвары Новосельцевой. В самой Белой Горке асфодели вывелись, так как садовое хозяйство там в небрежении, а растение это требует ухода. Один цветок я засушил, но посылаю тебе только его верхушку, потому что целиком он не поместится ни в каком пакете.

О смерти жениха Варвары я узнал, поговорив с товарищами твоего отца, с которыми он бился при Кагуле. Эти офицеры, многие из которых ныне в больших чинах находятся, сообщили, что Андрей погиб от вражьей пули, но сразила она его прямо в сердце, и случилось это на глазах у многих. Батюшка твой ранен был в том же бою.

Вот теперь нужно остановиться на бедственном обстоятельстве, тягостном для тебя. Обойти его невозможно, но ты о нем слышала, будучи еще ребенком, так что скрепи сердце и испей эту чашу, ангел мой.

Все, с кем батюшка твой окончил кадетский корпус и служил отзывались о нём как о хорошем товарище и человеке отважном. Один из них сказал лучше всех: "Горячая голова и горячее сердце". От природы был он человек добрый, вспыльчивый, но отходчивый и обид не помнящий;

балагур и остро слов, любил веселье, шутки, шарады, а также умел подделываться голосом и манерой под любого человека и разыгрывать потешные сценки. Эти курьезы снискали ему много похвал, присутствием своим он оживлял любое общество, от них же случались и напасти в годы учебы и службы.

От многих слышал я, что твоих родителей еще в детстве дразнили женом и невестой, и брак их был предрешен. Рана отца, полученная на войне и поначалу казавшаяся не очень серьезной, осложнилась впоследствии, отчего и пришлось ему оставить военную службу, но шесть лет после того, пока болезнь не приковала его к дому, служил он в Берг-коллегии. То, что Михаил Романович был подвержен азарту и не мог остановиться в карточной игре, правда.

Платон Григорьевич Леонтьев, хорошо знавший твоих родителей и часто бывавший у них, называет натуру твоего батюшки пылкой и честной, но легкомысленной. Злополучие его заключалось в том, что не имел он твердости характера, увлекался дружбою с неподходящими товарищами, которые и увлекли его в великие неприятности, а страсть и привычка к картам и вину довела до пагубы. Впал он в безумие и чинил немало сумасбродных дел. Фёдор Афанасьевич подтверждает, что давал совет твоей матушке поместить отца в специальную лечебницу, но она воспрепятствовала этому.

Елизавету Дмитриевну Леонтьев вспоминает как добрую жену и истинно добродетельную женщину, которой несвойственны были ни хитрость, ни лукавство, ни тщеславие, от природы склонную и привычную исполнять свои обязанности. Она не роптала на судьбу и была истинной нянькой при батюшке. Большой поддержкой ей был Антипыч, дядька Михаила Романовича, из-за смерти которого она очень печалилась. Я не набрался смелости узнать, любил ли Леонтьев твою матушку и просил ли ее руки. Но ведь это и не входило в задачу моего розыска.

Болезнь Михаила Романовича заключалась в раздражительности, чрезмерной мнительности и угнетенном мрачном состоянии духа. Всё представляло пред ним в черном виде. Иногда он слышал голоса, с которыми разговаривал, иногда пред ним представляли кошмарные видения. Ипохондрия его усугублялась, а горестные обстоятельства его кончины доктор подтверждает, как и то, что помог Елизавете Дмитриевне сокрыть сей факт, чтобы был он похоронен по-христиански, как положено.

С наследством тоже заковыка. Духовные Ивана Матвеевича и Варвары Александровны, оказывается, были в полном порядке, оба оставили движимое и недвижимое свое имущество твоим родителям поровну. Имения их не были так велики, как можно понять из прочитанных нами писем. Следов вологодского я вообще не обнаружил, а Иван Матвеевич владел одним небольшим московским имением. Истинная правда, что Белая Горка, московское имение и отцовское, новгородское, были проданы, как и новосельцевский дом. Но тогда же был куплен в Васильевской же части дом поменьше, с садом, тот самый, что был получен тобой в наследство, несчастливый дом, где умерли твой батюшка, потом матушка и где ты, на беду свою и мою, нашла письма. Тверское имение, совсем скудное, завещанное Елизавете Дмитриевне теткой, она продала по совету Дарьи Васильевны. А денег от тетки она не получила, потому что их не было. Возьми также на заметку и то, что матушка твоя со своей теткой никогда не встречалась. Тетка ее видела во младенчестве, когда малютку

забирали в Петербург, ну, а матушка и запомнить ее тогда не могла. Об этом рассказала мне Анна Семеновна Гроденаплева, та самая Нанетта, что была у твоей матушки горничной.

Эта встреча более всех поразила меня. Отыскал я Анну Семеновну, вдову богатого купца, в Твери, где она проживает, окруженная десятью воспитанницами и воспитанниками. Анна Семеновна встретила меня с бесприммерным гостеприимством и лаской, не знала, где посадить и чем накормить. О матушке твоей она не может говорить без слез и пересказать все ее похвальные слова нет возможности, зато сказать о том, что я увидел, необходимо.

Дом Анны Сергеевны с большим садом и огородом называют здесь Белой Горкой. Мне была показана садовая беседка "Храм дружбы" и дерновая скамья, где теплыми летними днями Анна Семеновна отдыхает, слушая, как читает ей старые Месяцесловы кто-нибудь из детей. Как и матушка твоя, постаревшая Нанетта большая охотница до цветов, певчих птиц и всяких безделиц. Мне были показаны серебряный наперсток, чашечка из стекла аметистового цвета, серебряный медальон с изображением ангела и вложенным внутрь локоном твоей матери и ею вышитый бисером кошелек. Все это было подарено твоей матерью и хранится, как святыня. В гостиной, на почетном месте, висит в богатой раме большой поясной портрет Елизаветы Дмитриевны - довольно искусное изображение красками, сделанное с литографии, также мне показанной. На картине есть одно дополнение, которого нет в литографии, - цветок асфоделя в руках Елизаветы Дмитриевны. Анна Семеновна выращивает эти цветы в своем цветнике и называет их "асфодельками". Поскольку навещал я вдову осенью, продемонстрировать цветы она не могла, зато вручила мне трехгранные их семена, которые я и храню для тебя, душа моя.

Когда я отведал суп, молочного поросенка со сметаной и солеными огурцами, фаршированные яйца, пирог с яблоками и другие кушанья, предо мной предстали три ангелочка - две девочки и мальчик, лет по восьми. Имена их были - Варя, Лиза и Миша.

Анна Семеновна опекает в Твери сиротский дом и славна там своей благотворительностью. Она очень достойная и рассудительная женщина, любящая, но строгая, наставница своих воспитанников. Она хочет дать им приличное образование, а потому в доме живут учителя. Я не мог отказать ей в просьбе проэкзаменовать маленьких учеников и сделал это со всей ответственностью и снисходительностью.

Многое порассказала Анна Семеновна о былом, и так мы с ней засиделись, что чуть рассвета не дождались. Она получила от твоей матери вольную сразу после смерти Варвары Александровны, но жила с Елизаветой Дмитриевной почти до смерти ее, пока замуж не вышла. И отца твоего она помнит еще молодым, бравым и веселым, а потом тяжело больным. Она сказала, что научилась у твоей матушки терпению, кое так необходимо в браке, и навсегда запомнила сказанные ею однажды слова: "Немудрено любить доброго мужа, но умеи любить и уважать такого, как у меня. Нельзя пользоваться одним сладким, надо вкусить и горького". А еще сказала Анна Семеновна, что матушка твоя сильно страдала от потери сестры и дяди, вот тогда и сделалась у нее привычка к уединению. Сидит, бывало, на дерновой скамье, книжку в руках держит, а сама смотрит вдаль и невесть что видит, невесть о чём думает. Или до третьих пелухов за столом что-то пишет и пишет.

И последнее, очень важное подтверждение несуществующих злодеяний, - ответы на мои письма из Флоренции от княгини Марьи Николаевны и от игуменьи Ново-Спасского монастыря Антонии. Писал я им осторожно, не объясняя истинной причины моего любопытства, как не обнаружил ее и в разговорах со всеми людьми, с которыми встречался. Марья Николаевна сообщила, что изредка переписывалась с Варварой Новосельцевой, а о смерти ее узнала из краткого письма твоей матушки, единственного, полученного от нее. Игуменья Антония росла и воспитывалась вместе с Прасковьей Сергеевной и помнит Варвару и твою матушку девочками. Потом она их не видела. Варвара никогда не собиралась уйти в монастырь. О смерти ее сообщила ей Елизавета Дмитриевна.

Вот, сердечный друг мой, отчет о расследовании, обещанном тебе произведенном. Письма Елизаветы Дмитриевны, столь потрясшие тебя были плодом своенравной фантазии твоей матушки. Она была писательницей! Не слишком счастливая, сидела она тихонько в домашнем "уголке", а на самом деле, улетала на крылах воображения далеко от своих невзгод. Может статься, описывая тоску и ужас, которые много превосходили ее собственные, она укреплялась духом, а может, считала, что события необыкновенные, несчастья и страдания превеликие одни лишь интересны и достойны описания? Это мнение родилось у меня после беседы с Марьей Васильевной Сушковой, знаменитой нашей литераторкой сестрой Храповицкого, секретаря государыни Екатерины Алексеевны и автора известного "Дневника". К тому времени, как она встретила твоей матушкой, она уже не раз печатала в журналах переводы разных романов, наибольшую известность из которых приобрели Мормонтеlevы "Инки или разрушение перуанской империи", которыми мы с тобой когда то зачитывались. Елизавета Дмитриевна произвела на Сушкову впечатление очень скромной и просвещенной женщины. Она сказала Марье Васильевне, что переводит романы с французского языка, но хромает в правилах отечественного и видит несовершенство своей работы. О поведеньях в письмах на французском языке она, по-видимому, сказать постеснялась, но собиралась принести на суд Сушковой переводы. Более они не встретились.

Я не взял на себя обязательство показать повести Елизаветы Дмитриевны ей или кому-либо другому. Если твоя матушка не решилась обнародовать свои труды - не мне за нее решать. А возможно, она опасалась, что разные мелочи в ее писаниях могут указать и бросить страшную тень на ее семью, даже если изменить имена героев?

Утешил ли я тебя, милая и кроткая душа? Хочу узнать о том лично и прижать тебя к сердцу своему. В настоящее время я жду отставку, послезавтра собираюсь приехать за тобой, где бы ты ни находилась, и быть твоим распоряжением вечно, пока смерть не разлучит.

Жду ответа от тебя, Сашенька, и тысячу раз целую твои ручки. Да сохрани тебя милосердный Господь.

Всегда любящий и преданный тебе Алексей".

ВРЕМЕНИ НЕТ

Мама торжественно сказала:

- Я вам говорила!

А что она такого говорила? Это я говорила, что в письмах есть загадка

Жаль, что разгадали ее не мы. Хотя с какой стороны посмотреть. Может, без нас бумаги исчезли бы совсем, погибли, и ничего бы мы не узнали о Новосельцевых, Бельских и Бигарти.

Мы поехали к Арсению Павловичу с добрым известием, и он радовался счастливому повороту событий, как ребенок. Нине Павловне он так и не решился сообщить о содержании писем и теперь предвкушал, как удиви-т ее. А еще мы получили разрешение ознакомить с письмами краеве-дов, потому что они имели к этому делу и к Варваре Новосельцевой са-мое непосредственное отношение.

Каштаны с неделю назад зажглись белыми свечами соцветий и уже стали затухать. Теперь по городу сиреневым и лиловым пламенем поль-жала сирень. Мы не могли дождаться последнего звонка. Были написаны годовые контрольные, но у нас с Герой и Паштетом оставался долг по истории.

Проблему разрешили: про все наши памятники (кто изваял, когда по-ставили и прочее) собрал материал дед Шурик. А про Румянцева, Суво-рова и Ломоносова мы списали статьи из энциклопедии. Оставалось оформ-ление. Снимки обелиска "Румянцева победам", Суворова-Марса с университета Ломоносова уже были, фигуры на постаменте памятни-ка Екатерины договорились снимать в воскресенье, а сбор назначили у Геры в десять утра.

День выдался солнечный. Дверь мне открыла Герина мама, кивнула на ее комнату, откуда доносилась музыка, и повертела пальцем у виска.

Геря и Паштет лежали на спине с закрытыми глазами. Геря - на дива-не, Паштет - на полу, на ковре. Из магнитофона лилась классическая му-зыка.

- Не надо говорить так громко, - томным голосом попросила Геря. - Приляг.

Паштет подвинулся. Я сняла туфли и улеглась рядом.

- А теперь закрой глаза и смотри на солнечный свет, - велела Геря.

Темноту перед глазами заполнили мерцающие искорки, которые сме-нились вспыхивающими серыми и вишневыми пушистыми пятнами.

- Что ты видишь? - спросила Геря.

Я сосредоточилась, кружащиеся пятна приобрели мягкий болотно-зеленый и голубовато-серый цвет. Я тихонько надавила на закрытые ве-ки, и пятна исчезли, в клубящемся дыму проступили белесые полосы.

- Загробные луга, поросшие асфоделем, - сообщила я, нажимая на глазное яблоко посильнее. - А меж ними плавают смутные тени.

- Ты неправильно видишь. Никаких картин не надо. Всё должно быть беспредметно. Свет должен вспыхивать и мерцать вместе с музыкой. Расслабься и плыви на волнах музыки.

- Так бы сразу и сказала. Поначалу и лугов никаких не было.

- Значит, вернись в начало. Плывешь?

- Можно и так сказать, - подумав, согласилась я. - А что это играет?

- Моцарт. Сначала Бетховена включили, но от него сплошные кон-вульсии в желудке. Понимаешь, музыка отдается в определенных частях тела: в желудке, сердце, колене, локте, в горле. Они воспринимают музы-кальные вибрации. Прислушайся к себе.

Я прислушалась. Нотки сыпались на меня, как дождь. Одни легко, не-весомо касались, другие быстро упруго дотрагивались и отскакивали, третьи щекотно покалывали.

- Где? - нетерпеливо спросила Гера.

- Ну, уж не в колене, это точно. Думаю, в солнечном сплетении. Или в голове.

- Музыка должна гулять по телу. Разная высота тона активизирует различные энергетические центры, - наставительно сказала Гера, и я все поняла. Ну конечно, это отец научил ее слушать музыку локтем и желудком.

- А что такого? - невозмутимо спросила Гера. - Сколько денег вы заплатили за эти курсы! Теперь он передает опыт. Пашке всё это очень даже нравится.

Я уселась. Рядом лежал подозрительно молчаливый Паштет. Толкнул его. Недовольно пошевелился. Он спал.

Около полудня мне удалось их оторвать от Моцарта, вытащить на улицу и отвезти в "Каткин садик", посреди которого на высоченном пьедестале царственно возвышается она сама со скипетром в руке. Под пологом у нее расселась вельможная компания в париках, кафтанах, орденских лентах, штанах по колено, чулках и башмаках с пряжками. Чаша Дашкова в своих кринолинах, президент Академии наук, голову повесила. Слава богу, хоть под каждым написано, кто есть кто.

Обошли памятник в поисках своих. Все они были толстощекие и сильно упитанные, икры ног такие мощные, как у статуй Геркулеса. Только Дашкова с Суворовым тощенькие. Державин, настоящий Микула Селянин нович, былинный пахарь с лицом римского красавца. Будто мы в учебниках его портрета не видели. На чулках у него складочки. Я вспомнила, что Нюня рассказывала про тогдашние костюмы, про накладку под чулки. Что мужикам было делать, если они носили чулки, а ноги, предположим, тонкие или кривые?

Мой Румянцев был особенно толстощек. В руках он держал подозрительную трубу и треуголку. Я стала примериваться, с какой стороны его заснять.

- У твоего в профиль вид дурковатый, - сочувственно заметил Паштет.

- Посмотри на своего, - огрызнулась я.

- И ничуть не дурковатый, - заступилась за моего Гера. - Чичагов не много хуже. Рожа просит кирпича.

Я фотографировала Румянцева с разных ракурсов и жалела, что ничего не прочитала про него, а ограничилась энциклопедией, а Гера с Паштетом обсуждали, на какую-то такую швабру наступил Орлов-Чесменский. Гера утверждала, что ее мама купила такую в Гостином. Но Паштет все поставил на свои места: это не швабра, а конский хвост. У швабры не бывает полумесяца. Это трофей. Это символ победы над турками.

Меня то и дело просили посторониться, потому что люди фотографировались на фоне памятника. Самы себя фотографировали. А между прочим, вокруг специально разгуливали, поджидая клиентов, Петр Первый и Екатерина Вторая. Петр - длинный, очень тощий и бледный юнец лошадиной физиономией. Ноги, как спички, показывались в ботфортах. Через плечо голубая лента. Екатерина тоже тощая, в платье из занавеса сочного шелка, в бархатной мантильке с театральными блестками, опущенной поеденным молью мехом, обмахивалась сложенной газетой, от жары мучилась. С ними еще была фотографша. На груди у нее, кроме фотоаппарата, висела кондукторская сумка, а время от времени она микрофон призывала народ сфотографироваться с тремя монархами: двумя живыми, а одной - бронзовой.

Паштет стал меня подговаривать бесплатно сфотографировать его и Гэру с царями.

- Мы сейчас подойдем к Екатерине и заговорим, а ты снимай, - сказал Паштет. - А потом я тебя с ними щелкну.

Они подошли к монаршей парочке. Я прицелилась, но Гера так встала, что загородила Екатерину, а Петр отвернулся и оглядывал скамейки с сидящими на них. Я стала привлекать внимание Геры и не заметила, как прямо по аллейке сквера к памятнику подкатила красная пожарная машина. Какой-то дядька в робе влез в мой кадр. Поначалу я думала, он фотографироваться хочет, но он махал руками и оттеснял императорскую группу вместе с Герой и Паштетом к газону. И тут я услышала, как кто-то громкоговоритель просит гуляющих отойти от памятника.

Дядька в робе вытащил из машины пожарный рукав, дал какую-то команду, и из законечника рукава взметнулся столб воды, окативший Екатерину. Она стояла под зонтиком из алмазных струй, и кусочки радуг играли в россыпи капель. Вода стекала с пышных складок ее бронзового платья и мантии на парики вельмож, и лица их стали мокрыми, как от слез. Толстощечие, толстоикрые, сидели они и, казалось, не жились под душем радужных отблесков, а на дорожках и газонах толпились люди и шептались на купание Екатерины.

Потом мойщик направил свой водомет на вельмож. Как дал струей! И вдруг из-за бронзовых плеч и складок одежд градом посыпались мячики. Серые теннисные и резиновые, красные, синие, с полоской посередине. Порохом разлетелись они по песку под восторженные крики ребятни, и Паштет схватил один, подкатившийся нам под ноги. Мячик был темно-коричневый, тяжелый и твердый, как пушечное ядро. Стоявший рядом старик попросил посмотреть и сказал:

- Это очень старый мячик, гуттаперчевый.

- Какое же он века? - спросил Паштет.

- Наверно, начала двадцатого, - ответил старик. - А может, конца девятнадцатого.

Пожарная машина медленно пятилась задом по песчаной дорожке между кустов цветущей сирени, пока не выкатилась на асфальт, к Публичной библиотеке. У памятника детвора торопливо подбирала мячики. Гера задумчиво смотрела, как в детских руках скачут мячики, закинутые на высокий пьедестал другими детьми, из прошлых лет, а наш Паштет жонглирует старым, гуттаперчевым, может, столетие пролежавшим за спинами Румянцева или Суворова.

Памятник на глазах обсыхал. Я быстренько направила фотоаппарат на краснеющие щеки и блестящий картофельный нос Румянцева. Посмотрела в видоискатель на Суворова. И он на меня, исподлобья, блестящим острым живым взором.

И на минуту показалось, что время остановилось. Все, про кого мы знаем, живы. У своего окошка в доме на Васильевском острове сидит Вера с книжкой и Лиза с рукоделием. Державин сочиняет оду императрице. Ломоносов рассказывает в Академии наук, что на Венере есть атмосфера. Румянцев, Суворов и другие военные начальники ведут в бой солдат. А бедная Сашенька Бигарти стоит у окна старинного палатца с видом на живописную долину, держит в руках письмо своего русского жениха и даже слезы со щек не утирает.

На миг мне показалось, что времени нет.

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Марина САФРОНОВА

16 лет, с. Залесово Алтайского края

* * *

Твою душу стремлюсь я постигнуть –
Но ошибок стена предо мной.
Эту стену ни свергнуть, ни сдвинуть
Невозможно любовью земной.
Ты далекий, ты близкий, ты жгучий,
Увлекаешь, как в омут, с собой.
Обещаешь ты райские кущи,
Соблазнительно машешь рукой.
Но узнать я хочу – что же в сердце,
На душе, на уме у тебя?
Ты молчишь. Расстаемся навечно,
Безнадежно друг друга любя.

* * *

Ушел и громко хлопнул дверью.
Следы оставил на снегу.
А я, что ты вернешься, верю,
Ведь я не верить – не могу.
В мое окно стучится вьюга,
Но не впущу ее к себе.
Мне не нужна зима-подруга,
Я буду предана весне.
Весна любовью отогреет,
Откроет в сердце твоём дверь.
Я всё смогу, преодолею,
Я жду и я – дождусь, поверь.

* * *

Я не хочу дарить тебе улыбки –
Ведь все они скрывают только слёзы.
Мои надежды очень, очень зыбки,
Но, к сожалению, любовь – серьезна.
Я не хочу краснеть, шепча смиренно,
Что ты мой бог, кумир, моё светило,
И не хочу признать, что я забвенно
Вслед за тобою, как щенок, ходила.
Я не хочу ничьих советов больше,
Хотя от них мне никуда не деться.
Я знаю, рвется там всегда, где тоньше,
А тоньше было – только моё сердце.
Я не хочу смотреть, как ты смеешься,
Как ходишь важно по большой дороге.

Я не хочу мечтать, что ты вернешься,
Ведь ты обязан мне – совсем немногим.

Евгений ТРИМОРУК

18 лет, г. Рыбница, Республика Молдова

ПИСЬМО

Короткое приветствие.
Немного о себе.
Какое было бедствие
И ужас на земле!

Чувствительные строчки,
Любовные слова.
С намеком две-три точки...
И кругом голова.

Большое сочинение.
Раскрытие души.
Немного восхищения –
О пламенной любви.

И пол-листа прощания,
И просьба всё простить.
Одно лишь пожелание:
И помнить, и любить.

Олеся ИВАНЧИКОВА

20 лет, г. Балахна Нижегородской области

* * *

По белому шёлку умытых небес
Стекает рябиновым соком
Заря, закатившись за призрачный лес,
Печаль обострив жестким роком
Вчерашней грозы, наболевших дождей
В отравленном привкусе ночи.
Ты плакал о ней. Ты думал о ней.
Увидеть хотел ее. Очень.

ДУША

Там граница тьмы и света,
Остриё добра и зла.
Там огромная планета
Нить вопросов провела.
Под завесой черной ночи
Луч сознания скользит:
Разобраться очень хочет
В смысле боли и обид.

нужны публикации. Поэтому посылаю вам свои стихи. Если же они вам не понравятся, то прошу и настоятельно рекомендую (вот прямо так! – **И.В.**) напечатать два мои стихотворения – бабушке и про любовь. Бабушке – потому что она мой лучший друг, я ее очень люблю. А про любовь – потому что это такое прекрасное чувство! Когда напечатаете, то пришлите мне три номера журнала, потому что я его не выписываю».

Стихи у девочки совершенно беспомощные. Но всё же читаю то, что она «настоятельно рекомендует» напечатать. На листе сверху коряво написано «бабушке». Видимо, будущая журналистка не догадывается, что названия всё же надо писать с большой буквы. А стихи вот какие:

*Жизнь летит, как поезд скорый,
Унося куда-то вдаль.
Камни злата раны скроют,
Скроют страхи и печаль.*

*Свет огней и звон бокалов
Словно сон увижу вновь.
Кто любил меня узнаю,
Кто продал мою любовь.*

*Кто забыл все ласки нежные,
Кто любил всегда.
Ну а жизнь моя мятежная
Уж не вернется никогда.*

Про «камни злата» что-то вообще непонятно. И при чём здесь «звон бокалов», «ласки нежные» и мятежная жизнь? Это что – так любимая внучка представляет себе жизнь любимой бабушки? Ну ладно, читаем про любовь:

*Любовь – это боль,
Резкий удар тупым ножом.
Любовь – это роль,
Сыгранная не о чем.*

*Любовь – зеркала,
Ставшие прахом мечты.
Любовь – это страх:
«А половинки ли мы?»*

Я не стал исправлять ошибки и расставлять запятые. Не в этом дело. Но всё, что написала эта девочка, – просто общие слова, затасканные мысли. Сказать-то ей, в сущности, нечего. А для чего тогда писать?

Другая девочка, тоже выпускница и тоже не читающая наш журнал, прислала... не знаю даже, как это назвать. Она назвала – повесть. Вообще-то мне казалось, что даже в школе разъясняют ученикам, что такое роман, что – повесть, а что – рассказ. Она считает, что это повесть. Ну ладно. Произведение называется «Город облаков», в нём ровно двенадцать страниц (для повести как бы маловато). А вот ее письмо: «У меня заканчивается учебный год, и я бы хотела точно знать, надеется (!!!) мне на вашу помощь или нет, если да, то пришлите ваш отзыв о работе и мнение, о выпуски (!!!) её в вашем журнале. Новые номера вашего журнала, с которыми я смогла ознакомиться в школьной библиотеке, поразили меня содержанием (!!!) большого количества художественных произведений. Я заметила, что вам пришлось сократить стандартное содержание журнала, например, сократить содержание (!!!) научно-популярных статей. Писатели, публикующие свои повести и романы на страницах вашего журнала, люди взрослые... Хотя сам журнал, есть журнал для молодёжи. Этим, я хочу сказать, что намного интереснее было бы брать произведения молодых писателей и поэтов, как начинающих (проба пера), так и увлекающихся этим де-

лом всерьёз» (орфография и пунктуация полностью сохранены). Как я понял – «увлекающаяся этим делом всерьёз» – это, как легко догадаться, она, юный автор. Русским языком в школе она, видно, не очень увлекалась.

Я уже неоднократно писал в своих заметках о тех произведениях юных писателей, которые мне довелось прочитать и которые мы напечатали, что проза – это очень трудный жанр, особенно для начинающего. Приводил знаменитую пушкинскую строку: «Года к суровой прозе клонят...» Года! Это ведь очень нелегкое дело: надо не просто описать какие-то придуманные тобой события, поступки героев, но написать это именно *прозой* – так, чтобы чувствовался ритм, чтобы читателю было интересно – а что же будет дальше? То есть так же, как в поэзии, в прозе есть свои законы построения сюжета (или фабулы, что не одно и то же), фразы, развития действия. Надо, чтобы читатель чувствовал: твой герой – живой человек, он живет в реальности, но не в нашей, а в параллельной, которую ты, автор, для него придумал. Но читатель должен верить, что это – *реальность*, где бы действие ни происходило, на Марсе ли, в отдаленной галактике или на нашей грешной земле, в сегодняшние ли дни или в каком-нибудь лохматом столетии... А когда читаешь «Город облаков», с первой же страницы понимаешь, что всё это – романтические выдумки, без цели и без смысла. По страницам повести бродят совершенно картонные герои, их поступки ничем не мотивированы... Читать «Город облаков» очень скучно, неинтересно, и рекомендовать такое произведение читателям «Мы» мы просто не вправе.

Особенно мне показалась любопытной мысль девушки о том, что молодые писатели должны иметь преимущество перед «взрослыми», как она выразилась. Спрашивается – почему? Если бы она не просто «ознакомилась», а прочитала хотя бы первые три номера нашего журнала за этот год, она увидела бы на наших страницах три повести. Настоящих. Первая – в третьем номере, «Наперегонки с летом» Али Гончаровой. Ее автор – совсем молодая девушка, студентка Литературного института, и честь ей и хвала, что в таком «нежном» возрасте она сумела написать такую замечательную повесть. В номере втором – повесть «Высший свет» Александра Трапезникова, известного прозаика средних лет. Очень непростая вещь, по жанру редчайшая: повесть-притча. А в первом номере – повесть Людмилы Уваровой «Полюс сравнительной доступности». Одно из последних произведений замечательной писательницы, умершей двадцать лет назад. Эти люди – разного возраста, но он-то, возраст, тут совсем и ни при чём, да и повести это очень и очень разные. Дело в таланте: или есть, или нет. Как умела Уварова «уцепнуть» читателя, даже вызвать у него слёзы, как тонко и просто высказывает свои совсем не простые мысли Трапезников, как весело, внешне легко написана молодежная повесть Гончаровой! Вот это и есть проза. И именно это и стоит печатать. А автору «Города облаков» еще набираться и набираться опыта, и житейского, и литературного. Ну и русский язык, конечно, надо бы подучить: ведь, как ни говори, язык что для журналиста, что для писателя – рабочий инструмент, и его надо хорошо знать.

Но самый, так сказать, шедевр – тоже с диагнозом «весеннее обострение» – мы получили пару лет назад. Тоже конверт, тоже голстый. И него выпала фотография симпатичной девушки и письмо: «Я хочу поступать в Московский институт международных отношений на факультет журналистики. И мне нужна ваша помощь. Я хотела бы, чтобы вы напечатали мое интервью с Владимиром Владимировичем Путиным!» Тут уж лучше сидеть, а не стоять, а то упадешь. Девушка вложила в конверт много-много чистых листочков, на которых сверху она написала вопросы Путину. А после вопросов – пустое место: ну, чтобы президент (В.В. Путин был тогда президентом) маленько подумал и написал бы ответы. Я даже не знаю, стоит ли комментировать эту ситуацию, думаю, и так всё понятно...

И смех, и грех... Но ведь действительно: было бы смешно, если бы не было так грустно. Оставим в покое будущую международницу и поговорим вот о чём. Неужели вы, ребята, не догадываетесь, что писание стихов и повестей – это одна работа, а журналисты занимаются совсем, совсем другим делом? Если вы твердо решили, что собираетесь стать пишущим журналистом (о тележурналистах я не говорю, они работают иначе, в других жанрах), вам стоило бы не пропихивать в печать свои плохо шрифмованные строчки, а пойти, как говорил незабвенный Владимир Ильич, «другим путем». Я охотно верю, что у бабушки, о которой ее внучка написала такое нелепое стихотворение, была «мятежная жизнь». Так почему бы и не написать о ней статью, очерк в какую-нибудь местную газету? Это был бы именно журналистский мате-

риал. Если было бы написано интересно, со смыслом, – скорее всего, напечатали бы (под рубрикой «Люди нашего города» или подобной, такие есть почти во всех газетах). Пару лет назад, рассматривая (в качестве приглашенного члена жюри) работы старшеклассников на тему «Роль моей семьи в общей Победе» в конкурсе «Переделкинские встречи», я поразился тому, что НИКТО не сумел интересно раскрыть эту тему. Все отделались общими словами, переписанными из учебников и газет. Хотя вот они, живые свидетели: бабушки, дедушки, которые еще помнят войну, те трагические и героические годы... Они еще с нами. Пока еще с нами. Но, как всегда, прав Пушкин: мы ленивы и нелюбопытны.

А могут быть и совсем другие темы для репортажей. Каждый из вас учится в школе. Что, у вас в школе совсем ничего интересного не происходит, о чём стоило бы написать, рассказать читателю? Ни литературных вечеров, ни встреч с интересными людьми, ни концертов самодеятельности, ничего, кроме глупых дискотек? Не верю. Просто интересное в жизни надо увидеть, найти – вот это и есть журналистская работа. И когда вы придете поступать на факультет или отделение журналистики – в приемной комиссии с гораздо большим интересом ознакомятся со списком именно таких публикаций. Пусть маленьких, пусть не очень заметных. Но будет ясно: человек готовит себя именно к этой профессиональной деятельности. А стихи, рассказы и повести оставьте тем, кто собирается быть писателями. Им тоже нужно, конечно, учиться, но это – совсем другая наука.

Игорь ВАСИЛЬЕВ

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА

Мечты, мечты, где ваша радость... Конечно же – радость, никто же не будет мечтать о плохом. Как поется в песне, «мечтать, надо мечтать детям орлиного племени. Есть мудрость и сила у нас, чтобы стать героями нашего времени...» Ну, герои – это всё-таки еще где-то впереди, в недалеком будущем. А пока думается о том, чтобы прожить счастливую жизнь, не разминуться с удачей и встретить верного спутника жизни. Такого, каким мы представляем себе наш идеал. Это волнует всех, и автор письма, которое мы публикуем, – не исключение.

РАЗВЕНЧАЙТЕ МОЮ ТЕОРИЮ

Пишу я в ваш журнал потому, что, читая его, я понимаю – он помогает подросткам в меру своих возможностей осмысливать проблемы, с которыми они сталкиваются, совершать меньше ошибок в жизни. Это прежде всего рубрики «Письма в "Мы"» и «Говоря откровенно». Хотя и другие нередко заставляют кое о чём задуматься. Вот, например, была в одном из недавних номеров статья об Эми Уайнхауз. В принципе, она, конечно, посвящена этой певице. Но там есть нечто другое, очень важное, – как нарко-

тики губят человека, его талант, будущее того, кто подсел на иглу или увлекся «травкой». Это впечатляет гораздо больше, чем какая-нибудь статья типа «наркотикам – нет», которую и читать-то никто не будет. Все и так знают, что наркотики вредят здоровью.

Думаю, что и мне вы поможете разобраться в моих проблемах. Моя проблема – это я сам и тот мир, который я создал и в котором существую. Я не вкладываю в местоимение «я» ни сомнения, ни эгоцентризм, потому что я давно изжил их в себе.

Взрослея, подростки начинают влюбляться, а я наблюдаю за их поведением, в частности, за их влюбленностями, за поведением тех, кто влюблен. А влюбляются они всерьез, и часто эта проблема вырастает до грандиозных масштабов. Задумываясь обо всём этом, я пришел к выводу, что все проблемы молодежи – от идеализма, свойственного этому возрасту. Идеализм – глобальное понятие для детей, я в этом абсолютно уверен.

Думаю, что все согласятся со мной в том, что дети (а к ним я отношу всех, кому нет еще двадцати одного года) чище, бесхитростнее, чем взрослые. И вот мы, дети, вырастая из «коротких штанов», попадаем из хрупкого мира детства в мир взрослых – жестокий, с ложью и неискренностью, которая царит в их мире. Но в нас еще не задавлена тяга к добру и миру – всему тому, что мы называем «правильностью» – и потому мы судорожно ищем то, что хоть чуточку похоже на созданный нами идеал. Именно поэтому кино-, теле- и развлекательные звезды закидывают письмами, расписывают подъезды объяснениями в любви, пишут в ваш журнал о красивых, но, увы, выдуманных

историях. И влюбляются в детстве тоже в поисках идеала, создавая из своего избранника (избранницы) этаким безгрешным идеалом, забывая, что недостатков у него хоть пруд пруди.

А если взглянуть критически не на идеал, а на себя? Ведь мы сотни раз уже ошибались – зачем же верить в непогрешимость своего выбора, если умом мы понимаем, что он заведомо ложный? Вообще я считаю, что в шестнадцать лет надо учиться, а не забивать голову выдуманными страстями. Поэтому сам влюбляться не хочу, а наблюдаю и анализирую, как это происходит у других.

Учителя считают меня «больно умным», а для сверстников я «тормоз» и вдобавок «грузовик», потому что пытаюсь говорить с ними как с самим собой, и всё это из-за того, что я живу своей, может быть, на сто процентов неправильной, но своей жизнью. Если я неправ, развечайте мою теорию идеала. Может быть, в ней отсутствует какое-то логическое звено?

Артём
Без адреса

Несколько лет назад мы уже получали письмо примерно такого же содержания, точнее, с теми же вопросами, которые волнуют и нашего сегодняшнего автора – как найти свой идеал и что это вообще такое. Что ж, вполне естественно, поскольку всегда – и в прежние времена, и сегодня – молодые люди не могут не задумываться об этом. И в восемнадцатом веке, и в девятнадцатом, и даже первобытные люди не могли пройти мимо этого вопроса. Как писал Максим Горький, «когда природа лишила человека его

способности ходить на четвереньках, она дола ему в виде посоха идеал. И с той поры он бессознательно стремится к лучшему».

Да, все мы в любом возрасте мечтаем о лучшем. Чтобы человек, в которого влюблен, обязательно был самым лучшим. Даже, казалось бы, самые обыденные и не влияющие принципиально на нашу жизнь вещи тоже должны для нас быть лучшими: авто, одежда, бытовая техника, мебель в доме... Да, в общем, всё. Вот этот самый посох, который когда-то дала человеку природа, помогает ему самому стремиться стать лучше и обладать тем, что он считает лучшим. Но, как писал Владимир Даль, автор знаменитого словаря русского языка, идеал – это «мыслительный образ совершенства, чего-либо, в каком-либо роде. Это образец, мечта». Однако по большому счету мечты не сбываются. Потому что мечты, которые сбываются, – не мечты, а планы.

Именно в старшем школьном возрасте начинается интенсивное формирование личности, мировоззрения, системы оценок, убеждений, нравственных принципов. И это становится основой для формирования жизненных идеалов, представлений о будущей жизни, взаимоотношений между людьми, о том, как прожить жизнь «правильно». И всё же – что значит «правильно»? Наверное, найти престижную и любимую работу, которая никогда не станет в тягость, встретить любимого человека – верного и надежного спутника жизни, обрести хорошую семью, детей, которые будут радовать родителей. Для этого надо знать хотя бы, какое содержание ты вкладываешь в понятие «идеал».

Знаешь, Артём, развенчать твою теорию идеала невозможно хотя бы потому, что об этой самой теории в твоём письме нет ни слова. В ней не только отсутствует какое-то логическое звено – в ней просто никаких звеньев нет. Что уж тут судить о логике? Ты поговорил о том, о сём, о том, что тебе в это время в голову пришло, даже не сформулировав свое понятие идеала. И так, сумбурно перескакивая без всякой логики с одного на другое, вдруг почему-то решил, что создал собственную теорию идеала. Твои понятия о жизни очень неглубоки, порой наивны, лишены собственного опыта, а потому суждения не аргументированы и поверхностны. Твои слова о хрустальном, хрупком и чистом мире детства и мрачном мире взрослых – не более чем выспення и претендующая на красоту фраза. Ты, например, что-то сказал, и тебе кажется, что твои слова бесспорны. На самом же деле это совсем не так. Возможно, мир взрослых, который ты видишь издали, мог показаться тебе жестоким. Но почему ты не можешь или не хочешь реально взглянуть на свой мир, мир подростков? В твоей интерпретации – это мир, где еще не задавлена тяга к добру. Однако хорошо известно, что самый жесткий мир – это мир криминала и подростков.

Кто чаще всего издевается над животными? Недавно милиция задержала семерых подростков, которые безжалостно мучили кошку. Когда в отделении даже лишённые сентиментальности милиционеры их пристыдили, мальчишки сначала лили крокодиловы слёзы, пытались разжалобить всех, надеясь на снисхождение и стараясь показать, что они раскаялись. Но поняв, что их уловки

тщетны, стали смеяться: «Он же животное!» Двенадцатилетний Саша, поругавшись с мамой, ударил ее ножом, а когда она, очнувшись, взмолилась о помощи, запер квартиру и убежал. Совсем недавно забил до смерти собственного сына восемнадцатилетний Шалва, житель подмосковного города Пушкино. В одну из ночей он не выдержал плача ребенка и избил четырехмесячную кроху, который скончался в больнице. А хеппи-слеппинг – ноу-хау и заграничных, и наших подростков, о котором мы писали в третьем номере этого года? Что всё это? Тяга к добру?

Ты считаешь, что ложь и неискренность царят в мире взрослых. А знаешь ли ты хоть одного подростка, который бы никогда не обманывал учителей и родителей, всегда был искренен с приятелями, рассказывая им о своих «победах», хотя бы на любовном фронте, которых никогда и не было? Но ведь хочется выглядеть перед ними круче крутых яиц. Вот ты уверен, что наши авторы-подростки пишут о красивых, однако, увы, выдуманных историях. Только ведь если называть вещи своими именами, эти выдумки – самая настоящая ложь.

Или вот такой случай, совсем недавний. Весной этого года пятнадцатилетняя московская школьница пожаловалась матери, что плохо себя чувствует, и та разрешила ей не ходить в школу. На самом деле девятиклассница была совершенно здорова и уж никак не думала болеть. У нее были другие планы. Мать ушла на работу – а возвращается домой она очень поздно, и девочка устроила вечеринку, на которую пригласила подругу, чтобы познакомиться ее со своим бывшим парнем Ромой. Вместе с ним приехали повесе-

литься и двое его друзей. Хозяйка дома чувствовала себя на высоте положения – ведь это благодаря ей состоялась крутая тусовка, а потому все должны быть ей благодарны. Вот новые знакомые и отблагодарили ее – изнасиловали. Втроем одну.

А уж хитрить и лукавить подростками приходится постоянно. Так что мир подростков и взрослых на самом деле идентичен, просто масштабы и формы проявления всего того, о чём ты говоришь, – разные. По-другому и быть не может: ведь живем мы все в одно и то же время, в одинаковых, в общем-то, условиях, одной жизнью.

Кстати, подростки разрисовывают подъезды вовсе не потому, что судорожно ищут что-то похожее на созданный ими в своем сознании идеал. Просто есть фанаты граффити, которые и рисуют, и пишут, что им взбрет в голову. Но вовсе не объяснения в любви, а в основном непристойную брань. В прошлом номере мы писали об одном таком «художнике», который, разрисовав и расписав подобным образом подъезд в доме своего друга «от нечего делать», затем для полного кайфа поджег почтовые ящики и сбежал. Итог: сорок тысяч рублей штрафа и – отдельно – возмещение материального ущерба. Хороший подарок родителям от подросткового «мира добра» жестокому миру взрослых.

Насчет писем разным звездам... Наверное, кто-то и пишет им, но сейчас уже вряд ли подобными посланиями кого-то заваливают. Поскольку теперь принято общаться в Интернете – ЖЖ, форумы, сайты, блоги... А если кто-то и пишет еще звездам в поисках идеала, то просто по собственной глупости. Вот «звезда» Рома

Зверь. Не будем здесь оценивать его как музыканта. Но как ты думаешь, какой ценный совет может дать тебе парень, не сумевший осилить среднее образование, а его «университеты» – строительное училище, где Рому научили класть плитку? Однако тебя-то наверняка это дело мало интересует, во всяком случае, писать бы об этом ты ему не стал. Или Панайотов... Хороший певец, чье образование закончилось в средней школе. В одной довольно популярной группе неплохой, в общем-то, солист по профессии – повар. И ничего, кроме кулинарного училища, он не заканчивал, в том числе и музыкального. Конечно, в жестком, пропитанном духом конкурентной борьбы и стремления любым путем добиться успеха мире шоу-бизнеса те, кто задействован в нём, приобретают определенные навыки, которые помогают им добиваться того, к чему они стремятся. Однако далеко не все и не всегда. Там свои правила игры, по ним они и играют. К тому же это их «умение жить» сгодится им только в мире шоу-бизнеса. А этот мир закрытый, обособленный и очень специфический, имеющий мало чего общего с тем, как и чем живет большинство людей. Но в поисках «теории идеала» и прочих размышлений о жизни мы бы не посоветовали тебе, Артём, читать «литературные сочинения» Панайотова и Ромы Зверя. Рома однажды честно сказал, что читать он не любит, а любит разговаривать с друзьями. Вот только что интересного и умного он может им сообщить? Ведь мозги, как известно, развиваются не от музыки, а от чтения. Скорее всего, эти книжки – просто литературная профанация: наняли какого-нибудь не слишком удачливого

писателя – он тебе ради заработка (а писатели нынче живут бедно) хочешь за Панайотова, хочешь за кого другого состряпает что-нибудь шибко философское...

Тебя интересует влюбленность твоих сверстников, тебе даже стало интересно поведение влюбленных. Между тем ощущение любви может прийти к человеку в любом возрасте. И к десятилетку, и к пятикласснику, а если верить исследованиям ученых – за свою жизнь влюбляются люди не менее семи раз. Недавно одна двенадцатилетняя школьница пожаловалась маме, что ее изнасиловал пятнадцатилетний сосед. При медицинском обследовании же было установлено, что юная прохиндейка – девственница, на которую никто не покушался. А всю эту историю девчонка придумала для того, чтобы отомстить пареньку, в которого была без памяти влюблена, увы, безответно. А некий десятилетний «Ромео» спихнул свою подругу с подоконника на девятом этаже, приревновав ее к однокласснику. Вот чем обернулась проблема «серьезной любви», как ты выражаешься, «выросшая до грандиозных масштабов». На самом деле проблема вовсе не во влюбленности, а в, увы, часто встречающемся подростковом возрастном идиотизме, помноженном на жестокость, полное отсутствие чувства ответственности за свои поступки и «безбашенность».

Возможно, влюбляются подростки, как им кажется, и всерьез. Бывает, но, как говорится, «свежо предание, да верится с трудом». Школьные влюбленности в подавляющем большинстве случаев после окончания школы сходят на нет, во всяком случае, браки между одноклассниками – исключение из правил. Бывает, конечно,

что парню приходится сочетаться брачными узами со своей двенадцати-пятнадцатилетней подружкой, поскольку она вот-вот должна стать мамой. Впрочем, чаще всего такие юные папаши покидают этих матерей вместе с ребенком. Только на самом деле никакой проблемы, «достигшей грандиозных масштабов», здесь нет. Встречались, любили, а от любви рождаются дети. Это не проблема – нормальная жизнь. Только вот естественно ли в двенадцать-пятнадцать девочке становиться матерью, а ее сверстнику – отцом? Но уж это пусть решает каждый сам для себя.

Ты прав, Артём: в шестнадцать лет надо учиться. Впрочем, это не исключает того, что в твоём возрасте можно и влюбляться. Одно другому не мешает. Но истина в том, что влюбиться или не влюбиться – зависит не от твоего желания или намерения сначала окончить школу, а затем уж дать волю своим чувствам. Если же ты считаешь, что влюбляться в твоём возрасте не следует, поскольку всё время должно быть посвящено учебе, то это не более чем наивное умозаключение. После школы будет институт или университет, и мы желаем, чтобы эта вершина покорилась тебе, тем более что ты – «шибко умный». В перспективе может быть еще и аспирантура. А вообще сейчас такое время, что осваивать новое в науке, на службе или на производстве придется всю жизнь. Во всяком случае, у любого человека в любом возрасте есть немало забот и хлопот, чтобы не оставалось времени забивать голову выдуманными страстями. Выдуманными – да! Только не все страсти выдумывают, бывают ведь и другие, когда даже помимо нашей воли мы не властны не любить.

Конечно, при определенных психических отклонениях можно ребенком дожить и до глубокой старости. Однако есть такие молодые люди, которые до двадцати одного года остаются детьми, и это тоже вряд ли нормально. Всё-таки детство кончается с получением паспорта и наступлением совершеннолетия. Кстати, многие подростки и помоложе уже считают себя взрослыми. Правильно: прятаться за вывеской «мы еще дети» многие из них и не без основания просто постесняются.

Твое стремление говорить с каждым из своих сверстников как с самим собой на самом деле означает, что их мнение тебе не нужно и никоим образом тебя не интересует. Скажи, пожалуйста, зачем тебе нужно услышать от кого-то еще своё же собственное мнение? Ничего нового ты не узнаешь, кроме того, что удовлетворишь свое желание получить от них одобрение и оправдание уже принятым тобой решениям. Вообще-то это пустая трата времени. Выходит, что, исходя из твоих умозаключений, тебе вполне достаточно говорить с самим собой. Но стремиться в каждом найти аналог самому себе – занятие бесполезное. Ты живешь своей жизнью, только ведь и каждый из твоих сверстников живет своей. Так же, как и ты, – правильной или неправильной. Однако даже единомышленники вовсе не абсолютно одинаковые люди. Среди них тоже бывают разногласия и споры. Это естественно, ведь, как известно, именно в спорах рождается истина. Словом, все люди разные, даже близнецы, и у каждого свой идеал. Как правило, в молодости все ищут свой идеал. Это привилегия возраста, когда стремятся определить свои жизненные цели и ориентиры. Как

сказал известный философ, «если к двадцати годам вы не идеалист – у вас нет сердца. А если к тридцати годам вы всё ещё идеалист – у вас нет головы». Очень верно сказано, ибо в этом возрасте, трезво оценив свои способности и возможности, каждый должен определить свое место в жизни. Идеал ищут в молодости, только мало кто из молодых людей четко представляет себе, что это такое. Вот и Артём так и не сказал в своем письме, каков его идеал, что он вкладывает в это понятие, не говоря уже о том, что никакой теории он не излагает.

Надо сказать, что понятие идеала у многих подростков очень размыто, неконкретно, и в принципе подразумевает под этим просто «всё хорошее». Однажды социологи решили провести среди старшеклассников исследование с целью определить, как они понимают – что такое идеал, и раздали им анкету с этим вопросом. При анализе анкет было установлено, что больше половины опрошенных не смогли ответить на этот вопрос, и ставили прочерк или оставляли эту строчку пустой. При изучении представлений десятиклассников об идеале здорового человека было установлено, что у большинства из них нет такого идеала. Продвинуться вперед в этом вопросе исследователям удалось, когда он был конкретизирован: каков идеал здоровой девушки и соответственно юноши?

Судя по ответам, обобщенный идеал здоровой девушки выглядит в понятии старшеклассников следующим образом: без вредных привычек, красивая, хорошая фигура, воспитанная, добрая, с чувством юмора, искренняя, умная... Обобщенный идеал здорового юноши определили следующими качествами: красивый, физически

сильный, жизнерадостный, умный, веселый, добрый, хороший характер, хорошо учится, занимается спортом...

Вообще-то все эти характеристики на самом деле показывают не то, каким подростки видят свой идеал, а скорее то, каким девочки хотели бы видеть понравившегося им мальчика и наоборот, какими мальчики хотели бы видеть понравившихся им девочек. Ведь на самом деле, например, «хороший характер» – понятие очень широкое и не очень конкретное. Что значит «хороший»? Парень мягкий, добрый, во всём уступчивый, не стремящийся настоять на своем и никому ни в чём не возражающий... Так ведь это просто размазня, который вряд ли сумеет добиться в жизни чего-то стоящего. Жизнерадостность и веселось, как правило, зависят от обстановки и настроения. Невозможно, да просто ненормально – быть постоянно веселым. А понятие о красоте у каждого свое. Если же говорить о девушках, то в принципе все нормальные девушки должны обладать теми качествами, которыми парни характеризовали свой идеал. Но реальность, увы, далека от всех этих теорий, и об этом написала в своем, в общем-то, грустном стихотворении известная юмористка Инна Савельева:

У мочалок вид
потасканный слегка,
У кошелок загребущая рука,
Тёлки, тупо глядя
спутнику в глаза,
Уступают
прямо с первого раза.
Дунька с мыльного завода
хороша:
Возбуждается от рюмки
и гроша.

У воспитанной с пеленок
на уме:
Сохранить как можно дольше
реноме.

У герлы одна мечта –
загнать в кровать,
А секс-бомба ждет,
что будут страсти рвать.
У мордашек губки-бантик,
а в глазах
Вековечный страх
остаться на бобах.

Никакая –
в койке будет никакой,
А с шалавой потеряете покой.
Кукла-Барби растрясет вас
по нулям,
А с чувихой показаться
стыд и срам.

Пусть мужской разнообразный
контингент
Понимает, как богат
ассортимент.
Я надеюсь, что прочтется
между строк –
Выбор просто до противоположного
широк!

Где ж, вы спросите,
девица-идеал?
А таких детально Пушкин
описал.

Когда социологи провели опрос столичных школьников, с тем, чтобы выяснить, какими качествами должен обладать их идеал, выяснилось, что тридцать три процента поставили на первое место ум, двадцать один процент отдали предпочтение покладистому характеру, а красота стала приоритетом лишь для семи процентов. Как признался в одном из интервью известный киноактер Владимир Вдовиченков, «девушка может быть язвительной, вспыльчивой, капризной и вообще стер-

вой, а случится влюбиться в такую – и потеряешь голову». Пожалуй, ему можно поверить – пять его браков были неудачными и лишь шестой оказался счастливым.

По существу, в письме Артёма речь идет не об идеале человека вообще, а о том, какими качествами должна обладать девушка, которую бы он мог считать своим идеалом, которая бы могла ему понравиться, в которую бы он мог влюбиться. Однако это не означает, что человек, которого ты полюбишь, – идеал. Речь, скорее всего, идет лишь о внешних данных.

Вновь обратимся к социологическим исследованиям. Вот, например, недостижимой мечтой тинейджеров начала девяностых была знойная итальянская певица Сабрина. Припомнить хотя бы одну из ее песен не смог почти никто, однако короткие шорты, из которых аппетитно выглядывали Сабриныны ягодички, и ее пышные перси запали в душу многим. Для кого-то девушкой мечты была большегрудая американская певица Саманта Фокс. В числе девушек мечты назывались также Сандра, Си Си Кетч, Наталья Гулькина, Наташа Гусева (Алиса Селезнева из кинофильма «Гостья из будущего») и длинноногая Инга Ильм, сыгравшая одну из главных ролей в фильме «Приключения Петрова и Васечкина».

У тинейджеров того времени главным школьным кумиром и прообразом идеального парня являлся Юра Шатунов. Юру называли абсолютно все – и те, кто в момент пика его популярности учился в первом классе, и те, кто в десятом. Дамы не обошли вниманием ребят из группы «На-На». Мечтали наши девушки и о парнях, похожих на Люка Перри и Джейсона Пристли, снявшихся в некогда популярном молодежном сериале «Беверли

Хиллз-91210». Ну и, конечно, солисты «Модерн Токинг»: Томас Андерс и Дитер Болен были воплощением девичьих фантазий об идеальном бойфренде на рубеже восьмидесятых-девяностых годов. Это всё представители шоу-бизнеса, которому нужны ваше обожание, аплодисменты, фанаты, но, как мы уже отмечали, — это мир обособленный, и посторонним вход в него закрыт. К тому же никто бы не рискнул назвать хоть кого-нибудь из них идеалом. Однако действительно в них были влюблены очень многие.

И в самом деле, одна из главных загадок любви — ее странная, как бы двойная оптика. Достоинства любимого человека она увеличивает, а недостатки уменьшает. Иногда даже неясно, кого мы любим — самого ли человека или обман зрения, то, что нафантазировало наше подсознание. Полтора века назад Стендаль написал в книге «О любви»: «Полюбив, самый разумный человек не видит больше ни одного предмета таким, каков он на самом деле. Женщина, большей частью заурядная, становится неузнаваемой и превращается в исключительное существо». Поэтому, говорит он, в любви «мы наслаждаемся лишь иллюзией, порождаемой нами самими».

Конечно, у разных людей накал фантазии, создающей, порождающей иллюзию, неодинаков: у одних она больше, у других — меньше. Бывают люди, в любви которых ее почти нет или совсем нет. И всё-таки, наверное, верно — влюбленностью и любовью правит фантазия.

Конечно, общих правил тут не может быть, и Шекспир, например, восставал против идеализации любви так же, как и ты, Артём. Он утверждал земную лю-

бовь, не выдуманную, настоящую и поэтому не идеализировал свою любимую, не описывал ее как не-обыкновенную. А писал так:

*Ее глаза на звезды непохожи,
Нельзя уста кораллами*

*назвать
Не белоснежна плеч открытых
кожа
И черной проволокой вьется
пряда*

Его прекрасная дама — смуглая дама сонетов — вполне земная женщина. Шекспир видит в ней и плохое и хорошее.

*Мои глаза в тебя не влюблены,
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами
не согласно.*

Конечно, и эту любовь нельзя делать общим правилом, потому что в любви вообще нет правил — она всегда индивидуальна.

Главное, Артём, ты подметил правильно: в основе влюбленности твоих ровесников, как и людей других возрастов, лежит вечная тяга к идеалу и наивная вера в человеческое совершенство. В этом нет ничего плохого — ведь человек, который влюблен, становится красивым и видит мир красивым.

Идеал — им стремятся владеть каждый из нас. Нам хочется, чтобы всё, что нас окружало, всё, что мы имеем, было бы идеально. Попросту говоря, хорошим, отвечало нашим вкусам и требованиям. Порой нам кажется: то, что мы имеем или нашли, и есть наш идеал. Только это не всегда так — стоит помнить и о том, что сейчас очень много подделок.

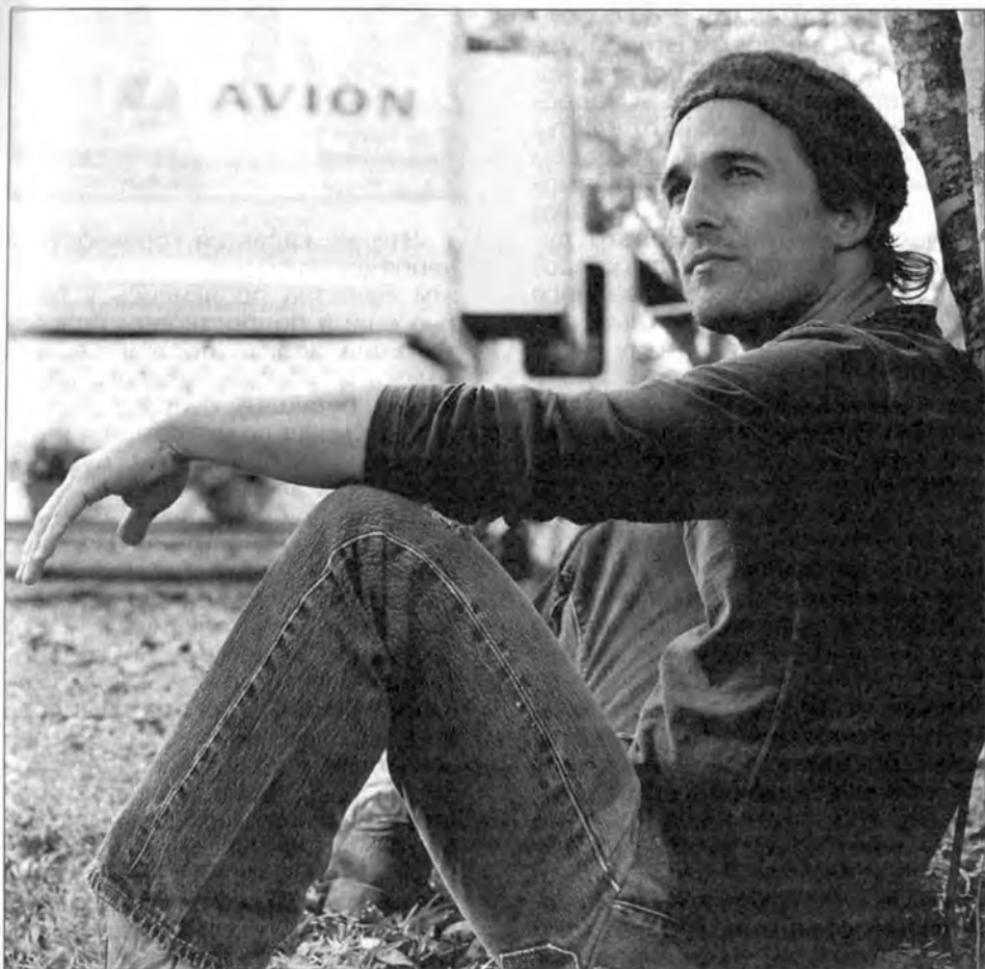
Алексей БУДКИН

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Еще в школе его называли самым красивым парнем, позднее он составил конкуренцию самому ДиКаприо, чуть было не получив его легендарную роль в «Титанике», а пресса с завидным постоянством награждала его разными завидными титулами вроде «тело Адониса», «волшебная кинозвезда», добавляя при этом: «Когда он улыбается, солнце выходит из-за туч».

И не без основания, поскольку

ТЕХАСЕЦ МАККОНАХИ – САМАЯ ГОРЯЧАЯ ЗВЕЗДА

ОБЫЧНО зрители судят об актерах по их героям, но если оценивать по ролям в фильмах, где играет Мэттью, ничего про него не поймешь. Ему здорово удалось всех запутать: кто же такой этот Мэттью МакКонахи, что за парень? Вот он благородный адвокат в триллере «Время убивать», а вот – жаждущий крови садист в «Техасской резне бензопилой 4: Новое поколение», вот шериф в «Звезде шерифа» или грабитель-медвежатник в боевике «Братья Ньютоны». Только что Мэттью совершал подвиги как офицер-подводник с американской субмарины U-571 во время Второй мировой, и вот уже он романтический герой в комедиях «Свадебный переполох» и «Как отделаться от парня за 10 дней». А совсем недавно актер укрепился в амплу «пляжного героя» в приключенческих картинах «Золото дураков» и «Серфинг», где красовался в костюмах собственного дизайна. Актер – страстный любитель серфинга, а потому знает толк в удобной и красивой одежде, необходимой для активного отдыха. Он понял, что бизнес искусству не помеха, и дебютировал в качестве дизайнера пляжной одежды, подгадав выпуск своего товара к премьере «Золота дураков», а также к началу летнего сезона. Но это вовсе не означает, что этот тридцатидевятилетний атлет, красующийся на афишах с обнаженным торсом, – самовлюбленный эгоист. Совсем недавно Мэттью признался: он с десятилетнего возраста мечтал о роли отца семейства. И вот мечта сбылась. Когда же его мама Кэй МакКонахи узнала эту новость от сына, она с энтузиазмом спросила: «А когда свадьба?» Тут Мэттью замялся и как-то неуверенно ответил, что это вопрос будущего.

Что же касается горячности и непредсказуемости характера, то эти качества проявились у Мэттью еще в подростковом возрасте. Если верить пословице, что яблоко от яблони недалеко падает, то будущей супруге актера имеет смысл подготовиться к неожиданным поворотам судьбы. Родился Мэттью в Техасе, в городке Ювэлди, 4 ноября 1969 года в семье ирландца Джеймса МакКонахи, торговца нефтяным оборудованием и владельца бензозаправки, и учительницы Кэй. Его родители женились и развелись несколько раз – прямо как в кино. Первый раз это случилось еще до рождения сына. Через некоторое время пара опять сошлась, но ненадолго: супруги повторно развелись, когда сыну было тринадцать лет. Он хорошо помнит, как отец купил трейлер и повез сынишку из родного городка в Лонгвью, всю дорогу края отборной бранью супругу. Но ровно

через год Джеймс опять воссоединился с Кэй и двумя старшими сыновьями в новеньком, только что купленном в кредит доме. Потом они еще раз разругались и развелись, но 17 августа 1992 года отец отправился на небеса женатым в третий раз.

Бизнес отца продолжили два старших брата Мэттью – Майки и Пэт. Бизнес же младшего в отличие от братьев состоял в том, чтобы быть красавчиком. Это раздражало отца: «Вот, старшие заняты делом, пошли по моим стопам, а младший всегда был с приветом. Ну, присвоили ему в школе звание самого привлекательного выпускника, только на кой ему чёрт этот конкурс красоты, просто стыд – он же не девчонка. А год, который наш мальчик провел в Австралии... Кто его, спрашивается, туда звал и кому он там был нужен?»

Просто в Лонгвью белокурому принцу было безумно скучно: там жили одни баптисты, праведники и зануды. Утром – молитвы, после обеда – молитвы и барбекю... И так изо дня в день. А его манили дороги, песчаные пляжи и девушки с золотистым загаром. В восемнадцать лет сразу после окончания школы он махнул на далекий незнакомый континент.

Конечно, здесь были девушки и пляжи, вот только не было денег и времени смотреть на них. Он вкалывал с утра до ночи – мыл тарелки в забегаловках, разгребал куриный помет на фермах... И не было рядом ни одного близкого человека, с которым можно было хотя бы отвести душу. Пришлось вернуться в городишко баптистов до неузнаваемости исхудавшим, опустошенным, так и не решившим, чего же он хочет от жизни.

Отец, тронутый переменой в сыне, дал денег на серьезную учебу, и Мэттью взял курс на Те-

хасский университет, намереваясь стать юристом. Но учеба в университете не заладилась с первого курса. Куда лучше будущий адвокат забивал голы в футбольные ворота, элегантно махал клюшкой для гольфа и эффектно смотрелся с теннисной ракеткой в лучах заходящего солнца.

Свой первый бешеный успех Мэттью снискал, разбивая женские сердца. В университете даже образовался женский кружок, такая группа по интересам. А интерес был один – он сам, ММ. Настоящий техасский ковбой, южный красавец, сложенный как бог, с кипучей кровью. Подружек у него было пруд пруди, но самую главную звали Кэй. Ведь он всегда был маминим любимчиком. И по одной из озвученных им версий он носил на пальце золотое кольцо, переплавленное из ее зубных коронок.

Друзья приглашали симпатичного парня сыграть в их студенче-

Мэттью
с матерью

ских работах, снимался он и в рекламных роликах и даже сам снял одну короткометражку. Особых перспектив на актерской ниве пока что не просматривалось, но зато Мэттью понял, что юриспруденция – не его дело, слишком скучное занятие, его же дорожка лежит напрямик в кинематограф. Буквально накануне последнего экзамена Мэттью расстался с одним университетом и поступил в другой – на факультет кинопроизводства.

ЭПОХА рекламных роликов закончилась для МакКонахи в тот момент, когда однажды он пригласил свою очередную девушку в бар. Однако ему не довелось уделить ей достаточно внимания, поскольку здесь МакКонахи случайно познакомился с человеком, который оказался директором по кастингу в фильме Ричарда Линклейтера «Под кайфом и в смятении». Парочка настолько заметно спелась, что бар они покинули почти ползком. Уже к следующему вечеру роль в фильме лежала у Мэттью в кармане, и это несмотря на то, что весь его актерский опыт состоял в основном из съемок в рекламных роликах. Когда его представили режиссеру, того вначале привлекательная внешность двадцатидвухлетнего парня скорее отпугнула. Но когда претендент на роль предстал перед ним в образе потерявшегося во времени хиппи с длинными волосами и висячими усами, сдался, а по ходу дела даже продлил его экранную жизнь. Фильм, посвященный моменту окончания школы старшеклассниками в лихие семидесятые годы, прославился тем, что слово «чувак» в нём звучит сто восемьдесят пять раз. «"Под кайфом и в смятении" стал для меня как бы пробным камнем,

– говорит актер. – Я никогда не думал быть актером, даже не думал об этом как о практическом занятии. Но когда представилась возможность, у меня была какая-то вспышка. Сниматься мне понравилось больше всего на свете. За эту первую мою работу я получал триста долларов в день в течение трех недель. Так что после выхода ее на экраны я сказал себе: переезжаю в Лос-Анджелес. Не знаю, удастся ли мне сниматься или снимать. Но я готов на всё, только бы попасть в этот бизнес». Вскоре последовала роль в фильме «Техасская резня бензопилой», где он заделался убийцей и даже душил бедняжку Рене Зеллвегер. Этот фильм ужасов, как и многие подобные картины, стал настоящим хитом у молодежи, однако особой известности Мэттью не принес...

ОКОНЧИВ через год университет, Мэттью проникся уверенностью в возможности выгодно использо-

вать свои довольно скромные успехи для того, чтобы стать кинозвездой, и отправился в Лос-Анджелес. Здесь ему удалось сразу же подписать контракт с агентством Уильяма Морриса и получить роль второго плана – напарника Дрю Бэрримора в кинодраме «Парни побоку». Маховик карьеры был запущен, и вот уже Мэттью выступает партнером Джоди Фокстер, Дженнифер Лопез, Сары Джессики Паркер... В таком цветнике немудрено потерять голову. Но Мэттью с редким для молодого человека здравомыслием решил для себя, что ни за что на свете не будет заводить романы на съемочной площадке. Он-то решил, но, похоже, что его партнерши об этом не догадывались.

У режиссера Джоэла Шумахера была уйма времени, чтобы подобрать актера на роль Джейка Бриганса в киноверсии бестселлера Джона Гришема «Время убивать». Проблема заключалась в том, что прославленный писатель отклонил кандидатуры таких звезд, как Брэд Питт, Вуди Харрельсон и Вэл Килмер. А вот МакКонахи после кратких проб и одобрения Гришема, практически никому не известный, украл самую завидную роль в Голливуде из-под носа суперзнаменитостей. За первую неделю проката лента «Время убивать» стала первой по кассовым сборам, доказав тем самым, что актер действительно может стать очень востребованным зрителями.

На этих съемках закрутился роман Мэттью с Сандрой Буллок, партнершей по фильму. Она была старше своего коллеги на пять лет и уверенно взяла штурвал управления их отношениями в свои руки. А он сдался на милость победительницы.

Они изредка встречались в

промежутках между съемками. Мэттью приезжал на ранчо Сандры в Техас: здесь всё – и решетка для барбекю, и почерневшие щипцы, и залежи сладкой кукурузы – напоминало ему детство. Они встречали вместе новый, 1998 год в Новом Орлеане, и их обоих захватил снежный вихрь безоглядного счастья. Но вскоре всё растаяло, как прошлогодний снег. Сандра не желала продолжения. Мэттью слишком молод, впереди его ждет блестящая карьера, а она хочет семью, детей, стабильности в отношениях и спокойной жизни. Однако сразу же после разрыва актриса закрутила роман с актером, который был моложе Мэттью на десять лет. Последний раз она неожиданно появилась на пороге его дома в 2003 году: «Я запуталась, милый, я очень устала». Он хотел выставить ее, но не смог. Они провели вместе прекрасную ночь и расстались навсегда. Мэттью так и не понял, кем он был для

С Сандрой Буллок
(«Время убивать»)

нее все эти годы. Позднее ему на глаза попался журнал, в котором Сандра вдруг разоткровенничалась: «Мэттью был самой властной силой в моей жизни. Между нами возникла настоящая химия...» Интересно, что это за такая химия, которая заставила женщину покинуть любимого мужчину. А Мэттью из-за Сандры даже загремел в тюрьму. Дело было в Остине. В растерянных чувствах он приехал в гости к старому другу, актеру Коулу Хаузеру, с которым они вместе снимались еще в фильме «Под кайфом и в смятении». Они обкурились, причем Мэттью зачем-то разделся догола и стал бить в африканские барабаны. Соседи вызвали полицию, актера силком одели и увезли в кутузку. Там он быстро очухался и наутро, уплатив штраф в пятьдесят долларов, поклялся больше никогда не убиваться из-за баб. Впрочем, утешением для актера могло послужить то, что фильм

«Время убивать» получил премию MTV Movie Awards и был номинирован на престижнейший «Золотой глобус». Так что, предоставив простому техасскому парню главную роль в этом фильме, режиссер Джоэл Шумахер выдал ему счастливый билет: в компании с известными актерами он был столь убедителен и профессионален, что после премьеры его стали сравнивать ни много, ни мало – с легендарным Полом Ньюманом. Словом, в пантеоне голливудских звезд стало на одну больше.

Студии одна за другой стали добиваться его участия в их картинах, но лишь компания «Уорнер Бразерс» смогла поймать «золотую птичку» в сети контракта. Свои следующие значительные роли он сыграл вместе с Джоди Фостер в фантастической ленте «Контакт» и Энтони Хопкинсом в драме Стивена Спилберга «Амистад» (за роль в этом фильме Мэттью по-

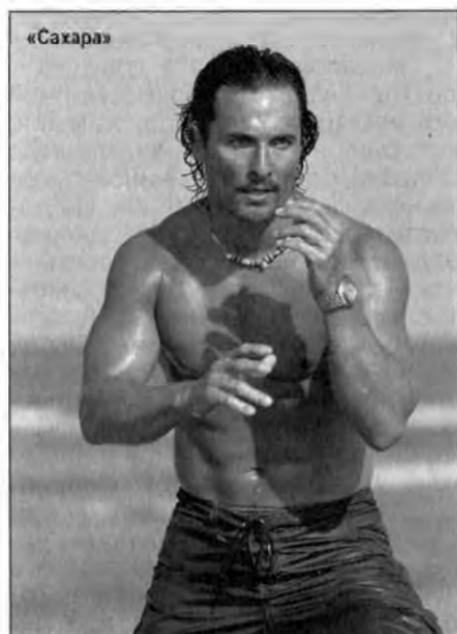
лучил свой первый миллионный гонорар). Затем МакКонахи вновь оказался в команде режиссера Линклейтера в вестерне «Братья Ньютон», изобразив главаря грабителей банка. Контракт, подписанный с «Уорнер Бразерс», помог ему исполнить главные роли в нескольких второстепенных фильмах. А в 2001 году состоялись премьеры новых фильмов «13 разговоров об одном и том же» и комедии «Свадебный переполох», где партнершей МакКонахи была Дженнифер Лопез.

Одним из наиболее заметных фильмов в карьере МакКонахи стала «Сахара», создатели которой обещали подарить миру фильм, который будет не хуже, а может, и получше, чем знаменитая «бондиана» или истории об Индиане Джонсе. Клив Касслер, автор книги об отважном исследователе Дирке Питте, согласился уступить права на экранизацию только при условии полного контроля над проектом. В числе прочего он отстоял право утверждать актеров на главные роли. Первым он забраковал Тома Круза: в романе Дирк – супермен ростом метр девяносто три сантиметра, а Том, как известно, до этой планки сильно не дотягивает. Новые претенденты – Джордж Клуни, Брюс Уиллис – отпали по возрасту: староваты. Наконец, продюсерам удалось достичь согласия с автором, предложив МакКонахи. Актер с волевым подбородком и высоким лбом – как раз то, что надо для создания образа Дирка Питта, ученого и искателя приключений, покорителя женских сердец. Ну уж если говорить конкретно об этом, то тут МакКонахи самая подходящая кандидатура: журнал «People» признал его самым сексуальным мужчиной планеты (ранее этого звания удостоивались Джуд Лоу,

Джордж Клуни, Пирс Броснан и Брэд Питт), он обладатель титулов «самое идеальное тело для выходов на пляж» и «самые красивые ноги Голливуда»... Ну кто еще был в состоянии конкурировать с ним?

Дирк Питт – бравоый искатель приключений. Он ищет артефакты, древние статуи, магические предметы, старые свитки, корабли, самолеты, тарелки инопланетян – словом, всё, что может стать свидетельством давно минувших дней. Несмотря на свою довольно экзотическую профессию, Дирк – не особо богатый парень. Поэтому он работает не на себя, а на дядю – адмирала Джима Сандекера, большого любителя и собирателя различных древностей.

Как-то раз, когда адмирал со своей командой занимался подъемом некоей статуи со дна морского у берегов Нигерии, Дирк вдруг увидел, как на берегу несколько негодяев пытались изнасиловать, а может, даже и убить очарова-

тельную девушку. Она, конечно, сопротивлялась изо всех сил, но ее хрупкое очарование не могло долго противостоять натиску вооруженных мужчин. Разумеется, Дирк не мог остаться в стороне.

Оказалось, что эта девушка – доктор Ева Рохес из Всемирной организации здравоохранения, которая исследует загадочную болезнь, ставшую причиной смерти нескольких нигерийцев. Не допустить эпидемии – вот главная задача Евы. Реализовать свою мечту – главная задача Дирка. А мечтает он найти броненосец «Техас», который в самом конце войны за независимость США был нагружен золотом и отправлен в безопасном направлении. Однако корабль до пункта назначения так и не дошел. Дирк считает, что броненосец заблудился в Атлантическом океане и оказался в районе Африки. Теперь ему предстоит его найти. И он в конце концов находит его в глубине Сахары, там, где

раньше было море. В общем, «развесистая клюква» по-американски.

На роль Евы режиссеры пригласили испанскую красавицу Пенелопу Круз. Как писал один известный кинокритик, «красивую и совершенно бездарную дурочку, которая попала в актрисы исключительно из-за внешности. Пригласили ее просто для мебели. Однако ее торжественные выходы режиссер предусмотрительно свел к минимуму. Так что большую часть экранного времени доктор Рохес тусовалась где-то на заднем плане, а для заднего плана внешность у нее вполне подходящая». Конечно, на ее фоне МакКонахи как актер выглядел просто великолепно.

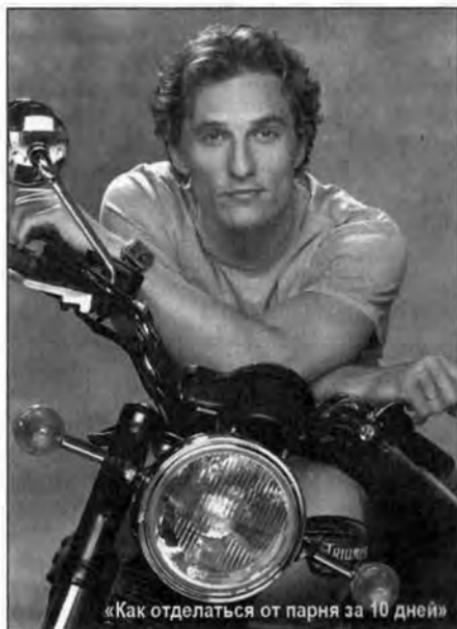
Пенелопа и Мэттью сразу нашли общий язык – испанский. Штат Техас граничит с Мексикой, и Мэттью, как все дети, на лету овладевал наречием соседей, играя со сверстниками. Что же касается

романа, то тут актер своему слову не изменил: их нежные отношения завязались не на съемках блокбастера, а после того, как работа над «Сахарой» завершилась. Сразу поползли слухи о том, что между двумя звездами просто искрит вольтова дуга. Мэттью, не стесняясь, признавался: «Я живу и дышу только ею. Я мечтаю быть с ней каждую минуту, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Я засыпаю с одной мыслью – скорее бы утро, чтобы снова увидеть ее». Мэттью усматривал тайный знак судьбы в том, что занял место Тома Круза не только в фильме, но и в сердце Пенелопы. Он вынашивал планы романтического путешествия с возлюбленной через всю страну в трейлере, который предпочитал уюту калифорнийского дома, они вместе летали на уик-энд в Лондон и тусовались в нью-йоркских клубах. Но уже через год эти двое прошли отдельно друг от друга на церемонии вручения «Золотого глобуса». А вскоре они известили всех, что расстаются, ссылаясь на разделяющий их плотный график работы. Однако эта шаблонная мотивировка никого не могла обмануть – ведь раньше работа не мешала им летать друг к другу через океан. Истина скрывалась в словах Мэттью: «Пенелопа – испанка, я – техасец, в нас обоих течет горячая кровь». Пенелопа, обжегшись на отношениях с Крузом, жаждала реванша и желала быть хозяйкой положения. Но МакКонахи совсем не подходил для этой роли.

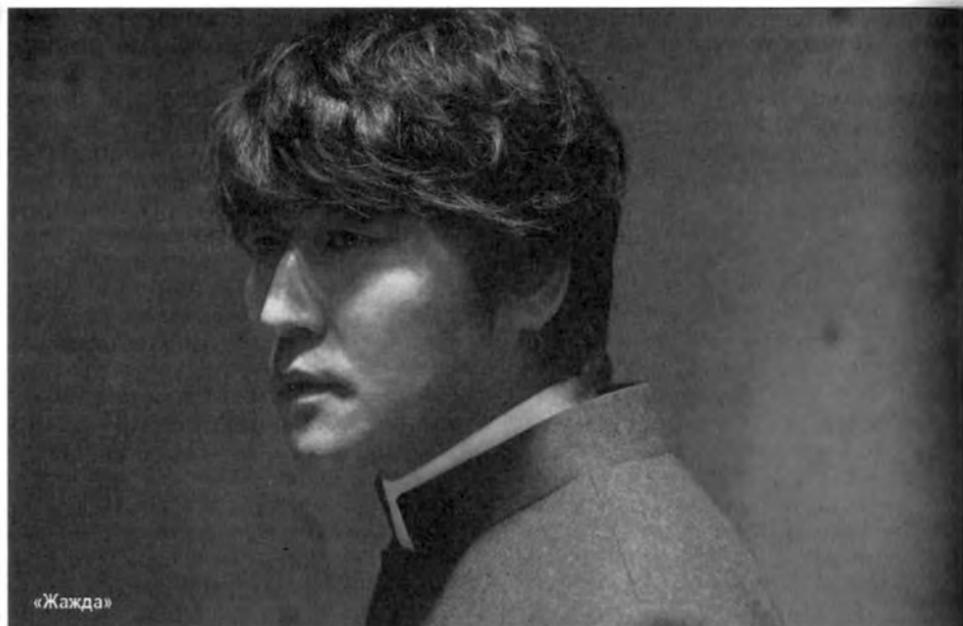
С МОМЕНТА официального признания в карьере МакКонахи было несколько этапов, каждый из которых наглядно доказывал – этот парень не остановится на достигнутом. Первым оказался период героических ролей. Мэттью стал

партнером Джоди Фостер в фантастическом фильме «Контакт», сыграл у Стивена Спилберга в «Амистаде», блеснул в роли американского офицера в «U-571». Затем наступил черед комедий: «Свадебный переполох», «Как отделаться от парня за 10 дней». Нынешний этап – комедийно-приключенческие фильмы, где Мэттью положено сводить с ума зрителей своим умопомрачительным торсом и соблазнять звездных партнерш по кадру, как было в «Сахаре» с Пенелопой Круз и «Золоте дураков» с Кейт Хадсон. Между прочим, всё это говорит о том, что сегодня роль любого ампула не станет для актера камнем преткновения.

«Как отделаться от парня за 10 дней» – самый популярный кассовый фильм с участием МакКонахи. Его сюжет может показаться не очень правдоподобным, однако все согласятся с тем, что он чрезвычайно увлекательный. Энди Ан-

«Как отделаться от парня за 10 дней»

«Жажда»

что они делают, и называется словом «резня». Документальная стилистика и «натуральность», обеспеченная использованием цифровой видеокамеры во второй, ночной части фильма, усугубляет ощущение жестокости и беспредела происходящего. Понимаю, что употребляю одни и те же слова слишком часто, но так оно и есть. В каком-то смысле Мендоза ведет себя как эксгибиционист, понуждая зрителя смотреть на изобразительную изобретательность бесконечных, перетекающих одна в другую сцен насилия и крови.

Не уступает в жестокости и южнокорейская «Жажда» («Вак-джи») режиссера Пак Чхан-ука, снятая по мотивам романа «Тереза Ракен» Эмиля Золя, а потому имеющая в своей основе довольно-таки солидную драматургию. Приходской священник возвращается из Африки, где он участвовал в медицинском эксперименте против смертельно опасно-

го вируса и заодно случайно стал вампиром. К чудесно излечившемуся священнику начинают стекаться толпы страждущих. Среди паломников он узнает своего друга детства, в жену которого тотчас влюбляется. Та отвечает ему взаимностью. С каждым днем вампиру-священнику всё труднее сохранять в себе человеческое. Женщина предлагает священнику убить ее мужа. У Золя, естественно, не было ни намека на вампиризм, но, несмотря на это, его книга была встречена «негодующим воем» благонамеренных сограждан. Спустя полтора столетия мы стали лояльнее, и фильм по мотивам сожженной «безбожной» книги был взят в конкурс Канн.

Конечно, не всё так мрачно. Сквозь грозовые тучи депрессии можно разглядеть обаятельнейшее «Штурмуя Вудсток» («Taking Woodstock») Энга Ли, кино-но-стальгия по первому молодеж-

ному фестивалю музыки и мира, приуроченная к его сорокалетию.

Романтическая и историческая (действие происходит между 1818 и 1821 годами) мелодрама Джейн Кэмпбелл «**Яркая звезда**» («Bright Star») о любви 23-летнего поэта Джона Китса и его поклонницы Фанни Браун, несмотря на трагическую обреченность гениального юноши, больного туберкулезом, также отмечена жизнеутверждающей мощью, заложенной в характере юной возлюбленной в исполнении Эбби Корниш.

И лирическая комедия «**Сорняки**» («Les herbes folles») классика Алена Рене, получившего специальный приз за вклад в киноискусство, не раз заставит улыбнуться зрителя и восхититься режиссерской виртуозностью, пластикой и музыкальностью. Мужчина находит на тротуаре сумочку женщины и по ее содержанию пытается нарисовать образ незнакомки. Он придумывает ей

характер, примеряет разные профессии, наконец, он, отец семейства, влюбляется в нее безоглядно. «Я сам обманываться рад...» — писал Александр Сергеевич. Вот вот, и у Рене тот самый случай. Не комедия ошибок, а грустная романтика ошибок. Чудесное кино, посмотрите его, если подвернется, и не забывайте: автору почти девяносто. Мало кому удавалось в его возрасте снимать такие картины.

Великолепное кино о кино Педро Альмодовара «**Разомкнутые объятия**» («Los abrazos rotos») с Пенелопой Круз в главной роли осталось без приза. В страшной автомобильной аварии известный сценарист и режиссер потерял возлюбленную и зрение. Прежде у него было два имени: настоящее Матео Бланко, которое он ставил в титры своих фильмов, и псевдоним Харри Кейн, которым он подписывал книги. После автокатастрофы он стал пользоваться то-

«Яркая звезда»

лько псевдонимом – кино он всё равно снимать не может, а так ему проще думать, что Матео погиб вместе с любимой. Но через четырнадцать лет он всё-таки вспоминает прошлое и рассказывает своей агентше Джудит и ее сыну Диего, которые за ним ухаживают, историю любовного четырехугольника, закончившуюся той жуткой автокатастрофой. Таким образом в картине Альмодовара, как в нашей родной матрешке, много историй: история Харри, история Матео, история богача Эрнесто Мартеля, у которого Матео отбил Магдалену, наконец, история самой Лены, которая была его бессмертной возлюбленной, *femme fatale*, актрисой. И еще множество других историй, рассказанных с любовью и какой-то несвойственной Альмодовару меланхолией. Две большие страсти Альмодовара соединились в фильме – любовь к Пенелопе Круз и любовь к кино. «Делать фильм» – так назвал

когда-то маэстро Федерико Феллини свою книгу о кино, теперь его младший коллега из сопредельной средиземноморской страны Испании сделал фильм о том, как и из чего делается фильм. Слепота главного героя для Педро Альмодовара знакова, ведь кино делается из образов, рожденных непосредственным зрением, а памятью, эмоциями. Поэтому фильм получился стилизаторский, кинофильский и очень сердечный.

НУ А ТЕПЕРЬ от мрачного фестивального великолепия перейдем к жизнеутверждающей коммерческой серости. Впрочем, последнее на этот раз не совсем правда, скорее стилистическое преувеличение, баловство. На самом деле афиша лета разнообразна, многолика и состоит из настоящих легенд проката, которым зритель, несомненно, будет рад. Например, третья часть замечательного мультика «Ледниковый

период» или новая лента «сам себе режиссера» Джима Джармуша. Соскучились и по волшебнику-переростку Гарри Поттеру, и по великолепному актеру Джонни Деппу, который на этот раз выступит в роли знаменитого Диллинджера. Есть, конечно, и обыкновенные драчки на ринге, историческая романтика, а рядом с ними совершенно необыкновенный, почти не доступный нашему сознанию или, если угодно, менталитету, японский фильм «Ушедшие» («Okuribito»).

Безработный виолончелист Дайго Кобаяси (Масахиро Мотоки) решает вернуться в родной город, чтобы начать жизнь заново. Прочитав в газете объявление о том, что фирме требуется специалист «по путешествиям», он отправляется устраиваться на работу, думая, что попадет в турфирму. Но оказывается в ритуальной конторе, где и обнаруживает случившуюся с ним «трудность перево-

да»: дело в том, что японское слово «okuribito» означает «отправление» – тоже своего рода путешествие, только в мир иной. Несмотря на протесты жены, он поступает на службу и становится «ноканси» – так в Японии называют похоронщиков – специалистов по траурным церемониям, которые посредничают между живыми и ушедшими. Таким своеобразным способом главный герой вновь обретает смысл жизни. Фильм снят по мемуарам ноканси Симон Аоки «Похоронщик» и получил Гран-при Монреальского МКФ и «Оскар» за лучший иностранный фильм 2008 года. Картина отличается невероятной жизнеутверждающей силой, хотя, казалось бы, затрагивает преимущественно тему смерти – ведь «клиент всегда мертв». Однако оказывается, что смерть – это лишь повод подумать о смысле нашего пребывания на земле, о том, насколько осуществились на-

ши мечты, наконец, свести счеты с прожитыми годами. Фильм снят в традиционной стилистике и, казалось бы, не открывает ничего нового – возвращение в родные места, противопоставление тихой провинции хаосу метрополии, поиски собственных корней и смысла жизни. Вместе с тем центральная тема пусть не покажется вам исключительно японской: на поверку она универсальна, близка и понятна людям разных культур, религий, менталитетов. Простота изложения, легкий юмор позволили авторам избежать и близких слёз, и ничемного умилительного сострадания. Природный цикл таков – и жизнь в самом деле «смертельная болезнь», а кино всё-таки народное искусство, поэтому, когда автор честен со зрителем, ему удается и развлечь его, и взволновать, и кое-чему научить.

Не попавший в Канн Джим Джармуш снял новый фильм «Предел контроля» («Limits of

Control») с Тильдой Суинтон, Биллом Мюрреем и многими другими постоянными его актерами. Да и сам фильм очень характерный, джармушевский, внешне бессюжетный, неспешный, абсурдный, завораживающий хитро-сплетением невидимых нитей, плетущих историю, характеры, неповторимую авторскую стилистику. И всё же рискну утверждать, что на этот раз Джармуш запутался, и сюжет не получился. Безымянный киллер (Исаак Де Банколе) путешествует по нетуристической Испании, пытаясь завершить не задавшееся с самого начала дело. Уверена, что «поход на Джармуша» для большинства зрителей давно решенный вопрос. В фильме нет ничего принципиально нового, чтобы это решение менять.

Историческую и автобиографическую мелодраму «Запретная любовь» («The Edge of Love») снял режиссер из Великобритании

Джон Мэйбери («Пиджак», «Любовь – это дьявол»), который недавно вошел в сотню самых влиятельных британцев, представителей сексуальных меньшинств. История сложных взаимоотношений между поэтом Диланом Томасом, его женой Кейтлин, его подругой детства Верой Филипс и ее мужем Уильямом Килликом превратилась в сценарий благодаря актрисе и сценаристке Шэрман МакДоналд, известность которой принес тот факт, что двадцать четыре года назад она стала матерью актрисы и звезды «Пиратов Карибского моря» Киры Найтли. Собственно, для любимой дочери Шэрман и написала этот сценарий: ей показалось, что Кира как нельзя лучше подходит на роль Кейтлин. Правда, сама Кира решила иначе и предпочла роль певицы Веры, к которой поэт в юности воспылал недюжинной страстью. Летом 1945 года во дворе дома Дилана Томаса был арестован не-

кий Уильям Киллик, при нём были найдены пулемет и две гранаты. Зачем с таким грузом занесло его к известному лирику, так и осталось загадкой. Шэрман разработала свою версию, которая и стала фильмом «Запретная любовь». Учитывая репутацию режиссера, можно предположить в этом четырехугольнике самые разные конфигурации. Для поклонников звезды «Пиратов Карибского моря» сообщаю, что впервые Кира Найтли будет сама петь на экране. Не боги горшки обжигают, не звезды выводят ноты, а студийные мастера, пишущие фонограммы.

Хоррор «Затащи меня в ад» («Drag Me to Hell») задуман и снят Сэмом Рэйми, который после трех серий комиксов «Человек-паук» и, готовясь к четвертой, решил, что пора вернуться к замыслу, который десять лет ждал своего часа. Молодая женщина Кристин Браун (Элисон Ломан), банковская служащая, отказывает в кредите ста-

«Запретная любовь»

рой миссис Гануш (Лорна Рэвер), что ставит ту в трудное, практически безвыходное положение – угроза остаться без жилья и очутиться на улице становится реальностью. Старушка, однако, оказалась не проста, она умела накладывать действенные древние заклятья. И Кристин Браун в одночасье превратилась в жертву отправленного по ее следу демона. Поначалу девушка только отрицала его атаки, но вскоре поняла, что необходимо изобрести более радикальный способ, чтобы раз и навсегда избавиться от зла. Те, кто знаком с творчеством Сэма Рэйми, знают, что он автор умный и предпочитает развлекать в большей степени, нежели прямолинейно и тупо пугать... Его фильмы напоминают аттракцион ужасов в парке развлечений. И потом в фильмах Рэйми всегда есть более высокий моральный смысл: героиня его новой картины, в общем-то, совестливая и че-

стная девушка, которая ради банковской карьеры похоронила и совесть и честность в самом дальнем уголке своего «я». В случае со старой дамой Кристина поступила плохо, но у нее были для этого основания и оправдания. Достаточные ли, чтобы не отправиться прямиком в ад? Вопрос. Моральная дилемма приведет к моральному же финалу, о котором умолчу, чтобы не портить впечатление от просмотра хорошего фильма. Скажу вот только, что есть в фильме жених Кристин, на которого можно было бы опереться, но... А еще есть индийско-американский мистик Рэм Джес (Дилип Рао), от которого можно было бы ждать помощи, но... Пока вывод только один – поосторожнее с подслеповатыми старушками, похожими на цыганок и размахивающими крючковатым пальцем у вас перед носом.

На первый взгляд «Бой без правил» («Fighting») – энный фильм

отсутствуют страницы в скане

Сегодняшний маршрут нашей Телеги – не длинный: поедem всего в одно место... Не смейтесь заранее: поедem в КВН. Зато уж там-то шутки – выше крыши: шутит молодежь и над собой, и над друзьями, и над жизнью вообще. И, надо сказать, иногда получается смешно. Мы не стали указывать авторов этих забавных фраз и юмористических диалогов: кто бы их ни произнес на сцене, у них, на наш взгляд, есть все шансы стать фольклором. А это, что ни говори, – высшая награда для юмористов.

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАН БУРАТИНО?

– А вам никто не говорил, что вы красивее гуманоида?

– Говорили, да я не верила. А вам, гуманоиду, верю.

Президент Медведев велел школам бороться с культурой эмо. И вот Архангельск дал первые результаты: ученики шестого класса сожгли на костре учительницу рисования Эмму Ивановну!

– А закончить нам хотелось бы словами Михайло Ломоносова: «Короче, будут спрашивать, где тут ваш призывник, вы ничего не знаете! Ушёл в столицу и всё тут!»

– А мы приехали с Прибалтики и тут в Питере некоторых вещей не догоняем.

– Автобусы не догоняем, троллейбусы не догоняем.

– Вчера сумку украли, тоже не догнали!

Пирсингованный парашютист разбился насмерть, так и не найдя нужное кольцо.

В нашей гимназии учителя запряцают нам жевать жвачку, и поэтому нам приходится курить, чтобы отбить её запах.

Сомалийские пираты в Аденомском заливе поймали Фёдора Конохова и потребовали выкуп.

После того как его выкупали, Фёдор попросил его еще побрить и приласкать.

– Мужики такие однообразные: цветы, конфеты, открытки, духи... Хотя, девочки, давайте сегодня потерпим.

Все детишки во дворе хотят стать, как Андрей Аршавин, и переехать в соседний двор...

– Кать, Кать, а пойдём ко мне домой мультики смотреть!

– Нет, у меня что-то голова болит.

Федор Бондарчук снял новую картину стоимостью 1,5 миллиона долларов. Всех, кто знает о местонахождении Федора, просят обратиться в Эрмитаж.

Злым преподавательницам после секса никогда не бывает хорошо. Им бывает удовлетворительно.

Во время фейерверка, посвященного Году молодежи, случайно была взорвана типография газеты «Жизнь». Как заявил главный редактор: «Вся жизнь перед глазами пролетела».

Саша – она как трикотажная кофточка: в самый неподходящий момент линяет.

В Благовещенске на таможне в пачке китайских пельменей были задержаны пять нелегальных эмигрантов. По словам таможенников, к пачке пельменей их привлек звук швейной машинки.

– Девушка! Я стоял там за кулисами и понял, что именно вас я видел в своих снах в холодной Воркуте. Я хочу сделать вам предложение. Я понимаю, что всё очень сложно, и вы можете не отвечать мне сразу. Но знайте – ваш отказ принесет мне боль и страдания. Девушка, будьте... моим поручителем в банке!

Никита Михалков застал свою жену с любовником. Пытаясь оправдаться перед мужем, она получила от него двух «Золотых орлов» за лучший сценарий и лучшую женскую роль.

Элли с Тотошкой всегда мечтали вернуться в Канзас, но Железного дровосека почему-то тянуло в Магнитогорск.

Студент Петров в «походе первокурсника» спас честь двенадцати первокурсниц, потому что уснул!

Утро первого января – международный день эмо. Жить не хотят все!

– Мужики, а я на рыбалку.

– На «Евровидение» зайди. Там рыбакам везет.

– Анна Павловна, вы фантастическая женщина!

– Ну что вы, самая обыкновенная! Просто у вас фантазия скудная.

Беспредел в животном мире! Бабочка-однодневка напи-

лась, всех обматерила, взяла кредит в долларах и сдохла!

Оказывается, первый гей-парад прошел еще в 1941 году, когда немцы шли на Советский Союз. Ну как их еще назвать?!

– **Я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной – обычно первая срывается.**

– И вот идем мы с ним рука об руку по лесу темному, а дорожка всё уже и уже, а мы с ним всё ближе и ближе...

– Подозреваемая, вы будете показывать место преступления или нет?!!

Бутылка вина 1985 года выпуска раскрепостила Вику 1986 года выпуска.

– Анджелина Джоли усыновила уже троих детей. Уважаемый Брэд Питт, я начинаю сомневаться в вас, как в мужчине.

Сентябрьский номер журнала «Гламур» вышел с бесплатным тестом на беременность. Лучше б в июньский презервативы положили!

Ружье, висевшее на сцене Козлоградского ТЮЗа тридцать лет, выстрелило в самый неподходящий момент. Бедные детишки с ужасом увидели, что Буратино сделан вовсе не из дерева.

Уборщица на «Титанике» последние двадцать минут задолбалась тряпку выжимать...

– Серёга, чего ты такой веселый?

– Меня девушка бросила!

– Так ты вроде грустить должен?

- Смотри фото...
- Так у тебя праздник!!!

Безработный Василий мечтал об автомобиле и даже телевизор втайне ласково называл «коробка передач».

Старик всегда мечтал о внуках, но непослушные дочери приносили в подоле только яблоки из сада.

Как известно, девушки делятся на две категории: хорошо одетые и хорошо, что одетые.

Вчера один дебил пропал без вести. Теперь он дебил, которых поискать надо.

Дорогой зритель! Если ты хочешь хлеба и зрелищ, то у нас есть рогалик с титьками.

Парень из села поступает в университет. Давайте послушаем мысли членов его семьи:

Отец: Хоть бы поступил, хоть бы поступил!

Мать: Хоть бы на бюджет, хоть бы на бюджет!

Брат: Хоть би зїхав з комнати, хоть би зїхав з комнати!

Свиня: Хоть би не зарізали. Хоть би не зарізали!

– А давайте вызовем стриптизершу?

– Давайте...

– Иванова, к доске!

Словами: «Щедрий вечір, добрий вечір» начинается драка в культурных районах Ивано-Франковской области.

Оказывается, «Камасутра» изначально была пособием по греко-римской борьбе, а потом кто-то что-то подрисовал, и пошло, завертелось...

– Маш, почему ты постоянно смотришь на моего парня?

– Хватит считать постер Димы Билана своим парнем!

– Юля, вот ты мне скажи, почему у тебя такое красивое тело и ты им не пользуешься?

– А я его в аренду сдаю.

– Посуточно?

– Поштучно.

Катя может прожить без еды шесть дней, а Оля восемь. Вопрос: у кого из девочек беднее хахаль?

Голова на свадьбе как майонез. Как ни крути – в салат попадёт.

А больше всего от кризиса пострадал казанский школьник Марат. В день, когда его нервного отца уволили с работы, он еще и двойку получил.

Сорок процентов школьников после выпускного поступают без экзаменов в выпрезвитель.

Уральские женщины не прячутся за спинами мужчин, потому что не помещаются.

– Представляете, у меня дед только что посмотрел «Властелин колец».

– Ну и что, как?

– Говорит, нормальный фильм, только немцы страшные.

Группа «Сливки» разделась для журнала «Playboy», а группа «Чи-Ли» – для журнала «Крокодил».

Магадан – это нетронутый уголок России! Поэтому ведите себя хорошо, чтобы вас не поставили в угол!

Уэтой группы непростая судьба: намечались взлеты, случались падения. Солистка немецкой супергруппы «Guano Ares» Сандра даже заявила, что их музыка отвечает европейскому уровню, а на «Максидроме» их выступление признали одним из лучших проектов фестиваля. Однако музыкальная фемида была к ним не слишком благосклонна.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ ГРУППЫ «TOTAL»

История создания «Total» напоминает арабскую сказку, рассказанную в Европе, где есть зажигательная музыка Востока и саксонский сплин, преодоление трудностей и внезапные повороты судьбы. Новый проект Максима Фадеева появился в 1998 году, и то, что он был его продюсером, обещало что-то интересное и неординарное.

В то время основной работой Фадеева как продюсера-композитора-аранжировщика было сотрудничество с певицей Линдой. Его супруга создала девушке своеобразный запоминающийся имидж, а усилиями Фадеева она превратилась из рядовой попсерки в рокершу, которую признали в свое время прорывом года. Правда, расставшись со своим создателем, она как-то незаметно ушла в тень, где пребывает и по сей день. В чём-то ее судьбу повторила и группа «Total».

Фадеев уже давно параллельно опытам с трип-хопом и этнической поп-музыкой мечтал поэкспериментировать в жанре мелодичной альтернативы и сделать что-нибудь в духе группы «Red Snappers». Для технической реализации этих идей нужен был соответствующий коллектив. Вот эту задачу и предстояло решить «Total». В первую очередь ему была нужна певица с оригинальным форсированным вокалом. Вот тут-то и началась сказка, способная заставить прослезиться особенно впечатлительных меломанов. Сказка, похожая на быть.

Путешествуя по Ближнему Востоку, Фадеев в одном из клубов Дубаи встретил певицу, поразившую его своей экспрессивной манерой. Стройная светловолосая девушка импульсивно исполняла «весь этот джаз двадцатого века». По рассказам Фадеева, больше всего его поразил демонический взгляд певицы: «На сцене эта девушка переставала быть человеком. Я не знаю, кем она была в этот момент. Она словно улетала в другой мир. И это завораживало». В итоге улетела девушка не в другой мир, а в Москву. Фадеев пригласил Марину к сотрудничеству и прямо на обеденной салфетке написал свои координаты. Всё это очень похоже на правду. Однако забавно выглядит эта салфетка с координатами, поскольку, как выяснилось позднее, Марина Черкунова, которая так понравилась продюсеру, была на самом деле его двоюродной сестрой.

К тому же у них немало общего. Как и Фадеев, Марина когда-то училась в курганском музучилище, так же, как он, закончила его по специальности «руководитель хора», а затем сама пела в хоре, работала с начинающими рок-группами как концертмейстер, преподавала музыку в музыкальной и общеобразовательной школах. Но быть человеком из хора и заниматься музпросвещением Марине казалось делом для нее незначительным, а потому вскоре надоело: «В Кургане мне не хватало адреналина, меня тянуло на острые ощущения, я не хотела сидеть на одном месте и решила радикально изменить свою жизнь». Так Марина очутилась в Объединенных Арабских Эмиратах, куда она попала по контракту, который заключил с ней местный клуб.

Фадеев вместе с Мариной обсудили стилистику будущего проекта, выбрав в конце концов творческий коридор между «Portishead» и «Garbage». Часть музыкального материала у Фадеева уже была готова, на примете были

неплохие музыканты – в частности, гитарист Гена Гаев, тоже из Кургана (а где же еще, как не в своем родном городе, найти приличного гитариста?).

После выхода альбома Линды «Плацента» и сольного альбома Фадеева «Ножницы» у Максима, наконец, появилась возможность целиком посвятить себя проекту. На немецкой студии Фадеева сам Максим, Черкунова, Гаев и несколько приглашенных музыкантов записали вариант дебютной пластинки. «По аранжировкам материал получился очень сильный, – вспоминает Фадеев, – во многом благодаря чрезвычайно профессиональным немецким диджеям, которых я пригласил». Однако музыканты вдруг ощутили некоторый дисбаланс между своим внутренним экстремальным драйвом и медитативным трип-хопом альбома. Альбом было решено не выпускать. Странно, однако, что, записывая альбом, они этого дисбаланса почему-то не замечали. Видимо, за это время у них изменился драйв. Правда, простым меломанам этого, видимо, понять не дано.

Сериял этой записи куда-то исчез, а вместе с ним исчезла и часть музыкантов. С завидным упорством Фадеев стремился осуществить задуманное и вместе с Мариной и Гаевым решил начать с нуля. Фадеев создавал новые песни, Марина записывала вокальные черновики, а Гаев занимался подбором новых музыкантов. Итогом его поисков стала новая ритм-секция – Анатолий Караваев (бас-гитара), Женя Никулин (барабаны). Почти хип-хоповым скретчем грандж-гитары разбавила диджей Аня Корнилова из Волгограда.

Все участники группы были с высшим образованием, хотя и не с музыкальным. Караваев и Никулин окончили институт электроники и математики, Аня Корнилова по образованию юрист, мастер спорта по самбо, вольной борьбе и дзюдо, Женя Никулин занимался прыжками в воду, Марина увлекалась баскетболом, занималась стрельбой и парашютным спортом, хотела даже поступать в институт физкультуры. Вот и получился в итоге такой спортивный союз физиков и лириков.

Вообще-то поначалу планировалось, что группа будет называться «Тату». Под этим рабочим названием молодые энтузиасты долгое время записывали песни, репетировали и даже успели отправить свои демо-записи на радиостанции. Они не предполагали, что кто-то может зарегистрировать такое название раньше них. А когда узнали, были несколько обескуражены – всё-таки уже привыкли к названию, принятому в начале. Пришлось выдумывать новое. Были варианты – «Мел» и «Габилу». Слово «Total» нашли случайно, и оно им понравилось. А на тех, кто стал «Тату», у них никаких обид нет. Тем более что это название группе из двух девиц в ту пору, когда закулисье шоу-бизнеса полнилось слухами об их нетрадиционной ориентации, приходилось как нельзя кстати. «Та – ту» – ясно же вроде, что к чему. На самом деле всё оказалось обыкновенным пиаром.

Для вновь создаваемой группы поначалу название «Тату» имело совсем иной смысл. Марина Черкунова по просьбе братика вытатуировала на макушке некое подобие своей жизни. Таким теперь останется ее затылок на всю оставшуюся жизнь. Мысль сделать Марине тату посетила Макса уже давно. Ему нравятся такие изыски. Работая с Линдой, он приучил ее прокалывать себе всё, что только можно. Затем сподвигнул Марину на шаг, который разукрасил ее голову, – вообще-то смотреть на это не очень приятно. Ну а потом Марина увеличила количество наколок до трех штук: теперь ее шею украшает извивающаяся змея, а на плече обозначены серп и молот.

Дебют группы состоялся в пятистах метрах от Кремля на грандиозной шоу-выставке журнала «Космополитен» в декабре 2001 года. Команда уже тогда привлекла внимание специалистов непомерно мощным звуком и прямо-таки акробатической пластикой вокалистки: она демонстрировала на сцене невероятные трюки, прыгала выше микрофонной стойки и доставала рукой до звезд. Спустя месяц в модном столичном клубе «16 тонн» состоялся первый

сольный концерт «Total», а также пресс-конференция и презентация нового клипа «Камасутра». Рев гитар было слышно на улице, под грохот барабанов сотрясались стены пивного бара. В ходе пресс-конференции гостям предложили посмотреть интервью с немецкой супергруппой «Guano Apes», музыканты которой тепло отозвались о творческих поисках «Total». Они были приятно удивлены, узнав, что, по их мнению, в России есть музыка, которая отвечает европейскому уровню: «Если вас будут с кем-нибудь сравнивать, забейте на это. Ведь вы действительно классные».

Свой класс группа подтвердила весьма своеобразно на концерте в Центральном Доме художника. После четвертой песни, когда объявили хит «Камасутра», администрация ЦДХ вырубил звук в колонках. Безумный ор и рев инструменталистов превысил все допустимые пределы – на первом этаже рухнула часть картин экспозиции «Пираты XXI века», а на втором начали дрожать стёкла и сыпаться штукатурка. В итоге напуганная несанкционированным погромом дирекция не дала группе доиграть, отключив микрофон солистки от пульта. Зато в тот же вечер группа, в биографии которой насчитывалось всего два выступления, получила приглашение сыграть в качестве «специального гостя» на концерте Мэрилина Мэнсона в Олимпийском. Prestижно и лестно... На самом деле всё было гораздо проще. За два дня до концерта звезды в Москве выяснилось, что «разогревающая» группа «Papa Roach» не сможет участвовать в нём по техническим причинам (если нет необходимости, причины всегда найдутся). «IFK» тоже отказались, как и многие другие. «Total» же решил, что для них это хороший шанс заявить о себе.

Вообще выступать на «разогревах» – дело совсем не благодарное. Все ждут главного героя, а «разогревальщики» остаются на втором плане. Кроме того, западная практика выделения хедлайнера за счет «специальных гостей» прочно укоренилась в шоу-бизнесе. Музыканты знали, что будет тяжело, знали, что для пятнадцати тысяч зрителей им предстоит выступать в роли «темной лошадки», готовились к любым сюрпризам. Но действительность превзошла все ожидания.

Для начала группу лишили возможности подготовиться к выступлению – ей попросту не выделили на это времени. Пропуска на сцену выдали сразу не всем участникам группы, в результате чего часть аппаратуры попала на сцену на хрупких девичьих плечах Ани и Марины. Во время выступления звук с пульта шел на сцену через пульт Мэнсона, где его с азартом гасил заокеанский звукорежиссер, и звук в мониторах отсутствовал как класс. А световое оформление напоминало дискотеку в каком-нибудь сельском клубе – качественный свет и звук берегли для Мэнсона. И тем не менее, несмотря на откровенный саботаж, зал принял новорожденную группу довольно приветливо. После всего этого музыканты поведали журналистам, что больше с Мэнсоном выступать не будут: «Мы держались, хотя от напряжения можно было заработать разрыв сердца. Мы отстояли, мы не испугались». Здесь так и хочется заметить: дорогие наши соотечественники, неужели вы не могли потребовать, чтобы для вас создали комфортные условия, ибо в противном случае вы пошлете всю эту затею по известному адресу. А для «разогрева» заезжие светила пусть использует в таких случаях подручные средства и «греются» сами. Только почему-то духу не хватило. Наверное, блеснуть хотелось, даже терпя все унижения. А стоит ли это того?

Группу заметили, она стала неизменным участником разных музыкальных фестивалей, особо отличилась на «Нашествии 2001» в подмосковном Раменском: мощный звук сделал свое дело – громче них никого не было. Затем был фестиваль в Кельне, где группа играла в обойме со звездами мировой экстремальной рок-сцены. «Total» даже довелось выступить в крупном культурном клубе «Live Music», где спетая по-английски композиция «С добрым утром» вызвала восторг зрителей. Немецкий тур группы завершился тем, что легендарный лейбл «Indigo» предложил ей подумать о контракте.

Свой новый альбом «Total» начали записывать в конце 1999 года в двух столицах – Праге и Москве, а также немецком Франкфурте, где происходил и мастеринг при помощи звукооператоров из группы «Guano Apes». «Я на сто процентов убежден, что этот проект займет достойное место, у него свой слушатель, потому что "Total" сделан мной. Радиостанции будут просто драться за наши песни, – сказал Фадеев в начале 2001 года в одном из интервью. – Это довольно благородное занятие – поднять уровень восприятия наших меломанов до европейского». Это был тот редкий случай, когда интуиция подвела доселе удачливого продюсера. Уровень российских слушателей, впитавших с молоком матери более эстрадную музыку, так и не вышел на уровень творчества «Total». Радиостанции за песни не дрались. Та же картина происходила на телевидении. Конечно, никто из музыкантов не хотел соглашаться с тем, что это был провал. Увы, это было именно так. Правда, в тот момент Фадеев еще не расстался с «Total». Скорее всего потому, что все бы решили: его «Total» – мертворожденное дитя. Впрочем, если об этом никто и не говорил, то все понимали, что это именно так. Фадеев взял паузу: если группа выживет – хорошо. Ну а на нет и суда нет.

Вообще получалось так, что популярность группы имела чисто культовый характер. Музыкантам казалось, что их музыка поднялась до европейского уровня, а вот уровень российских слушателей, которые довольно прохладно относились к музыке, лишенной мелодий, на европейский уровень так и не вышел. Так или не так, только истинные причины того, что «Total» резко ушел в тень, были, наверное, всё же в другом. Группа была продюсерским проектом. «Макс занимался всем. Мы были единицами в роли музыкантов этого проекта. Сами-то что-то сделать мы были вроде как не уполномочены», – говорит Марина. Но самое главное – меломаны не оценили и не приняли творчество «Total», а потому проект не приносил никаких дивидендов. Вначале почувствовала опасность Аня, которая первой сбежала с тонущего корабля. Музыканты ушли работать на «Фабрику...» к Юлии Савичевой, и в 2003 году

проект решили закрыть. Фадеев бесповоротно расстался с группой, Марина осталась не у дел. Братец не пригласил ее ни в один из своих проектов, а больше ее форсированный вокал, демонический взгляд и акробатические прыжки оказались никому не нужны. Итак, одно из самых странных порождений продюсерского творчества Максима Фадеева – группа «Total», которая изначально должна была сыграть в российском шоу-бизнесе роль немецкой группы «Guano Apes», – потерпела крах. То ли не все песни в исполнении Марины были в нужной степени «альтернативны», то ли были еще какие-то веские причины, поспособствовавшие распаду группы, вроде того, что, по признанию Марины, «не было бабла». Наверное, всё же дело в том, что «Total» не сумел стать жизнеспособным коллективом, который может обеспечить свое нормальное существование, позволяющее решать творческие задачи и добиваться поставленной цели.

Но вот в начале 2006 года на сайте группы появилась информация о том, что «Total» работает над вторым альбомом, а в декабре выходит в свет пластинка «Total: 2» («Мой мир»). В 2007 году группа выпускает «живую» версию этого же альбома с названием «Total: 2 (live)». Цифра 2 появилась не случайно – эта музыка совсем не похожа на первую работу коллектива. В общем, вроде бы группа потихонечку вернулась, так же, как несколько лет назад потихонечку ушла. Правда, за время своего молчания музыканты так и не привнесли в свое творчество чего-то нового, а тексты их песен стали еще более бессмысленными и удручающе бездарными. Просто, извините за выражение, какой-то словесный понос. А как сказал поэт, «недержание слова хуже просто мочи». Вот, например, текст песни «Зима», который группа «вывесила» на своем сайте (публикуем ничего не исправляя):

*Не имей лица, и имей внутри
Распечатай сердца, подели их на три
Забирай в себя, оставляй мне дышать
Это думать легко, а попробуй сломать
И ждать, тебе не понять*

*Не давай себя на съедение прим
Ты такой шальной, ты как я не один
Забирай тепло и живи не спеша
Не заметит никто и не даст не гроша
Зачем, это всё насовсем?*

Что такое «съедение прим»? Из текста невозможно понять, при чём здесь вообще зима, зато в припевке слово «зима» занимает треть текста.

*Зима, зима, в голосе, внутри зима
Вписать тебя в повести не смогла
Зима, зима, в голосе, кругом зима
Стрела, стрела в компасе заморожена*

Комментировать подобное творение бессмысленно, потому что смысла в нём нет. И вряд ли во время исполнения этой песни кто-нибудь в зале захочет петь эту белиберду изделия Марины Черкуновой вместе с теми, кто на сцене.

Нельзя сказать, что пока группы «Total» не было, ее сильно не хватало. Но уж коль они вернулись, им придется доказывать, что они необходимы родному шоу-бизнесу. Во всяком случае, очередней за их новым диском не наблюдается – он до сих пор обитает на полках магазинов. Так что у «Total» снова всё впереди.

Ник. КЕДРОВ

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

**Группа «ЛАМПАСЫ»
«МОЛОДЫЕ ХУЛИГАНЫ»**

Талантливый, зажигательный, бьющий по нервам альбом. Может, несколько старомодный по эстетике, задержавшийся во времени, но для неформальной молодежи семидесятых – восьмидесятых пришелся бы ко двору идеально. Первые предвечерние гулянки с портвейном и сигаретами до одури, первые «осмысленные» поцелуи в подворотне, популярные песни в три аккорда на разбитой гитаре, злые выкрики надоедливых хильцов, волнующихся за чистоту лестничных пролетов и подъездных подоконников... И – нежелание идти домой.

Возможно, у нынешних тинейджеров иные страсти, чаяния, желания, но период подросткового взросления и тотального юношеского нигилизма никто еще не отменял, а

стало быть, диск «Лампасов» запросто может прийтись по душе тем, кому «от сорока до двадцати пяти». Короче, это музыка для тех, у кого в душе всегда весна. «На шару песни не умеем мы для вас сочинять, мы вас хотим схватить за душу и до сердца достать, / И кто нам скажет, будто зал мы не взрываем для вас: качаем так, что руки вверх вы поднимаете враз, / И мы стараемся наполнить песней ваши сердца, в своем желании дать вам "кач" мы пойдем до конца». Вирши эти, конечно, во многом несовершенны, зато искренни.

Ребята играют и поют лихо, молодецкато, самозабвенно, в «дворовом стиле», используя для аккомпанемента не только акустическую и электрогитары, но и аккордеон, духовую секцию, перкуссию. Композиции в основном шуточные в стиле рэп или с его вставками («Мы изменяемся», «Не покидай меня», «Демоны», «Снова без тебя»), с элементами брит-попа («Шоколад», «Туда»), танцевально-шансонные («Коты», «Да-да-да», «Небо-земля», «СМС-любовь»).

В творчестве коллектива можно найти множество влияний: рэпера Сереги, группы «Дюна» (особенно в треке «Лягушки»), композитора и поэтессы Любаши, блатного и юношеского фольклора... Юмор, иронию и самоиронию музыкантов можно оценить, в частности, по этому куплету: «Голова моя не варит и в глазах темно, накопилась куча дел, а на уме одно, / Не могу терпеть я

больше, я схожу с ума – знать, в душе моей завелся злой сатана, / Не люблю работать много – надоедает, девушка виляет попой – меня соблазняет, / Не скажу за них я плохо, но порочны они, ведь в душе у них живут злые демоны». Вокруг любовной темы в принципе и кружат все их мысли. Не понравилась только странная садистская фраза «Я для тебя душил котов, моя любовь». И еще – ребятам стоит поработать над дикцией.

Заслуживает уважения, однако, их личностная, жизненная установка: «Мы изменяемся, мы поднимаемся, меняем в обществе свой вес, и наша в мире роль – узнать, в чём жизни соль, и дотянуться до небес...» Вот к этому и надо стремиться.

АННА СЕМЕНОВИЧ «СЛУХИ»

На удивление достойный попсовый альбом с легкими, светлыми песнями. К чести Ани надо признать, что спела она ничуть не хуже любой артистки с «Фабрики звезд» или какой-нибудь «Виагры». Всё чистенько, мило, позитивно. Хорошие, качественные аранжировки с ис-

пользованием живых инструментов, очень профессиональное сведение, «прозрачный» саунд.

Голос артистки в силу его неяркой тембральности и нейтральных интонаций абсолютно не раздражает, а с учетом сексапильной внешности Ани, которая рождает у богатых мужчин слишком смелые фантазии, привлечет на ее сторону еще большее количество поклонников. Композиции тоже довольно приличны – шлягерны, танцевальны, музыкальны. Это конвейер с очень качественным ширпотребом, этаким музыкальный casual. Что неудивительно, поскольку в создании альбома участвовали композиторы, поэты и музыканты очень высокого уровня.

Один шлягер с альбома уже широко известен – это «На моря», спетый Аней в дуэте с турецким певцом Арашем. Но я бы особо выделил юморную «Тирольскую песню» с имитацией тирольского горлового пения и камерной музыки XVIII века. Интересно, что замечательный поэт Константин Арсенев выступил здесь не только в своем привычном амплуа, но и как автор музыки. Получилось очень симпатично.

Стопроцентным хитом при должной раскрутке могли бы стать забойные «Дожди» С. Сорокина и О. Шамиса. Впрочем, вдохновляют и такие стандартные, «солнечные» безделушки, как «LOVE ловила» (здесь потрясающе виртуозна гитара В. Долгина) и «Пела» (с роскошной духовой секцией). Очень неплох мелодичный хип-хоповый трек «Война и мир», исполненный с участием Тимати. Песенка с коронной цитатой из фильма «Покровские ворота» – «Я вся такая внезапная» О. Во-

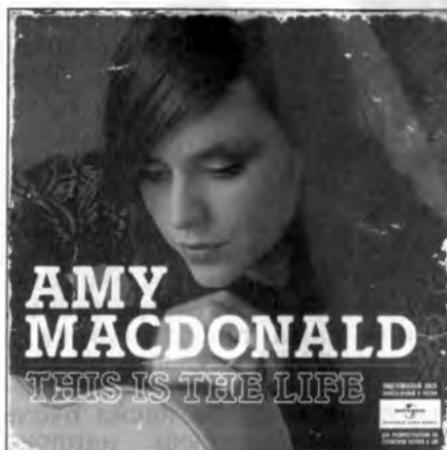
ляндю и К. Арсенева – очень напоминает давнишнюю «Нарядную» Марины Хлебниковой. А вот лирический дуэт с Филиппом Киркоровым «От любви до любви» вышел вяловатый, скучный, хотя абсолютной неудачей его тоже не назовешь.

Всё бы ничего, но странное впечатление производит, пожалуй, заглавная вещь альбома. «Говорят, мой парень – олигарх в Самаре... Говорят, я – гений, номинант на "Грэмми"... И летят по миру, по воде круги. Аня, давай беги!» Чушь! Даже на уровне хохмы. Кто это говорит? Нет таких слухов, Аня. Конечно, хочется, чтобы они были, но вот... нет пока. Так что не надо искусственно раздувать собственное величие. Эта злая мания придет, когда не ждешь. Или уже пришла?

AMY MACDONALD THIS IS THE LIFE

Это дебютный альбом шотландской певицы и автора песен, вышедший еще летом 2007-го, а самой Эми в этом году исполнится двадцать два года. Это потрясающе светлая, красочная, очень оптимистичная, а главное – абсолютно живая музыка. Стиль – обогащенный, оркестрованный бритпоп. Сама девушка прекрасно играет на акустической гитаре, а сопровождают ее электрогитара, бас, ударные, клавишные, саксофон, труба, перкуссия, скрипки, виолончель и другие инструменты. Все аранжировки необыкновенно гармоничны, музыкальны, элегантно и, я бы сказал, хрустальны в почти осязаемом ощущении своей чистейшей благозвучности и саундовой «прозрачности».

Красивый, чистый, уверенный девический голос околдо-

ывает, завораживает и заставляет внимать. Если в композициях Mr. Rock&Roll, L. A. и Poison Prince он звучит довольно жестко, строго, местами даже по-мальчишески, то в This Is The Life и Barrowland Ballroom певица очень трепетна, нежна, романтична – это подчеркнуто чрезвычайно спокойной, почти умиротворяющей манерой пения с частыми придыханиями и легкими вздохами.

Все композиции легко ложатся на слух, они мелодичны, изящны и отчасти медитативны. В них есть толика невыстраданной тоски и грусти. Чувствуется, Эми – глубокая, эмоциональная натура и очень тонкая, чуткая актриса с философским отношением к жизни. Она и альбом назвала соответственно («Это есть жизнь»). Свои песни она не только поет, но и рассказывает, «переживает». Особенно это касается трека Let's Start A Band, некоторую «эпическую» однообразность которого скрашивают мистически красивый бэк-вокал и волшебное звучание флюгельгорна.

Очень жаль, что столь яркая, блистательная артистка с содержательным репертуаром до

сих пор малоизвестна широкому кругу меломанов. Уверен, она достойна значительно большего успеха.

АЛЁНА ВЫСОТСКАЯ «СНЕГУ РАДА»

Очень удачный дебютный альбом молодой певицы – лауреата одного из телеконкурсов «Пять звезд» (2005). Алёна сама пишет музыку и слова, и, надо сказать, делает это довольно талантливо и профессионально. Ее песни очень мелодичны, певучи, неплохо аранжированы, многие из них вполне шлягерны. Она умело, со вкусом и толикой изящества создает протяжные, тяжеловатые, местами вязкие, поднимающиеся вверх мелодические темы, а в аккомпанементе весьма грамотно использует сентиментальные, трогательные за душу гармонии, что выдает в ней хорошо выученную и крепкую музыкантку. Аранжировки тоже весьма плотные, насыщенные, современные, с использованием компьютерных программ и живых гитар.

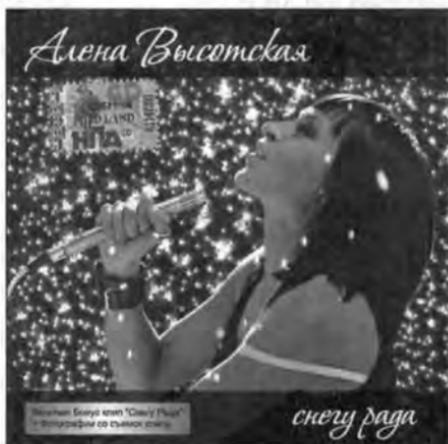
Голос певицы обнаруживает высокую степень драматизма,

страсти, в каждой композиции Высотская выкладывается без остатка (может быть, поэтому именно ей вручила свой спецприз на том же конкурсе Алла Пугачёва). Поэт Алёна чисто, звонко, сочно, мощно, хотя ее голосу, возможно, недостает ярко выраженной, броской тембровки. Однако если певицу ставили бы чаще в теле- и радиоротации, она была бы вполне узнаваема и наверняка более популярна. Песня «Вижу тебя», например, уже достаточно хорошо известна по различным радиопрограммам.

Но что мешает раскрутить другие ее яркие работы? Мощное впечатление производит «Снегу рада» – залихватская, ритмичная, жестковатая и совсем неженская баллада (несмотря на то, что вокально певица здорово напоминает здесь Валерию). Пронзительная «Таяла вода» успокоит романтических девушек в минуты душевных невзгод. Трек «Послушною рекой» содержит фольклорные (этнические) интонации. А дискотечная «Небо пополам» понравится, скорее, тем тинейджерам, которые любят танцевать дома.

Правда, самая красивая композиция альбома, конечно же, «Улетай», хотя она как будто и напоминает известные среднестатистические хиты (вспомнился почему-то давний «Светлый остров надежд твоих», спетый как-то всеми участниками в финале «Рождественских встреч Аллы Пугачёвой»).

Отрадно, что в творчестве Алёны прослеживается тенденция к воспеванию сил природы – неба, земли, воды, снега, ветра, весны, деревьев, птиц и т. д. Она хочет словно слиться с ними, стать «травой-рекой» или чем-то в этом роде. Исходя из вы-

шесказанного, следует признать, что певице вполне удалось создать цельный, концептуальный альбом. В нём все песни – о природе, о жизни, о любви. И несмотря на то, что частенько репертуар и вокальная подача Высотской заставляют проводить аналогии (не только, кстати, с Валерией, но и Варварой, Пелагеей и много кем еще), несомненно, что она очень поэтичная, сильная и даже философичная натура.

«ВИА ГРА» ЛУЧШИЕ ПЕСНИ

Название диска говорит само за себя – это действительно лучшее, что написал Константин Меладзе для девичьей группы. К слову, этот талантливейший композитор и поэт плохо не пишет вообще. Я бы даже начал уже говорить о феномене «многоликого Меладзе». Ведь он еще и один из самых успешных продюсеров. При этом «равновелик» во всех ипостасях.

Прекрасно выписанные мелодии – здесь и абсолютно хитовые мотивы, и чуткое развитие тем, и нетривиальная очередность гармоний, и в меру «нагруженные» аранжировки. Интересны и стихотворные темы – «Океан и три реки», «Цветок и нож», «Лучшие друзья девушек – это бриллианты», «Обмани, но останься» и др. Тексты так и дышат креативностью, легкостью, «невымученностью», хотя Меладзе создал такое их количество, что, кажется, пора уже и честь знать. Правда, есть и вирши на грани фола: «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи», «Убей мою подругу» и пр., но они только придают так необходимой для попсового хита остроты, терпкости, «перчено-

сти». Меладзе работает с виртуозным ощущением меры допустимого и возможного. Вот что значит его величество Вкус!

Что же до самих девушек, то без своего мэтра они вряд ли что значили. Это обыкновенные исполнительницы-самоиграйки, что-то типа звукоснимателей у проигрывателя. Можно заменять их хоть по очереди, хоть сразу оптом – никто ничего не заметит. Голоса их бестембровы, лица безлики, только униформа. Но ничего не скажешь – профессионалы: свое ремесло знают туго, вышколены безупречно, а всё остальное сделает в студии «папа» Константин: и голоса грамотно сведет, и «околдовывающий» саунд выстроит.

И всё же явные достоинства альбома так же скоро оборачиваются его не менее очевидным минусом. Поскольку проектом занимается лишь один человек (пусть и безумно одаренный), то все композиции при прослушивании подряд воспринимаются как бесконечное, однообразное парение огромного воздушного шара, на который зачем-то вылили несколько литров дорогих духов. Или напо-

минают нечто, похожее на «кондитерскую вату», что продают в парках. А ее много не съешь. Вот такие ассоциации.

ВИЛЛИ ТОКАРЕВ
I LOVED YOU ONCE
(Лучшие лирические песни)

Новый диск известного шансонье, много лет живущего в Америке, распадается на две неравноценные части. Первая – треки в стиле нео-ретро: композиции романсового плана на хрестоматийные стихи Лермонтова, Пушкина, Бальмонта; вторая – типичные шансонетки Токарева о любимых женщинах, родной стране, русской истории, душе и т. п. Вся музыка и многие тексты написал, как обычно, сам артист. Это простенькие, иногда примитивные, скучные, но чаще вполне симпатичные, миленькие мелодии.

Всё бы ничего, но, право, хватит уже клясться в «святой» любви к России, кланяться в пояс Москве, называя ее «великой, столичной, стосильной, стомудрой». Всё это банально, ходульно, затерто, избито и пшло-вато. И потом, всегда легко любить издали, со стороны: лю-

бовь на расстоянии – совсем не та любовь, неискренняя.

Очень странно, вычурно, натужно звучат в устах артиста и песенные проповеди, обращенные к человечеству: «Что ты сделал с планетой своей, человек, ты не можешь ничем похвалиться... Человек, ты былинка с живою душой, чем владеешь, даровано свыше, / Возмнив, что на свете ты самый большой, ты от Бога ответа не слышишь». Превратиться в песенного брюзгу по доброй воле? Незавидная участь!

А к чему эти показные, деланные вздохи о трудной российской юдоли: «Не везет тебе со дня рождения, Русь богатая и могучая, ты всю жизнь свою только плакала, только плакала, только мучилась»? Ну а дальше, как водится, о величии и бессмертии русской речи и народном стоицизме: «Всюду слышен звон слова русского, неубитого и свободного, / Русский люд такой, он особенный, он всю жизнь терпел инородное». Есть там и про половцев, и про все несчастья. Жаль только, что бравый Вилли забыл вспомнить про татаро-монголов. Нелепые, словно пьяные, стенания, хотя певец поет абсолютно трезвым голосом.

Другое дело – симпатичные современные романсы Токарева на знаменитые стихотворные шедевры. Приятное, свеженькое впечатление производят композиции «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Я вас любил, любовь еще, быть может...» А ведь эти поэтические бриллианты уже давно обрели свою, не менее «бриллиантовую» музыку. Но дерзость Токарева оказалась здесь оправданной: ему удалось создать свои музыкальные версии, несколько не испортив классические опусы.

Одна из лучших композиций альбома – «Журавли». Она отсылает ко времени старой советской эстрады. И написана, и спета с очень большим вкусом и душой. Легкое ностальгическое настроение навевают и треки «Я теряю», «По минутам» и «Где-то белые ночи». Что же касается композиции Токарева на стихи Бальмонта «Две розы», то она отнюдь не сводит с ума: здесь не стоило входить в текстовое «соавторство» с известным поэтом, и вообще, получилось как-то слишком уж по-кабацки.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ «НЕФОРМАТ»

Известный певец и музыкант, «Род Стюарт российской эстрады» или, как еще его называют, Дженис Джоплин в штанах, собрал «самый любимый и бриллиантовый материал», который, как он написал в аннотации, «некоторыми воротилами шоу-бизнеса был определен как неформатный».

Материал действительно очень достойный по качеству: здесь сложные, серьезные рок-баллады исповедального характера, иногда «в одежке» брутального хард-н-хэви, блюза, иногда – бардовской песни. Везде осязаем колоссальный драйв инструменталистов: очень вязкие, фантазийные гитарные пассажи, жесткий звуковой каркас баса; реже, но всегда «к месту», вступают клавишные. И на этом богатом фоне летит, трубит, звенит, мерцает и манит знакомый хрипловатый рокерский «тенор». В общем, альбом вышел мастерский, крепкий.

Самые удачные произведения – «Больше не встречу», «Круги на воде», «Москва», «Я верю огню», «Первый снег» и «С

Рождеством Христовым». В принципе все работы так или иначе перекликаются – как смыслово, содержательно, так и в плане аранжировок, «музыкального костюма». Правда, в больших количествах слушать эти композиции нельзя: очень устают ухо и почему-то становится тяжело на душе. Понятно, что музыкантам хотелось «выговориться», выложиться по полной, но надо думать и о филофонистах: что хорошо и естественно воспринимается в клубе или камерном зале – совсем иначе слушается дома из плеера. Нет, это совсем не значит, что теперь пора гнать исключительно «попсятину», ориентируясь на тот самый пресловутый «формат». Боже упаси! Но раз уж вы, друзья, решили играть и петь сложный, как инструментальный, так и текстовый материал, то количество треков на диске стоило уменьшить хотя бы до девяти. В противном случае слушателю придется делать «остановки в пути», чтобы надлежащим образом переварить только что услышанное.

Не стоило, вероятно, включать в альбом две песни Высоцкого. Спеть Высоцкого лучше,

чем это сделал сам автор, – невозможно, так же страстно – трудно, по-своему – можно, но вот нужно ли? Во всяком случае, ни «Дом хрустальный», ни «Я любил и страдал» в исполнении Саши меня как-то не вдохновили. Кстати, не стоило так много «хрипеть» в чудесной рождественской песне: ее надо было спеть, наоборот, максимально чисто и протяжно.

Но как бы там ни было, новый альбом Александра Иванова – это глоток профессиональной безоглядности и настоящего творчества.

ШАРЛЬ АЗНАВУР ДУЭТЫ (2 CD)

Величайший французский шансонье выпустил ностальгический сборник дуэтов, спетых им в разное время с другими, не менее выдающимися певцами планеты. Среди этих культовых фигур значатся Пласидо Доминго, Эдит Piaф, Фрэнк Синатра, Элтон Джон, Стинг, Селин Дион, Хулио Иглесиас, Брайан Ферри, Пол Анка, Джонни Холлидей, Нана Мускури...

Это красивые, чуть старомодные, но от этого не менее притягательные лирические баллады, дышащие простым аристократическим величием и изысканным французским шармом. Почти все песни написаны самим Азнавуром – во многих из них он значится автором музыки, в некоторых – автором стихов, а что-то создано его композиторским и поэтическим гением одновременно. Это музыка для гурманов, во всяком случае, для возрастной, хорошо подготовленной и умеющей СЛУШАТЬ публики. Она пробуждает воспоминания, уводит в мир грез, рефлексии, высоких мечтаний и фантазий.

Кто бы мог подумать, что такие разные по темпераменту и природе своего дарования артисты, как Шарль и Лайза Миннелли, смогут слиться в столь жарком, испепеляюще-проникновенном эротическом поцелуе (трек Quiet Love)? А Элтон Джон, наоборот, будет излишне строгим и даже жестковатым (песня Hier Encore)?! Великолепен шуточный браваурный шлягер Mes Emmerdes, исполненный вместе с Гербертом Кронмейером – моя любимая композиция в альбоме. Одна из самых больших удач шансонье и «слияние в экстазе» с блюзовой певицей Кароль Кинг (The Sound Of Your Name). А легендарная азнавуровская La Boheme столь же волшебно звучит в дуэте с Джошем Гробаном. Еще один весомый козырь, помимо дивных мелодий и уникальных голосов, это роскошные оркестровки и аранжировки с использованием только живых инструментов. Такое сегодня редко сыщешь.

Я бы назвал «Дуэты Шарля Азнавура» ценнейшим документом ушедшей и уходящей музыкальных эпох.

Сергей СОСЕДОВ

АННА СЕМЕНОВИЧ

